МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СИСТЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРА РАО
ЛАБОРАТОРИЯ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

СИБИРСКАЯ ШКОЛА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ИНСТИТУТ «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» (ФОНД СОРОСА, МОСКВА)

МЕГАПРОЕКТ «РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ)»

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ОТКРЫТОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНЕ»

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ (ТОМСК)
ЦЕНТР ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРАКТИКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Томск 2002

ББК 17.2 + 18 + 74.2 + 74.03(2Рос)6 + 74.04
УДК 13; 316.34; 008; 37.01:001.8; 37.02
П 48

Поколенческий дискурс в практиках самоопределения: Сборник научных трудов. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2002. — 244 с. — 500 экз.

Данный сборник является четвертым выпуском в издательской серии, посвященной теме «Философия и педагогика самоопределения». В основу книги легли материалы состоявшегося в декабре 2001 г. в г. Томске Сибирского Антропологического Форума Поколений «Дети Декабря», а также цикл работ автора проектной идеи Форума, основателя и руководителя Сибирской Школы гуманитарного образования, кандидата философских наук Александра Попова.

На страницах сборника ведут диалог люди, являющиеся представителями разных возрастов, разных профессий, разных регионов, но объединенные общим стремлением найти новый, гуманитарный формат обсуждения антропологических проблем в нашей стране. Тема поколений стала для всех участников проекта своеобразной «картой самоопределения», относительно которой строились версии и предлагались интерпретации того, что происходит сегодня с Гуманитарной Россией.

Являясь научным изданием, книга одновременно может рассматриваться и в качестве оригинального учебного пособия для системы повышения квалификации в сфере образования. Она рассчитана на исследователей и проектировщиков систем открытого образования, педагогов, тьюторов, а также других специалистов в сфере практической антропологии.

Под редакцией *И.Д. Проскуровской*, канд. филос. наук

Рецензент: *М.П. Войтеховская*, канд. ист. наук

Редакционная коллегия: *Т.А. Поломошнова*, *Е.С. Рожкова*

Сборник издан при финансовом участии Мегапроекта «Развитие образования в России» (Институт «Открытое общество»).

ISBN 5-89428-091-5

© Коллектив авторов, 2002.
© Кафедра гуманитарных технологий в системах образования и подготовки кадров ТГПУ, 2002.
© Лаборатория открытого образования и практической антропологии Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО, 2002.

«Смысл деления на поколения — осознать себя звеном в жизнесмертной цепи. Я не хочу быть только способом существования белковых веществ или совокупностью общественных отношений. Я хочу жить в стране под названием «Россия» вместе с Преподобным Сергием Радонежским, вместе с Антонием, основателем Киево-Печерской Лавры, вместе с государем-императором Николаем II, вместе со всеми, кого хранит память моего народа. Чтобы осознать себя звеном этой цепи, надо мыслить себя приуроченным к поколенности. Иначе ты становишься коллекционером некоторого глобального личностного рынка. Есть личностный рынок, где известно, кто сколько стоит, сколько надо заплатить, чтобы получить нужные компетенции, и сколько тебе будут платить, когда ты их получишь. Ты будешь очень эффективным, тебя примут в любом Нью-Йорке и Париже. За тобой не признают только одного — права называться жителем Томской или какой-то другой Русской Земли.»

О.И. Генисаретский

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРАКТИКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Ирина Проскуровская
Генерация мысли (вместо Предисловия) _____ 6

Раздел I. ГУМАНИТАРНАЯ АНАЛИТИКА 12

Олег Генисаретский
Гуманитарные стратегии и практики _____ 12

Вячеслав Лозинг
Современные геополитические вызовы и Поколение Рубежа ____ 27

Сергей Смирнов
Культурное задание поколению: от поколения философов к философии поколения _____ 37

Андрей Главанаков
Русское действие: стратегии современной дееспособности _____ 42

* * *

Александр Попов
Гуманитарные карты новой Страны _____ 49

Владимир Максимов
Нарративная технология поколенческого дискурса _____ 61

Наталия Рыбалкина
Поколение.UA, или Тьютор Как Иное _____ 71

Игорь Давлетшин
Российский видео-арт 90-х: смена художественных стратегий _____ 82

Александра Блок
Масс-медиа как сфера антропопрактики _____ 87

Аркадий Цукер
Консультирование и экспертиза как новые типы нтеллектуального бизнеса 101

Андрей Зоткин
Профессиональные поколения: гуманитарный взгляд на профессиональную стратификацию 106

Раздел II. ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА 114

«События России — в родовом и личностном времени»
Авторский вечер Олега Игоревича Генисаретского 114

«Поколенный взгляд»
Интервью с О.И. Генисаретским 135

Раздел III. Александр Попов: «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — ЭТО ФИЛОСОФИЯ ПОКОЛЕНИЯ» 144

Пятый человек: Антропологическое исследование 144

В поисках антропологии: между методологией и феноменологией 152

Педагогика как дизайн-практика 175

«Будущее просто шло своей дорогой» 183

«Школа гуманитарного образования — это абсолютно поколенческий проект» 208

Образовательная политика, или Означение жизненного пространства 223

«Другой Страны у нас нет»
Интервью с А.А. Поповым и И.Д. Проскуровской 228

ГЕНЕРАЦИЯ МЫСЛИ (вместо Предисловия)

Жизнь — это выстрел в упор.
И культуру — самопознание жизни —
нельзя отложить на потом.

Из интервью Хосе Ортега-и-Гассета

Первого и второго декабря 2001 года в Томске произошло неординарное событие, которому во многом обязано появление этой книги. Нельзя сказать, что оно сопровождалось громким и многоголосым пиаром. Нельзя сказать, что оно было замечено сразу всей интеллектуальной общественностью города. Но есть несколько моментов, которые заставляют думать, что в декабре 2001 года в Томске произошло событие культурно-исторической важности, а именно: было положено начало восстановления преемственности сибирской гуманитарно-технологической традиции.

Событие это называлось Сибирский Антропологический Форум Поколений «Дети Декабря». Академический Томск сегодня уже не удивишь практически никакими симпозиумами и конференциями. Но для многих гуманитариев Сибирский Антропологический Форум неожиданно оказался абсолютно новым форматом предъявления и практической демонстрации гуманитарного интеллекта.

Не секрет, что гордостью и одновременно бедой Томска является исключительная академическая направленность всей его гуманитарной науки. Гордостью — потому что Томск заслуженно славится известными сегодня во всем мире предметными научными школами — исторической и филологической. А бедой… Мне кажется, что Томск до сих пор так и не оправился от того удара, который нанесла его гуманитарно-технологической традиции советская идеологическая «машина», когда фактически все те, кто работал или двигался в сфере прикладной гуманитаристики и практической антропологии, были лишены не только возможности работать, но и жить. Почему я так считаю? Потому что иначе сегодня в Томске не было бы таким удручающим положение с управленческими кадрами в социально-гуманитарной сфере, а томских студентов-менеджеров не учили бы действовать и принимать решения по американским схемам и учебникам.

А ведь здесь в Томске, в начале прошлого века работал и погиб ученик Гуссерля русский феноменолог Густав Шпет. (Известно, что именно представители феноменологического направления в философии провели все необходимые разработки для преодоления тотальности естественно-научного знания в человеческой практике и заложили основания для нового типа знания — социально-гуманитарного. На этой основе, собственно, построены сегодня и

современная социально-гуманитарная аналитика, и экспертиза.) Здесь работал вынужденный эмигрировать в Германию в 1920 г. теоретик педагогики Сергей Гессен. На материале томских лекций он написал свой самый известный труд «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» и посвятил его Томскому Императорскому университету. Наконец, здесь работала плеяда томских философов во главе с Павлом Васильевичем Копниным, занимавшихся проблемами логики и методологии науки и стоявших наряду с другими учеными у истоков диалектического метода в советской философии.

Кто мы? Откуда идем? Какую историю оставим после себя?

Имея непосредственное отношение к сфере высшего педагогического образования, консультируя ряд социальных и образовательных проектов и программ, я ощущаю, какая пропасть отделяет сложившиеся сегодня практики работы с Человеком от той гуманитарно-технологической перспективы, которая была намечена в работах ведущих представителей вышеназванных и других российских гуманитарных и антропологических школ XX века — Л.С. Выготского, М.М. Бахтина, членов Московского методологического кружка (М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкого) и др.

Гуманитарный Томск. Гуманитарная Сибирь. Гуманитарная Россия.

Без восстановления поколенческой логики приблизить их у нас нет никаких шансов.

* * *

Я устал быть послом рок-н-ролла в неритмичной стране…

Из песни Бориса Гребенщикова

Идея Антропологического Форума возникла несколько лет назад. Тогда же он получил и свое имя — «Дети Декабря» — по названию одноименного альбома Бориса Гребенщикова. Для нас, поколения 80-х (или «поколения перелома», как его называли), впрочем, как и для поколения 90-х, этот альбом был символом времени и самих себя. Тогда мы действительно впервые остро ощутили проблему социальной и исторической преемственности. Некоторые из нас, учившиеся на истфаках, покинули вузы. Но сегодня все видится гораздо сложнее. Сегодня мы решаем более серьезную проблему — проблему своего наследия в мысли, в методологии, в подходе. По этому поводу замечательно сказал на Форуме ректор Сибирского государственного медицинского университета, профессор Вячеслав Новицкий: «Я счастлив, потому что в отличие от многих, я знаю, сколько мне лет. Мне 130 лет — столько, сколько

насчитывается той научной традиции и той кафедре, на которую я пришел первокурсником и которую имею честь сегодня возглавлять».

За эти годы Форум стал местом встречи людей, стремящихся стать Поколением. Здесь не имеют значения физический возраст, поскольку, по гипотезе участников, поколение — это картина мира, смыслы, ценности, предназначение в стране и культуре.

Участниками Форума-2001 стали 250 представителей из различных регионов Сибири (Красноярска, Кемерово, Улан-Уде, Междуреченска, Новокузнецка, Новосибирска, Барнаула, Бийска). Среди приглашенных участников были известные ученые, философы, издатели, политики.

Официально организаторами Форума выступили Томский государственный педагогический университет (кафедра гуманитарных технологий в системах образования и подготовки кадров), некоммерческое партнерство «Политика развития» (Агентство гуманитарных технологий «Депо»), Сибирская Школа гуманитарного образования и Томская региональная молодежная общественная организация «Поколение-XXI».

Но это официально. Важнее другое: мы — организаторы — и ряд гостей Форума объединены сегодня участием в деятельности Сибирской Сети Открытого гуманитарного образования. Начиная с 1996 г. мы проводим исследования и разработки, связанные с проектированием, реализацией и аналитикой открытых образовательных пространств для системы общего и профессионального образования. Одной из таких разработок стал Всероссийский конкурс сочинений студентов и старшеклассников «Белая книга» (образы прошлого: история семьи, рода, страны — глазами молодых). По отзывам участников, оценкам экспертов и нашему собственному ощущению — ощущению авторов проекта — Форум Поколений «Дети Декабря» тоже стал именно таким пространством. Мы попытались пройти между «Сциллой» академического мероприятия и «Харибдой» развлекательной «тусовки». И, пожалуй, за семь лет поиска мы нашли наиболее оптимальный гуманитарный формат проведения подобного мероприятия, последовательно «преодолев» жанр конференции, сейшна, ОДИ-семинара и интенсивной Школы.

Где проходят поколенческие границы в современной России?

Какие практики можно считать поколенческими?

В чем заключается поколенческая миссия живущих сегодня?

Версии ответов на эти и другие вопросы стали для нас отправными в разработке программы Форума.

Самое ценное, на мой взгляд, то, что Форум вышел за границы социологизаторского и политологизаторского залога обсуждения темы поколений, эксплуатации распространенных популизмов про

«молодежь», «молодой народ» и т. д. На открытии Форума прозвучала мысль о том, что одна из ключевых национальных задач сегодня — это поиск альтернативных ресурсов развития, и поколенческая тема создает необходимое напряжение для построения целой палитры возможных версий и интерпретаций относительно Прошлого, Настоящего и Будущего страны. Гость Форума, доктор искусствоведения, профессор Олег Игоревич Генисаретский отметил наличие особой, гуманитарной логики, которую открывает тема поколения. «Поколение — это не социальная категория, не сословие, не отношение к средствам производства, а живая реальность. Поколение — это такая единица родового и социологического умозрения, которая позволяет видеть жизнесмертные отношения, то, что соединяет смертное с живым».

Общей интенцией Форума стало обсуждение проблемы продуктивной коммуникации поколений в современной России, поскольку, несмотря на более чем десятилетнюю «эпоху перемен», в стране до сих пор не произошло процесса культурно-исторической и поколенческой идентификации. Возможно, причина заключается в том, что можно назвать синдромом «родового отчуждения», связанным с исторической приватизацией властью в России вопроса о поколенческом самоопределении. Открыть другие каналы поколенческой идентификации, такие как культурное, символическое, гуманитарное сознание — во многом и стало миссией Форума.

На мой взгляд, одним из самых интересных событий Антропологического Форума стала дискуссия «Поколение-XXI: какую историю мы продолжаем?». Она оказалась своеобразной фокус-группой, срезом ментальности так называемого «Поколения NEXT». Двадцатилетние люди с трудом выходили на вопрос об исторических основаниях собственного поколенческого самоопределения. И так случилось, что часть модных сегодня мифологем — «новое поколение», «мобильность», «постмодернизм» и другие — лопались, как мыльные пузыри, уже на этапе презентации участников дискуссии. Но проблема все-таки была поставлена: по отношению к какому культурно-историческому контексту мы самоопределяемся? Какой Проект мы продолжаем? «Включение молодых людей в гуманитарное конструирование Будущего Страны», — так сформулировал задачу Антропологического Форума его главный вдохновитель Александр Попов. Для многих из них, двадцатилетних, Форум стал первой в жизни попыткой восстановить проспективную историческую память. По отзыву одного из молодых участников, Форум оказался своеобразной площадкой, на которой «проблема Прошлого и Будущего, как проблема личностного и культурного самоопределения, вдруг ворвалась в нашу «повестку дня». Но самое потрясающее для меня состоит в другом — в том,

что наглядно показал Форум: самый большой дефицит сегодня — это дефицит гуманитарного языка, дефицит способности мыслить логикой собственных, а не чужих образцов и поступков. Дефицит самих Поступков. Наверное, сегодня проблема массовой идеологизации стоит в еще большей степени, чем раньше, потому что слишком часто имеет облик «собственного выбора». И я думаю, что данная книга — это отличный учебник по так необходимому сегодня предмету «От первого Лица».

Если бы меня попросили коротко и емко сформулировать суть произошедшего, я бы, пожалуй, воспользовалась метафорой. Для себя я назвала этот Форум событием «генерации мысли». Почему? На мой взгляд, нам посчастливилось реализовать сразу несколько смыслов этого выражения. Во-первых, как мне кажется, на Форуме действительно случилась генерация (порождение) идей, версий, интерпретаций, всего того, что можно назвать областью гуманитарной аналитики. Выступление каждого участника стало своеобразным «исследованием действием», оно сразу же порождало массу вопросов, реплик, отношений. Во-вторых, несмотря на разницу в возрасте, в профессиональных позициях, в регионах проживания, многие из нас, так или иначе, апеллировали к своей интеллектуальной и духовной преемственности с русской гуманитарно-антропологической традицией. И, наконец, в-третьих, все основные участники Форума являются создателями нового поколения гуманитарных проектов и программ, которые они сегодня разрабатывают и достаточно успешно реализуют в различных сферах практики — образовании, культурной и молодежной политике, книгоиздании, PR, СМИ, искусстве и т. д.

Борис Даниилович Эльконин однажды заметил, что, в конце концов, самое главное в жизни это то, под чем ты можешь подписаться, под чем не стыдно поставить свое имя. Если говорить о прошедшем Форуме, то я думаю, что данная книга — это в какой-то степени и есть наша Подпись.

* * *

Книга, лежащая перед Вами, не могла не появиться. К сожалению, она всего лишь небольшой сгусток той потрясающей энергетики, которая сопровождала участников Форума на протяжении всех двух дней. И я очень рада тому, что вместе с ее публикацией у Вас появится возможность стать нашими собеседниками, включиться в начавшийся диалог, прикоснуться к основным Идеям Форума, а благодаря текстам Александра Попова — во многом и к его Предыстории.

А еще на Форуме были премьера спектакля, звучал джаз («Музыка разных Поколений»), прошла демонстрация последних филь-

мов Гарика Сукачева и Сергея Соловьева. Жаль только, что все это невозможно опубликовать — кино, музыку, театр.

Хотя...

Здравствуй, я так давно не был рядом с тобой.
Но то, что держит вместе Детей Декабря,
Заставляет меня прощаться с тем, что я знаю.
И мне никогда не уйти до тех пор, пока...
Но если ты хочешь слушать,
То я стану петь для тебя.
И если ты хочешь пить —
Я стану водой для тебя.

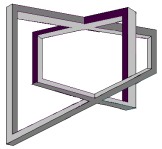
Б.Г.

* * *

Мы благодарны всем, кто участвовал, участвует и будет участвовать в проектах Сибирской Сети Открытого гуманитарного образования. Мы также признательны людям, сотрудничество с которыми является важной профессиональной поддержкой в нашей работе, и прежде всего, Александру Изотовичу Адамскому, Галине Александровне Вычужаниной, Олегу Игоревичу Генисаретскому, Татьяне Михайловне Ковалевой, Галине Николаевне Прозументовой, Борису Даниловичу Эльконину, Петру Георгиевичу Щедровицкому.

Следующий Антропологический Форум состоится, как обычно, в первые выходные дни декабря. В 2002 году эти дни выпадают на 30 ноября — 1 декабря.

Ирина Проскуровская, апрель 2002



Раздел I
ГУМАНИТАРНАЯ АНАЛИТИКА

Олег Генисаретский

ГУМАНИТАРНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ

Я откликнулся на предложение участвовать в декабрьском Форуме Поколений, потому что мне понравилась сама его формулировка. Обычно слово «поколение» употребляется в единственном числе, как обращение к новому поколению, к новому народу. Сам факт того, что в названии Форума «поколение» стоит во множественном числе, предполагает некоторое сосуществование таковых не в смысле передачи какой-то эстафеты, бега с препятствиями, когда, задыхаясь, надо добежать до старта и передать эту эстафету, а именно как сосуществование. Мне это показалось близко, с одной стороны, а с другой, этот Форум называется антропологическим, то есть об всем этом еще и по-людски, по-человечески надо суметь подумать, поговорить, обменяться мнениями, прочувствовать это. Поэтому жанр антропологический, то есть по-человечески про поколения во множественном числе. Форум проходит в стенах образовательного учреждения, в данном случае, в Доме Ученых, то есть мы обращаемся к определенной части своей жизни, это происходит в рамках ученого или учащегося сословия.

Слава Богу, вам не довелось заполнять анкеты советского времени. Там была такая графа — «социальное происхождение», и в ней писали в форме существительных: рабочий, крестьянин. А еще была прослойка такая, называлась «интеллигенция». Такая прослоечка из служащих, у которых не было своего классового имени. Мы писались «из служащих», то есть мы были служащие, а точнее, обслуживающие, «из обслуги» класса-гегемона, каковым считался рабочий класс. Это было большое притворство, большой обман и предательство. Я об этом далее поговорю.

Итак, о поколении по-человечески и в пространстве учащихся и учащих, ученых, в умном месте. Все знают про то, что существует йога, буддистская традиция, но мало кто вспоминает, что в православии есть своя мощная психопрактика, по-русски она называется «ум-

ное делание». Наши предки почитали как высшее способность, навык и вкус к умному деланию, то есть к жизни с помощью ума. Так вот о поколениях по-людски, среди людей, по-человечески и не без ума. В прошлом веке в духовной семинарии был такой обычай. Когда студент приходил на экзамен, он у преподавателя спрашивал: «Отвечать как, с рассуждением или без рассуждения?». То есть, как положено: с применением ума, с умом, или без применения ума? Я надеюсь, что то, что будет проходить на нашем Форуме, оно будет не без ума, а со стремлением к уму, к рассуждениям. Это о мотивах, почему я счел дозволенным здесь перед вами появиться. Потому что это самое «умное место» и этот самый «ум», он существует сам по себе. Он не принадлежит никому, он не принадлежит никакому сословию, он не принадлежит никакому поколению. Поэтому надо сориентироваться по отношению к умному месту, к этой сущности. Как мы себя располагаем по отношению к этому, куда мы хотим в этом пространстве попасть и хотим ли вообще и, если хотим, то зачем? Для того, чтобы какие-то инструменты для жизни получить или самим как-то пресуществиться, стать другими. Вот в чем вопрос, вопрос-вызов. Это наш общий поколенческий вызов. Ну а теперь шаг за шагом попробуем продвинуться в понимании того, что происходит.

Давайте этимологически к делу подойдем. Поколение — общий корень со словом «колено». То, что сгибаемо, и то, что позволяет нам двигаться, продвигаться в жизни. Если вы держали когда-нибудь в руках Библию и заглядывали в Ветхий Завет, то вы знаете, что «поколеном», или «коленом» назывались не возрастные группы, говоря по нашему, а семьи. «Колено Вениаминово» — это те, кто произошли от Вениамина. То есть поколение — это группа людей разного возраста, но имеющая общего предка. То же имеет отношение ко времени — историческому, генеалогическому, но в другом смысле, чем когда мы с вами говорим о поколении

Поколение в теперешнем смысле раньше называлось сверстниками, то есть людьми, стоящими у одной версты на пути жизни — вот это уже возрастная группа. Сверстники — это одинаково сверстанные кем-то и чем-то — культурой, обществом, Богом. Это очень традиционное, одно из древнейших социальных умозрений, то, что жизнь устроена из возрастных групп. Еще раньше наши индоевропейские предки (об этом в и Ведах и Упанишадах сказано) делили мир на четыре части: счастливое детство, прекрасная юность, мужественная зрелость и мудрая старость. Все четыре возрастные группы в целом — это и есть типовое поколение. Было еще и другое деление — на семь седьмиц, то есть на семь колен жизни, по семилеткам. Почему школа начиналась с семи лет? Первое возрастное время кон-

чалось в семь лет, второе в четырнадцать, юношеское в двадцать один и т. д.

Психологи знают, что именно так сейчас считают возраста критичности в возрастной психологии. А между этими стадиями в 14, 21, 28, 35, 42 — возрастные кризисы. При переходе из одного поколения в другое — возрастной кризис, когда человеку надо заново ценностно перевооружиться. Он уже не тот, он еще не другой, и этот промежуток называется в психологии «психическим мораторием», когда мы выбираем новую идентичность. Этим самым я хочу сказать, что вопрос о поколении а) очень древен, б) научно осмысляем, в частности в психологии. Но, наверное, нас не ради этого сюда собрали, и есть что-то еще. Это что-то еще как раз связно с вопросом о верстке: а под что сверстано поколение, мимо каких верст еще предстоит — нам, вам, каждому — пройти. А пройти предстоит очень известный путь, и конец его ни для кого не составляет тайны.

Поколение — это такая живая реальность, непосредственно к жизни относящаяся. Во-первых, это та возрастная группа, среди которых вы будете преимущественно выбирать жен и мужей, брачеваться. Это также ваши сверстники, те, которых вы будете хоронить, когда время настанет. Поэтому у каждого поколения есть свои возрастные групповые задачи в каждом возрасте: вместе учиться, вместе брачеваться, рожать и воспитывать детей, вместе доходить до акмэ и решать для себя задачу, что нам удалось. Кстати, есть два пика самоубийств: с 18 до 22 лет, в романтический период, с 40 до 42, в возраст, когда оцениваются достижения.

Почему это интересно? Потому что поколение — это не социальная категория (такая, например, как рабочий класс, который имеет отношение к средствам производства, хотя рабочий класс — это способ не иметь средства производства, т.е. это те, кому нечего терять кроме своих рук). Поколение — это живая реальность, это поток жизни, и очень важно понять отсюда эту живую задачу. Почему, спрашивается, вокруг поколения, вступающего в жизнь, вокруг молодежи всегда такая политическая возня происходит во времена перемен? «Коммунизм — это молодость мира, и ее создавать молодым», — сказано поэтом Маяковским в 20-е годы. Это обращение за помощью, это возложение на поколение задач, которые на самом деле были поставлены не им, и плодами которых будет пользоваться не оно. Сейчас снова: «молодое поколение, молодое поколение»! Почему? Потому что власть всегда решает такую странную задачу, как совместить власть среди живых с властью в жизнесмертном пространстве. Дележ власти с теми, кто уже умер — это проблема правопреемственности, то есть к кому мы возводим свое право властвовать.

Когда принималась последняя Конституция, она была про наше правопреемство с Российской Федерацией, то есть была возведена к 22-му году. Не к России, которой тысяча лет с Киевской Руси, не к законам Российской империи, а мы свое родство признали только с двадцать вторым годом, с правительством, которое возглавлял Ленин и Троцкий. Тем самым мы признали Брестский мир, тем самым мы признали то, что Прибалтийские республики и Финляндия находятся априори за пределами страны. Тем самым мы признали право на распад Российского государства, потому что именно тогда, в 1922 г., Российская Федерация была разогнана как Федерация, поскольку собралась по Учредительному Договору и поэтому могла потом сама и распуститься.

На этом примере вы видите, что власть решает такую задачу: как установить преемственность с прошлым и с будущим, то есть как сохранить себя в качестве власти же. Как сохранить сферу власти в будущем? Это значит переложить бремя зашиты этой власти на будущие поколения, сделать комсомол «кузницей кадров». Это решалось компартией с помощью такого простого уравнения: комсомол, то есть молодежная организация — это кузница кадров для кого? Для КПСС, для тех, кто правил страной. Поэтому задача работы с молодежью у власти всегда эгоистичная, поскольку это задача не самого поколения, а тех, кто уже эту власть имеет.

Очень важно это зафиксировать, потому что совсем не очевидно каждый раз, что экзистенциальные жизненные интересы — это как раз те, которые нам вменяет к тому же еще не очень вменяемая власть. Будучи невменяемой, она вменяет поколению какие-то задачи. По какому, собственно, экзистенциальному и человеческому праву?

Итак, у гуманитарных психологов есть такое понятие «базовая», или «главная сцена сознания». Для меня — как методолога и исследователя — важен вопрос: на какой сцене сознания, на каком экране сознания это поколенческое самоопределение вообще осуществимо? В свете традиционных народных умовеяний я утверждаю следующие: поколение обретает свое начало и поколенческую идентичность на сцене похорон. Неизвестно где в народных массах родился замечательный жанр фотографии — семья и все родственники около гроба умершего члена семьи. Ни в петербургской, ни в московской, ни в парижской или шведской фотографии такого жанра нет. Этот жанр появился в городе, где есть фотоаппарат и еще живо народное сознание. Сошлось техническое средство, фотоаппарат, и живое народное сознание. И так само собой получилось, что люди, когда стали собираться на похоронах, они стали фотографироваться и потом эти фотографии хранить. Так и отмечали жизнь: тут мы похоронили одного, тут другого. Такая фотографическая символика — своеобразная

поминальная книга в образах. Род вспоминает самого себя. Вот умерли деды, еще стоят наши родители, а потом и родители и так далее. Средством сознавания себя в череде поколений стала фотография у могилы, у гроба, даже не сидя. В храме не сидят — если вы верующие люди. Это принципиально важная вещь, потому что это ответ на вопрос, в какой временной перспективе мы этот феномен поколения осмысляем. При рождении мы отсчитываем поколения или мы их отсчитываем от чего-то другого?

Вы же знаете, что это необычная традиция — отмечать дни рождения. Обычно отмечались именины, то есть день Святого, в честь которого я назван, юбилеи, а когда человек умирал, то отмечались дни памяти. Например, недавно отмечали двухтысячелетие со дня смерти Сократа. Поэтому в какой временной перспективе? Один из символов нашей церковной памяти и памяти вообще — это смертная память. Жить перед лицом смертной памяти — это жить перед лицом встречи, которая произойдет, то есть перед лицом встречи со своими предками, перед лицом встречи с Богом, со святыми, с ангелами. Символически время в культуре обратимо. Есть прямая перспектива времени, когда мы идем туда. Прямая перспектива времени — это путь к падению. А обратная перспектива — это путь к Вечной Жизни. Так считали наши предки, так устроена наша культура и наше вероисповедание. Это очень важно понять для себя.

Я в данном случае выступаю в качестве библиотекаря, я рассказываю о том, как было устроено генеалогическое сознание, то есть сознание о родах и поколениях. Есть такой особый тип — родовое сознание. Можно думать от своего имени, от имени лица, а можно думать от имени рода, каких-то родовых сущностей. Если ты находишься в родовом пространстве, то там по-другому течет время. Оно иначе устроено, чем в пространстве личного. Вот на этой сшивке все интересное и происходит. Поэтому, как говорится в вашей педагогике самоопределения, самоопределяйтесь. У вас есть несколько возможностей располагать себя во времени. Можно мыслить в прямой перспективе — туда, по стреле астрономического времени, так, как живут все мертвые тела, булыжники по имени «метеориты», которые летают в космосе, микробы и все прочие твари, над которыми человек вроде бы поставлен царем. А есть время родовое, обратное по отношению к прямой, то, которое во сне у нас, которое в ритуальной структуре, тогда мы себе как люди, как цари и священники. В символическом гуманитарном мире есть разнообразие время-сознаний, поэтому тут надо однажды сориентироваться, куда, а потом эту ориентацию проверять.

Теперь, когда я отослал вас к родовому умозрению, перейдем, собственно, к серьезной гуманитарной интеллектуальной проблеме,

которую поколение ставит перед исследователем. Многие из вас уже учатся в университетах или будут учиться, поэтому вы еще испытает вкус гуманитарного знания. Там есть свои фундаментальные проблемы. Одна из проблем, которая сейчас наиактуальнейшая, как раз связана с темой поколения. Я вам сейчас приведу несколько примеров, чтобы пояснить, почему это так. Где собственно человеку надо умом самоопределяться? Про то, как народное сознание было устроено, проблема власти в жизнесмертном пространстве, я уже сказал. Теперь давайте несколько примеров из разных наук.

Скажем, биология. Есть такое разделение между филогенезом и онтогенезом. Филогенез — это жизнь в цикле поколений, передаваемая от старшего поколения к младшему. Передача жизни от одного поколения к другому в эволюционной биологии — это одна ветвь знания. И есть еще онтогенез — это та же жизнь, но в рамках одного поколения. Вот я был зачат, вот я развивался в плоде, вот я родился, вот я живу, расту, развиваюсь, старею и умираю. Это называется онтогенезом. Есть такое феномен, который оказал огромное влияние на гуманитарное знание. Известно, что в некотором, чисто эмпирическом смысле, плод человеческий, развиваясь от момента зачатия до рождения, ускоренно проходит стадии развития всего живого. Сначала у него жабры появляются, потом он похож на птицу, и у него есть что-то вроде крыльев. Тело выглядит так, как если бы человек, находясь в утробе матери, повторял этапы эволюции.

То есть, есть странное соединение этих двух времен: большого исторического времени, в котором протекает эволюция, и малого времени, нашей индивидуальной эволюции в утробе матери. Онтогенез ускоряет филогенез. Так принято было считать в биологии еще до молекулярной генетики, но теперь то же самое называется генотип и фенотип. Есть генотип, в котором живое закодировано в эволюционном времени, а есть фенотип, что приобретается популяцией в среднем времени. Второе наблюдается глазами, а генотип можно наблюдать только в электронный микроскоп. Но важен сам принцип: как бы постулируется или предполагается, что есть два времени, два разных времени. Одно время большое, длинное — время эволюции, филогенез, а другое время более короткое, время жизни каждого индивида, это онтогенез, и они между собой связаны. Одно повторяет другое.

Видимо, из биологии (но вообще-то науковедчески это не проясненный вопрос) эта схема перекочевала в науки о культуре и обществе. И педагоги считают, что, якобы, человек в своем развитии с детства до старости повторяет эти эволюционные стадии. Так была сконструирована возрастная психология. Сначала весь такой немой из себя, бессознательный, у него «Я» не сформировано. Он

там пузыри пускает, еще Бог знает что делает. Потом постепенно у него формируется внутренняя речь, и он обретает сознание, рассудок, волю. Так раннее детство уподобляется жизни первобытных народов, которые такие наивные и у которых никакого прогресса. Личности там, видите ли, нет, института свободы, ну как у ребенка. А потом постепенно эти народы мужают, и Кант недаром приравнивал Просвещение, XVII–XVIII в. к периоду взросления. Человечество, говорил он, наконец-то созрело, перешло из детского возраста, из отрочества в мужественный. И что оно сделало после этого? — Французскую революцию, убило собственного короля и вообще много крови пролило. Созрело, да. Это уподобление к странным результатам привело. Получается, что эта аналогия большого и малого очень повлияла на жизнь общества. Дальше фрейдизм это перенес на психику каждого из нас. Сначала мы такие все бессознательные, у нас детство, детский период, мир такой волшебный, чудесный, вещи разговаривают, мы с ними общаемся, они за нами следят, мы за ними следим. Это то, что Пиаже назвал анимистическим, то есть бессознательным периодом. А потом мы постепенно жиреем и доходим до момента, когда должен произойти разрыв с родителями, с родительским домом, и мы отправляемся в жизнь. И та же самая аналогия, как в случае с плодом в утробе матери, как в случае с обществом.

Это все схемы умозрения, способы рассмотрения феномена жизни. Деление времен на два, на большое и малое, когда одно относится к роду, родовое сознание, а другое относится к каждому из нас. То же самое есть в филологии. Основатель современной структурной лингвистики знаменитый де Соссюр то же самое постулировал для языка. Есть язык, а есть речь. Язык возникает сразу, целиком, он не развивается и он где? У рода, над нами. И каждый из нас им только пользуется и производит речевые акции. Нам принадлежит речь, а мы принадлежим языку, и некоторые лингвисты, Хайдеггер, в частности, как философ, говорил: это не мы говорим, это язык через нас говорит. А мы только рты раскрываем и производим речь. А вот над языковыми структурами, над ними мы не властны. И так далее. Или, например, методологи, которые точно так же разделяют деятельность и поведение, деятельность и действие. Деятельность — это родовая структура, она где-то в структуре записана, а мы только в своем поведении предпринимает некоторые действия, но каждое действие реализует что-то из деятельности.

Итак, зафиксировали это обстоятельство, что по отношению к разным реальностям — к жизни в биологии, к языку в лингвистике, к культуре в культурологи, к душе в психологии применяется одна и та же схема — делить все на большое и малое, на то, что относится к отдельному организму, к отдельному лицу, и то, что относится к ро-

ду, к большому, целому, человеческому. Вопрос: откуда все это? Зачем я об этом спрашиваю? А затем, что кроме того, что их разделяют, еще всегда придумываются какие-то отдельные события, где бы это большое и малое соединялось. В человеческой жизни это ритуалы, основные ритуалы перехода. Есть ритуал свадебный, ритуал зачатия жизни. Есть ритуал похоронный, когда человек уходит из жизни. И есть ритуал инициации, вступления во взрослую жизнь, во взрослые коллективы как таковые. Эти ритуальные моменты — как раз те моменты, где большое время соединяется с малым. И это очень хорошо знала фольклорная народная культура. Так, например, был устроен свадебный обряд. В качестве иллюстрации можно привести знаменитую картину Васильева «На свадьбе».

Раньше был такой элемент — приход колдуна на свадьбу. Это очень важный элемент обряда, и суть его состоит в следующем. Вообще, как известно, жених и невеста в свадьбе, в самом свадебном пиршестве не участвуют. Вот они приехали, и их послали делать свое дело. А в царском свадебном обряде есть специальная вечерня, куда их отсылают делать свое дело. А само общество на свадьбе символически занимается родовспоможением. Оно символически способствует тому, что сейчас должно произойти. А что должно произойти? А должно произойти уникальное, единственное в истории мира и человечества событие — может быть зачат новый род. Не рождение конкретного человека, а новый род будет зачат, потому что два родовых древа по линии жениха и по линии невесты единственный раз в истории мира сошлись, и может быть зачат новый род. И не даром в свадебном обряде жениха и невесту переименовывают в князя и княгиню, или царя и царицу. Будет зачат не просто новый род, а новый царский род. И поэтому дело очень серьезное. Поэтому они там это делают, а мы тут всенародно, всей общиной помогаем, мы же заинтересованы, чтобы родился новый царь, новый князь, который будет править нами всеми и будет порядок поддерживать в этом мире. Поэтому там произносятся хвалебные речи, тосты, умилостивление своим богам. Но жизнь так устроена, что в ней есть две стороны, поэтому двери свадебного дома всегда открыты, и туда приходит представитель иной силы. Колдун на свадьбе — это представитель как бы темных сил. Он приходит, и начинается ритуальный поединок за душу зачинаемого ребенка. Кому он будет принадлежать: дружке, который в одеянии епископа, или колдуну. И это ритуальный поединок, исход которого не предрешен.

Еще есть такой эпизод. Все сидят, выпивают, кричат здравницы, а потом отряжают делегацию. Делегация идет от стола к тому терему, где молодые, подходит, и спикер кричит: «Свершилось ли доброе дело?» Мать кричит: «Нет, еще не свершилось». Они развора-

чиваются, идут и докладывают столу: «Дело еще не свершилось — продолжайте, старайтесь». Гости продолжают, наливают, способствуют, чтобы дело свершилось, и не вообще свершилось, а надлежавшим образом, как доброе. А колдун и все эти темные силы пытаются эту волю перевернуть. Короче говоря, это соединение живого и мертвого, светлого и темного, оно здесь очень хорошо обозначено. Это жизнесмертное действие, когда судьба рода встречается с судьбой человека. Такие сущности, где встречалось большое с малым, всегда отдельно сознанием отмечались, выделялись.

Так вот, поколение — это такая единица родового и психологического умозрения, которая позволяет видеть нечто, что соединяет жизнесмертное с живым в этой жизни. Это не просто гуманитарное, это культурно-психологическое, я бы сказал, мистериальное понятие. Это вовсе не рабочий класс, не крестьянство и не еще чего-то, не какая-то социологическая категория. Это такая единица жизни, которая соединяет живое с жизнесмертным, нас, здесь прибывающих, здесь и поныне, с там и тогда. И это пребывание, это сознание — оно мистериальное, а вовсе не социологичное. И поэтому каждый решает о своем месте в поколении вовсе не так, что «пойдем и чего-то завоюем все вместе», для этого есть профсоюзы, компартии. Это более основательное, экологическое, жизнесмертное умозрение и понятие.

Здесь очень важный вопрос на самом деле поставлен и обсуждается — о поколении. Причем это вопрос с яркой гендерной окраской, то есть на него по-разному отвечает мужская и женская половина человечества. Не в смысле сексуальных отношений, а в смысле родопродолжения. Женщина придумала непорочное зачатие. Это женский взгляд на боготворческий процесс. Вопрос деликатный, но мужчина не причем. Поэтому и взгляды на поколение разные. Мужской взгляд на поколение: как нас, мужики, угораздило родиться вместе в этом мире! Что мы такое сотворили в прошлой жизни, что мы здесь оказались вместе? Это наша мужская тайна того, что есть поколенческое. Отсюда и миссия. И для нее нет рациональных ответов. Мы — поколение, а как мы в нем оказались-то? Ведь нас никто не спрашивал, мы не выбирали. Во всем нашем умозрении, которое сейчас принято, мы не выбирали, мы оказались в нем насильно. Мы, как говорится, условно расконвоированные. Нас насильно вытолкнули в этот мир в одно и то же время. Тоже мне достоинство, основание для того, чтобы соединяться вместе, да? Никаких оснований, никаких миссий вывести невозможно. Наше основание — сейчас мы вместе вырвемся отсюда, рванем куда-нибудь и все. Это мужской взгляд. Про женщин я не буду, пусть они сами говорят. Будучи многократно не понятым со стороны женского мира, я за них высказываться не буду.

Но это народный взгляд на вещи. А гуманитарный я вам описал: проблема, откуда взялась эта схема. А вот оттуда и взялась. То, что является, якобы, методологическим основанием ряда наук — лингвистики, биологии, философии — на самом деле есть продление этой мифопоэтической схемы, которую мы из традиции, так сказать, взяли. Но применение этой схемы дает сбой, по крайней мере, в четырех моментах. Я их вам просто перечислю.

Первый сбой говорит о том, что на самом деле — это фигуры рефлексии, как говорят методологи. То есть все речевые акты, когда человек правильно или неправильно высказывается, мы отсылаем к грамматике. Когда человек правильно или неправильно высказывается, мы его куда отсылаем? — к грамматике, к нормативному описанию языка. И говорим: «Ваша речь, уважаемая Марья Ивановна, не соответствует норме литературного языка русского». А дальше, в скобках: «Который построен на основе московского диалекта начиная с XVII по XXI век». — «Простите, но что за шовинизм московский, почему это русский язык должен быть написан по норме московского диалекта? А мы вообще-то из Рязани, у нас грибы с глазами. Их едят, а они глядят. Поэтому вы не шибко там свои мозги исчерпывайте, в Академии, мы отыщем скоро свою нормативную грамматику и крышу».

Одним словом, этот взгляд на то, что есть большое и малое время, большая и малая культура — он такой, нормативный, но заметьте, он имперский взгляд. Эта нормативная грамматика, как рефлексия культуры, возникла во времена империи Александра Великого в Александрийской Академии и в Академии в Афинах и отвечала задачам имперской культурной политики Александра Македонского, Ученика Аристотеля, который в свою очередь — ученик Платона, который в свою очередь — ученик Сократа. Вот, так сказать, есть такая прямая преемственность: была определенная политика, имперская. И была построена нормативная грамматика, нормативная философия: есть одно большое для всех, а есть локальные различия, так называемые культурные диалекты. Теперь мы говорим так: та рефлексия, которую внесла в мир греческая философия — философия пост-патриархальная, пришедшая на смену матриархата. Мужчины из воинов стали философами и совершили свой переворот, подчинив себе женский родовой мир и придумав такую философскую и богословскую фигуру, как мир рефлексии. Теперь, когда мы знаем, каков механизм рефлексии, мы говорим: а почему нужно останавливаться на одном шаге? Ведь, наверное, это можно отрефлектировать на втором уровне рефлексии. Так стали появляться искусственные языки. Была попытка создать эсперанто. Сейчас есть компьютерные языки. Много искусственных языков. То же самое в культурологии, в праве. Было обычное право, оно модифицируется, возникает позитивное

писаное право. И в таком правоведении начинают изобретаться, появляться новые нормы, например, появились права человека, о которых ни Аристотель, никто другой никогда не говорил. То же самое с культурой: есть традиционные жанры, идущие Бог знает откуда: была прекрасная античность у греков, у римлян, потом Академии возникли после Возрождения, и в конце XIX в. гипсом научились рисовать — появляется современное искусство. Но подождите, почему только такое искусство должно быть? Раз мы отрефлектировали, как оно устроено, мы можем сделать что-то новое. Короче говоря, сам феномен рефлексивности приводит к тому, что мы понимаем, что эта схема — условность. Как только мы сознаем, что она условность и переходим на следующий уровень рефлексии, открывается возможность проектного отношения.

И тут мы возвращаемся к антропологии. То же самое применительно к каждому из нас. Есть наше эмпирическое Я — на уровне речи, эмпирического поведения, а есть наша подлинная самость в этом каком-то большом времени. И эта самость как бы управляет бессознательным и сверхсознательным под видом супер-эго, но и оно управляет и определяет наше индивидуальное бытие. Если мы рефлексивно это поняли, то возникает глубинная психология, которая учит нас входить в контакт с нашим бессознательным, работать со структурами самости, то есть с архетипами, и организовывать свой личностный рост. То есть каждый из нас попал в эту же проблемную ситуацию, в которую попала вся культура, все право, ибо мы сознаем недостаточность этого деления и проектируемость этих отношений, сознаем также, что есть какие-то пределы рефлексии над эмпирией и т. д.

И вот, собственно, поколение как единица, которая соединяет большое с малым, близкое с далеким, родовое с личным, оно именно здесь теперь проблематизируется. И вообще-то очень не понятно: раньше было четыре периода, а сейчас как мерить поколения, на что? До восьмидесятых годов мы считали, что есть шестидесятники, семидесятник, восьмидесятники, то есть мерили на десять лет. Четыре возраста по двадцать пять лет считалось. Поколение сколько — двадцать—двадцать пять лет. Стали мерить на десятилетия: двадцатые годы, шестидесятые годы. А сейчас так: тинейджеры от 12 до 14 — это совсем не те, кому 18—21. Они другие группы слушают, другие зачесы носят. Совсем другие люди, другое поколение. И так все ниже и ниже. А там уже покемончики, которые… «Это кто? Это которые с чебурашками имеют дело? Да это же не люди!». Вот такой вопрос: что с этим происходит и будет происходить.

Я это рассмотрел со ссылками на обряд, потому что вдаваться в понятия, категории, в анализ самой схемы сейчас не время. Но я хо-

тел только одного — намекнуть, что само понятие «поколение», понимание поколенности переживает глубокую трансформацию. Поэтому и вопрос острый, потому что исчезла очевидность того, чего мы, собственно, здесь живем. И с чем себя соотносим. И можно ли по отношению к этому подвижному и непонятному говорить о какой-то задаче, миссии. Это о чем, если оно само не определено? Или и миссия должна быть тоже какая-то такая? Вот такой вопрос и этот вопрос есть жизненный для каждого. Все стало не очевидно.

Пока была многопоколенная семья, проблема образа жизни была наглядна. Вот мой прадед, вот мой дед, вот тетки, родители, вот сестры, братья, а вот уже дети моих сестер и братьев — и весь жизненный ход налицо. За одним столом сели чай пить и не надо думать о том, что такое поколение, оно вот — все вместе. Теперь, когда все отдельно, то где, собственно говоря, эти связи-то? Они оказываются либо только в уме, либо в каких-то символах культуры или произведениях искусства. Был такой чудак, Толстой, а потом Солженицын, которые про какие-то родовые связи там пописывали. Вообще, культура стала бездетная, бессемейная и холостяцкая. В мире нет никаких поколений, не предусмотрено существованием. А поэтому вот и вопрос, на него вы и отвечаете. А мы посмотрим. Все существуют вместе в этом мире со своими разными сословными, жизненными, поколенческими и прочими задачами. И нужен какой-то обмен. А поэтому Форум и какой? — Только антропологический, вопрос-то чисто человеческий.

Ну и последнее. В свое время основатель партии большевиков Владимир Ильич Ленин написал знаменитую фразу «От такого наследия мы отказываемся». Будучи просвещенческим человеком, он думал, что это он отказывается от наследия. Он думал, что уже вошел в права наследия, и может от него отказаться. А, может, его там и не ночевало? От чего он, собственно, собрался отказываться? Кто его признал в качестве наследника? Есть такая правовая процедура — вхождение в права наследования. Даже если вам завещал что-то ваш родственник, вы все равно должны подтвердить право наследия, войти в него. А тут все совсем не очевидно. И Александр Моисеевич Пятигорский, очень тонкий, замечательный психолог, наш соотечественник, ныне живущий в Лондоне, в одном из своих последних романов (он стал писать романы, поскольку умные книги никто не читает) высказался немножко горько, но справедливо: главная проблема XX века — это проблема предательства, то есть покидание чего-то. Михаил Михайлович Бахтин, другой наш знаменитый современник, писал, что «я всю жизнь прожил с ощущением, что мы предали русскую культуру в двадцатые годы. Так сложились обстоятельства, что мы должны были стать работниками другой — советской — культуры, которая не признавала самых главных вещей в

той, русской культуре». Предательство, а обратное отношение к предательству — это самозванство. Мы живем во времена самозванства, и каждый из нас — потенциальный самозванец.

У нас был такой маленький мальчик, который вырос на методологических семинарах. Он каждого входящего в дом спрашивал: «Ты как бы кто?». И поскольку это было у методологов, всегда надо было говорить, в какой-то позиции находясь. Ты как бы кто? Так вот, когда кого-нибудь неявно так спрашивали: «Ты кто?», он говорил: «Я психолог». А какая психологическая ассоциация признала, что ты психолог? Если ты психоаналитик-фрейдист, тогда понятно. Пятьсот часов отбарабанил на тренинге — тебе сертификат первого уровня, еще пятьсот часов, и ты уже имеешь право преподавать, и только после третьих пятисот часов, то есть через тысяча пятьсот часов, ты мастер, имеешь право преподавать психоанализ. Так, второе требование: а у кого ты анализировался, кто тебя проанализировал? Какой психоаналитик тебя проанализировал, чтобы ты имел право анализировать других? И тут понятно, психолог ты или нет.

А так получается ухабисто, что все названия условны, все и.о., исполняющие обязанности кого-то, самозванцы. Самозванство и предательство — это, конечно, такие крайности. А вот подлинность, подлинная и неподлинная идентичность? Кто я? Кто ты? И кто мы? Это очень серьезный и существенный вопрос. Вот собственно на этом все и заканчивается. Сейчас я готов ответить на вопросы о понимании.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, в чем смысл деления на поколения?

О.Г.: Я сейчас об этом и говорил. Смысл деления на поколения — осознать себя не способом существования белковых веществ и не совокупностью общественных отношений, а звеном в жизнесмертной цепи. Я хочу жить в стране под названием «Россия» вместе с Сергием Радонежским Преподобным, вместе с Антонием, основателем Киево-Печерской Лавры, вместе с государем-императором Николаем II, вместе со всеми, кого хранит народная память моего народа в этой стране. Я не хочу быть только способом существования белковых веществ и совокупностью общественных отношений. Чтобы осознать себя звеном этой цепи, среди живого народа, в живой природе, надо мыслить себя приуроченным к поколенности. Иначе ты становишься коллекционером некоторого глобального личностного рынка. Есть личностный рынок, где все известно: кто сколько стоит, сколько надо заплатить, чтобы получить нужные компетенции, и сколько тебе будут платить, когда ты их получишь. Ты будешь очень эффективным, тебя примут в любом Нью-Йорке, Париже. За тобой не признают только одного

— права называться жителем Томской или какой-то другой Русской Земли.

Вопрос: Будьте любезны, скажите, пожалуйста, а поколенность мы выбираем, или мы в этом поколении оказываемся?

О.Г.: Все, что мне известно про народные церковные умозрения, говорит о том, что мы выбираем, но это значит, что мы берем на себя ответственность за это. Это очень сильная вещь. У моего племянника когда-то были проблемы с матерью. Я его повел на «Терминатор-1», где основной сюжет построен на том, что дети выбирают своих родителей, рождаются именно тогда, у тех, живут именно с теми, кого они любят. Он посмотрел. Я его спросил: «Ты понял?» — Он: «Понял» — «Ну а тогда ты вообще какие претензии к матери имеешь? Выбрал, ну и давай, неси свое бремя».

Вопрос: Может ли один человек иметь несколько поколений? Принадлежать к нескольким поколениям?

О.Г.: Если в вашем роду был инцест, вы будете принадлежать сразу к нескольким поколениям. Отсюда запрет на инцест, чтобы не путаться. Поскольку раньше жизнь мерили поколениями, коленами, то надо было точно знать, кто к чему принадлежит. Но поскольку праматерь наша Ева была рождена из ребра Адама, а потом от них родился Каин и Авель, то в этом смысле мы все с вами дети инцеста.

Вопрос: Если раньше человек, видя в своей семье бабушек и дедушек, мог точно определить свою принадлежность, то сейчас люди раскиданы по жизни и не могут объективно отнести себя к какому-то поколению. Велика возможность выбрать другие поколения и соотнестись с ними. Может ли человек выбрать разные поколения?

О.Г.: Я снова задамся вопросом об этом умном делании — антропологическом воображении. Да, глазами мы не видим, но почему мы верим, мы что такие эмпирики? Для нас ума и воображения вообще не существует, да? Как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Так мы живем? А если нет, то это как раз и есть вопрос о гуманитарном человекознании и о способности антропологического воображения. А что мы вообще способны видеть человеческого в этом мире? Что для нас в нем человечески нормально, а где уже начинается антропологический параморфоз, уже не совсем человеческое? Не все еще пока согласны жить с киборгами дружно. Я пока фиксирую то, что человеческое воображение открыто. Мы, собственно, в него только более менее и входим.

Вопрос: Может ли понятие поколения зависеть от воспитания человека? Могут ли два брата, или дети одного возраста в семье принадлежать к разным поколениям по воспитанию?

О.Г.: Когда люди на психологический тренинг или на сеанс приходят, они называются клиентами. Вот приходит клиент и говорит:

«Знаете, у меня, как только начинаю слышать про поколение, голова болит, мигрень». Терапевт задает стандартные вопросы: «Зачем вам это нужно? Зачем вам личностно нужно, чтобы у вас при слове «поколение» болела голова? И второе — как вы это делаете? Как вам удается сделать так, что она у вас болит?» Теперь. А вам зачем это нужно? Вы должны на такой вопрос отвечать. Одновременная принадлежность к разным поколениям, она какие преимущества давала бы? Если я построю такую конструкцию, систему родства, в которой каждый человек принадлежит нескольким поколениям, то такая система родства будет более эффективна для того-то, это даст то-то, педагогические последствия будут такие-то и т. д. Надо деятельностно рассуждать. Не «Может ли это быть вообще?», а «К чему это приводит?», «Целесообразно ли это?», то есть «Зачем нам это нужно?». А дальше мы поищем, а вот в системах родства такое было или не было? Я готов сейчас с вами поспорить, что как только вы такой вопрос зададите, вы найдете, что было. Но что вы с этим будете делать? Если вам не понятно, зачем это нужно. Ну да, был такой случай, и что?

Вопрос: Вы говорили, что если раньше поколение связывалось с какими-то возрастными периодами, то сейчас это уже выглядит сложнее. Можно ли сейчас не связывать понятие поколения с возрастом?

О.Г.: Всякий воцерквленный человек знает, что он рожден дважды, что у него, кроме отца и матери по плоти, есть еще крестные, то есть духовные, отец и мать. Все вместе крестники одного крестного отца и матери — они что образуют? Когда мы говорим «раньше», то мы представляем наших предков как каких-то странных болванчиков, у которых было все просто. У них было все гораздо сложнее и интереснее. Кроме вашей принадлежности к биологическому поколению, у них была еще и духовная семья, туда входили крестники одного отца и матери. Мы же недаром называем священника «батюшкой», а его жену — «матушкой». Жизнь символически была более расслоена и интересна. Вопрос только в том, что мы сейчас, в своем антропологическом воображении можем воспроизвести. И сможем ли такое же проработанное и тонкое из себя творчески родить? Это предел гуманитарного сознания под именем «БГ», который стоит у вас на эпиграфе? Более развитого, кроме «тум-тума», у нас ничего не может появиться в нашем антропологическом воображении?

А. Попов (ведущий): Но там не только эпиграф БГ стоит.

О.Г.: Да, я понимаю. Это к вопросу о поколениях и о преемственности. Мы дети там чего? — «Дети Декабря». Я так понимаю, что Рождества, да? Мы дети Рождества. А что в декабре самого

интересного? — Солнцестояние, год на перелом пошел, а это как раз и есть Рождество.

Вячеслав Лозинг

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПОКОЛЕНИЕ РУБЕЖА

Дорогие друзья, по всей видимости, замысел организаторов Форума заключался в том, чтобы представить вам два содержательно разных доклада по основному вопросу, который мы сегодня обсуждаем. То, о чем буду говорить я, во многом будет отличаться оттого, что говорил Олег Игоревич Генисаретский. И это, на мой взгляд, правильно, так как для присутствующих здесь школьников и студентов есть возможность выбора.

1. Несколько предварительных замечаний о том, что я понимаю под Поколением Рубежа. Сам термин Поколение Рубежа появился лет восемь назад. В него в то время вкладывалось два смысла: первый — это поколение, живущее на рубеже столетий и тысячелетий и, второй смысл, это поколение, живущее в России на рубеже между двумя социальными строями, на переходе от одного к другому. Я буду обсуждать рубеж в другом смысле, Рубеж между разными парадигмами развития мирового сообщества, которые столкнулись в настоящее время, а Поколение Рубежа как людей, способных найти ответ на современные вызовы.

На наших глазах в мировом сообществе происходит отказ от геополитической парадигмы развития и переход к геоэкономической. Этот Рубеж не обозначен годом, днем, это такое длящееся время. В связи с этим, Поколение Рубежа, это те, кто осознает переход от одной парадигмы развития мирового сообщества к другой, самоопределяются в нем, и действует в рамках геоэкономической парадигмы.

В чем смысл геополитической парадигмы? Ее смысл в защите национальных интересов, понимаемых как недопущение вмешательства во внутренние дела страны, обеспечение нерушимости национальных границ, как политических, так и экономических. Важнейшим моментом в рамках данной парадигмы является усиление защитных функций государства и гонка вооружений. Геоэкономическая парадигма развития строится на обеспечении национальных интересов, понимаемых как обеспечение высоких темпов экономического роста через интернационализацию хозяйственных связей и постепенное размывание национальных границ во имя свободы движения товаров, капиталов, рабочей силы, технологий и

т. д. Мировой опыт показывает, что в настоящее время наиболее успешно развиваются те страны, которые обеспокоены не наращиванием военной мощи, а наращиванием экономического потенциала, опирающегося на новейшие достижения научно-технической и информационной революций, которые активно включаются в мировую экономику, которые при этом не отказываются от своей цивилизационной идентичности. В этом смысле побеждает тот, кто открывает свои границы и интегрируется в мировое хозяйство. И переход от одной парадигмы к другой есть тот Вызов, который, на мой взгляд, сегодня является главным.

Что этот Вызов требует от страны? Известно, что совсем недавно мы были супердержавой в военном отношении, оставаясь в рамках геополитической парадигмы. Сейчас от России требуются опережающие другие страны темпы экономического роста, иначе мы их никогда не только не догоним по уровню жизни, а все больше и больше будем отставать.

2. В нашем разговоре о Вызовах не было бы смысла, если бы Россия в свое время нашла на них Ответы. Не найдя этих ответов за последние шестнадцать лет наша страна деградировала как политически, так и экономически. Следует знать, что в 1985 г. СССР по экономическому развитию находился где-то на границе между передовыми и отсталыми государствами, а к 1999 г. Россия явно скатилась в группу отсталых стран. В связи с таким резким ухудшение экономического положения, специалисты рассматривают два возможных сценария развития России в ближайшей перспективе. Первый сценарий будет осуществлен, если Россия не откажется от стратегии догоняющего развития. В этом случае Россия будет лишена способности к экономическому развитию и расширенному воспроизводству. В стране завершится массовая, обвальная деиндустриализация. Россию превратится в хронического иждивенца, а российский рынок станет послушным исполнителем воли мирового рынка. Отдельные конкурентоспособные районы страны сориентируются непосредственно на мировое хозяйство и все меньше на национальный рынок.

Второй сценарий возможен, если Россия откажется от стратегии догоняющего развития и перейдет к стратегии опережающего роста. Одним из возможных сценариев опережающего развития экономики России может стать планомерное и последовательное построение устойчивого режима наибольшего благоприятствования для выполнения разнообразных форм проявления творческого дара. Стратегия такого подхода заключается в том, чтобы современную природозатратную экономику России, основанную на эксплуатации природы заменить экономикой инновационной, в рамках которой роль индустриального труда вытесняется интеллектуально-

творческой активностью. Для этого, считают специалисты, необходимо отделить инновационный факт от процесса непосредственного и немедленного промышленного воплощения, осознать его самостоятельную ценность в новом мире.

Таким образом, суть данного сценария-проекта заключается в последовательной, целенаправленной поддержке: а) разнообразных форм интеллектуального продукта в чистом виде, а также всего базового цикла научных исследований и опытно-конструкторских разработок; б) массового, не требующего крупных капиталовложений «высокого производства», основанного на инновационных разработках. Реализация второго сценария-проекта создаст естественную нишу для России в новой геоэкономической системе мирового разделения труда, обеспечит уверенное присутствие российской экономики как в высокотехнологично-индустриальном, так и информационно-постиндустриальном секторах мировой экономики.

Люди, которые будут реализовывать второй сценарий развития России, это и есть представители Поколения Рубежа.

3. Задав некоторые общие представления о Поколении Рубежа, необходимо уточнить их, попробовав более подробно описать представителей Поколения Рубежа.

Дифференциация и стратификация населения, как в России, так и в других странах происходит по разным основаниям. Первое основание, о котором сегодня уже говорились, это дифференциация и стратификация населения по отношению к собственности (в работах классиков марксизма-ленинизма такие группы называются «общественными классами»). Другое основание дифференциации и стратификации населения, которое можно было наблюдать в нашей стране после 1917 г., это стратификация населения по принадлежности к пролетарской власти. Люди, состоящие при ней — это одна страта, а люди вне нее — это другая страта, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В 1982 г. бывший тогда генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В. Андропов предложил новый тип дифференциации и стратификации населения страны — стратификацию по принадлежности к СССР. Так появилась новая общность — советский народ и другие — несоветские люди. События начала 90-х годов показали, что в стране живет не только советский народ, но и латыши, и азербайджанцы, и русские, и немцы, и евреи, то есть страты, образованные по национальному признаку. В последнее десятилетие произошла явная дифференциация населения, по отношению к богатству, появились бедные и богатые.

Я бы хотел предложить вам версию о дифференциации и стратификации населения России по такому основанию, как уровень приватизации человеком мышления и деятельности. Хочу сразу

оговориться, что эти представления помогают мне в работе и не претендуют на глобальный научный смысл.

В настоящее время по этому признаку мы выделяем четыре страты (группы) населения. Первая группа, мы ее называем «инноваторы», — это та группа людей, которые способны строить Будущее в мысли. Они способны понимать тенденции развития, проектировать Будущее и доносить свои проекты до людей, способных их воплотить. «Инноваторы» реализуют себя в политике, хозяйстве, науке, искусстве, религии. Вторая группа людей — это «реализаторы», люди, которые могут понять и принять новую идею и на ее основе построить реальное Будущее. Третья группа — это те люди, которые «родить» новую и реализовать чужую идею не могут. Но такие люди очень хороши каждый на своем рабочем месте, без них невозможно не само рождение идеи, ни, тем более, ее воплощение. Эту группу мы называем «специалистами». Я думаю, что таких людей в России подавляющее большинство. И четвертая группа, мы ее называем «люмпены», — это люди, которые работать и жить не научились или разучились по каким-то причинам. Указанные выше страты не являются стабильными группами. Нахождение в той или иной группе не зависит ни от рождения, ни от наличия или отсутствия богатства, ни от чего другого, оно определяется по результатам мышления и деятельности каждого человека.

К Поколению Рубежа мы относим инноваторов и реализаторов, людей, создающих Будущее в мысли и способных воплотить Будущее в реальности. Третья и четвертая группы — это люди, живущие вне времени и пространства. При этом Поколение Рубежа — это достаточно узкая группа, это, правда, не единицы, но и не миллионы.

4. На наш взгляд Поколение Рубежа — это люди, умеющие решать три типа задач: познавательные задачи, творческие задачи и социально-практические задачи. Давайте коротко охарактеризуем каждую из них.

Результатом решения познавательной задачи является приращение некоторого знания или умения в той области, в которой человек решает познавательную задачу. При этом мы считаем, что очень много людей, обучавшихся ранее и продолжающих учиться в учебных заведениях разного типа, никогда никаких познавательных задач не решали. Большинство обучающихся действует в залоге «указание-выполнение», преподаватель дает задание, а студент или школьник выполняет его.

В результате решения творческих задач появляются идеи, теории, концепции, проекты, программы, художественные произведения, которые являются открытиями не только для автора, но и для достаточно широкого круга людей.

Результатом решения социально-практических задач являются реальные изменения в социальной действительности. Зачастую, для решения социально-практических задач необходимо предварительно решить и познавательную и творческую задачи. Если мне необходимо решить социально-практическую задачу, которую я не знаю, как решать, то я предварительно должен решить познавательную задачу, то есть узнать, как эту задачу решали до меня. А если эта задача никем до сих пор не решалась, или решалась в другой ситуации, тогда у меня появляется необходимость решения творческой задачи, то есть необходимость «родить» способ решения данной социально-практической задачи в данной ситуации.

5. Более детальное обсуждение Поколения Рубежа требует ответа на вопрос «Как мы мыслим человека?». На наш взгляд, нельзя говорить о становлении человека как о восхождении его к личности, мы не можем говорить о том, что человек рождаемый индивидом потом в ходе жизни становится личностью. Также мы не можем говорить о том, что человек от рождения является личностью.

Мы считаем, что существует три способа самореализации человека, и это, действительно способы самореализации, а не характеристики человека. Я отстаиваю точку зрения, суть которой в том, что способы самореализации человек осваивает и развивает в процессе жизни. Первый способ самореализации человека — это реализация человека как социального индивида. Я бы хотел, чтобы мы с вами очень точно понимали, что не человек есть социальный индивид, а он реализует себя как социальный индивид. Второй способ самореализации человека — это реализация человека как субъекта деятельности. И третий способ — это самореализация человека как личности. Все эти сущности (способы самореализации) могут жить одновременно на «одном теле» человека, взаимодействуя друг с другом. Мы говорим, используя терминологию христианской культуры, о «единосущности и неслиянности», о прозрачности и взаимопроницаемости этих сущностей друг для друга, об их «неслипании». Во внутреннем диалоге этих статусов-состояний осуществляется целостная духовная жизнь взрослого человека, именно этот диалог и является условием нормального и продуктивного существования Человека. Человек есть целостность, а реализация его тем или иным способом происходит в зависимости от ситуации и наличия у него определенных компетенций, позволяющих ему именно так себя реализовывать.

Основная характеристика такого способа самореализации как социальный индивид — грамотность. Конкретное содержание понятия «грамотность» менялось исторически, расширяясь с ростом общественных требований к развитию человека, — от элементарных умений читать, писать, считать и т. п. к овладению минимумом

общественно необходимых знаний и умений и далее к так называемой содержательной (оспособленности человека к некоторым семиотическим системам) и функциональной грамотности. Основной момент функциональной грамотности — это умение действовать в соответствии с нормой (правилом) в определенном функциональном месте, а так как этих функциональных мест огромное количество, в каждом из них нужно действовать совершенно по разному. Отсюда вывод, умение реализовывать себя в качестве социального индивида — это суперсложное умение, которое человек осваивает всю жизнь.

Необходимость в таком способе самореализации человека как субъект деятельности появляется тогда, когда становится очевидным разрывы в деятельности человека (коллектива) и необходимость ее перестройки. Основной характеристикой субъекта деятельности является способность в изменяющейся ситуации создавать и менять проект деятельности, а при необходимости и себя самого. Жизнь человека в качестве субъекта деятельности непродолжительна — с момента осознания затруднений в деятельности, которые нельзя преодолеть известным способом, — до их преодоления. Субъект деятельности живет в разрыве между «прошлым» и «будущим», осуществляя акт развития деятельности. В отличие от социального индивида субъект деятельности удерживает интегрированную целостную деятельность и в этом смысле он не включен в какое-то конкретное функциональное место (он рефлексивно выходит из него), он как бы «парит» над деятельностью, осмысливая ее целостность. Субъект деятельности способен господствовать над случайностями и изменять обстоятельства жизни в соответствии со своими задачами. Он обладает таким качеством как ответственность, под которой обычно подразумевают предвидение результатов своих действий, это не только возможность осознать все последствия содеянного, но и умение отвечать за все упущения.

Третий способ — это вообще запредельный способ самореализации. Человек реализуется как личность в момент создания новых форм общественной жизни. Личность видит смысл своего существования в служении идее и может жертвовать собой во имя идеи, иногда даже должна жертвовать собой. Н.А. Бердяев считал, что личность «есть боль, и многие соглашаются на потерю в себе личности, так как не выносят этой боли». Многие люди не способны к тому сопротивлению, к тому усилию, которое требует реализация личности. Великий русский философ Н.А. Бердяев утверждал, что идея личности аристократична в том смысле, что она предполагает качественный отбор и не допускает смещения.

При этом я глубоко убежден, что человек не может реализовывать себя как субъект деятельности, если он не обладает компетенциями социального индивида. Но он может реализовывать себя как социальный индивид, не обладая компетенциями субъекта деятельности.

6. В заключении я бы назвал компетенции, не вдаваясь в подробности и не перечисляя весь их спектр, для того, чтобы задать некоторый контекст для дальнейших ваших размышлений и критики.

Компетенция — это общая способность, основанная на знаниях и опыте, ценностях и склонностях, которые приобретены благодаря учению-обучению. Компетенция не может быть сведена ни к знаниям, ни к навыкам, при этом, быть компетентным — не означает быть ученым или образованным. Компетенцию можно рассматривать как возможность установления связи между знанием и ситуацией или, в более широком смысле, как способность найти известную (а при ее отсутствии построить новую) процедуру, подходящую для решения проблемы. Быть компетентным означает умение мобилизовать в данной ситуации полученные знания и умения. Компетенция развивается, обогащается, расширяется или укрепляется, отталкиваясь от начального уровня.

Какие компетенции позволяют человеку реализовываться как социальному индивиду? Во-первых, это достаточно полные представления об объектном мире, в котором человек живет, то, что в школе и в вузе называют знаниями. Это, конечно же, развитая содержательно-эмоциональная речь. Компетенцией социального индивида является умение добывать информацию, хранить информацию, работать с ней. Компетенцией социального индивида является наличие полной структуры общения, которая включает в себя коммуникацию, взаимодействие и взаимопонимание. Помимо этого умение осуществлять действия по правилам социального индивида.

Компетенции субъекта деятельности прямо противоположны вышеперечисленным, потому что главное, что он должен уметь делать — это уметь отказываться от наличной грамотности в пользу другой, которой еще нет, а отказаться от собственной грамотности, поверьте, почти невозможно. То, что мы освоили, потом определяет нашу жизнь, наше видение мира и наши действия. И в этом смысле компетенция субъекта деятельности как раз в умении отказаться от наличных способов мышления и деятельности с целью конструирования других способов мышления и деятельности. Эта компетенция становится особенно актуальной в ситуации слома традиционного способа жизни общества, в ситуации перехода к динамическому обществу. Мы на протяжении последних лет наблюдали в нашей стране яркую картину, когда подавляющее большинство населения страны совершенно не обладают компетенция-

ми субъекта деятельности, не умея перестроить собственные действия в кардинально изменившейся ситуации. Важнейшей компетенцией субъекта деятельности является умение принимать решение, реализовывать это решение и нести за него ответственность.

Основными компетенциями личности являются умение осваивать нерешенные проблемы и находить способ их решения. Реализация человека как личности всегда предполагает самоограничение, свободное подчинение сверхличному, творчество сверхличных ценностей, выход из себя в другого. Реализация личности есть достижение внутренней свободы, когда человек уже не определяется извне, а созидает себя нового, побеждая себя старого. Свобода есть выход из круга данностей, есть прорыв к новому, есть создание и реализация новых ценностей. Личность человека формируется посредством творческого решения сверхличных задач в различных сферах человеческой деятельности. Именно поэтому основной компетенцией личности является свобода как возможность и способность преодолеть существующее положение вещей и творчество нового, в мире до этого несуществующего.

Подводя итог всему сказанному, хотелось бы еще раз назвать главный Вызов современности — это смена геополитической парадигмы развития на геоэкономическую. И именно смена парадигмы, а не социального строя в нашей стране и, конечно же, не лидера, который называется президентом и определяет то, что сейчас происходит в России. И все мыслящие люди, в том числе присутствующие в этом зале, должны дать Ответы на этот Вызов. Я считаю, что ответ творческого меньшинства, инноваторов и реализаторов, о которых я говорил, заключается в том, чтобы возможно больше развить собственные компетенции и вывести страну из того тупика, в котором она оказалась.

Я закончил, спасибо за внимание.

Вопрос: Вячеслав Рудольфович, правильно ли я поняла, что основной базовой функцией Поколения Рубежа, о котором Вы говорите, является гуманитарно-технический прорыв и компетенции, которые для этого необходимы.

В.Л.: Да, я обсуждал Поколение Рубежа как когорту людей, умеющих найти Ответ на современные Вызовы.

Вопрос: Вы сказали о том, как сегодня молодым попасть, если они хотят, в Поколение Рубежа. Возникает вопрос: а хотят ли молодые попасть в это Поколение. Какое еще есть место?

В.Л.: Хотят ли молодые попасть в Поколение Рубежа — это вопрос личного самоопределения. Я ведь никого никуда не звал. Я описывал некоторый контекст возможного самоопределения присутствующих. Я не Моисей, и не собираюсь никого никуда вести, каждый решает сам за себя. Я в своем выступлении зафиксировал свою позицию. А других мест много, о них, в част-

свою позицию. А других мест много, о них, в частности говорил Олег Игоревич.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, те проблемы, которые сейчас называются глобальными, которые являются вызовом современной эпохи и современному постиндустриальному обществу, являются ли они теми проблемами, в решение которых должно включится современное поколение, найдя, таким образом, свое самоопределение, а также дальнейшее развитие цивилизации.

В.Л.: Я бы не хотел обсуждать проблему «Вызов—Ответ» в залоге «должны». Почему должны? Если хотят, то да.

Вопрос: Когда Вы говорите о том, что специалистов у нас много, то я понимаю, что под их подготовку нас организовано и общее, и высшее образование. Мы воспитываем и развиваем людей-профессионалов в какой-то узкой области и, вследствие этого, получаем этот продукт. Какие перспективы для развития существуют в высшей школе, и может быть, среднего образования не по специализированному признаку? И есть ли какая-нибудь альтернатива?

В.Л.: Да, конечно, на мой взгляд, есть. Например, Школа гуманитарного образования — одна из альтернатив. Например, наша школа, представителем которой я являюсь.

Вопрос: Возможно ли изменение или смена парадигмы образования, повлечет ли она за собой глобальные перемены. Возможно ли в перспективе, какой перспективе, ближней, дальней, изменение образования вообще.

В.Л.: Альтернатив изменению образования в том направлении, о котором я говорил нет. Это понимает даже Министерство образования. Изменение средней и высшей школы будет происходить путем замещения одной категории педагогов на другую, способную делать то, о чем я говорил. На мой взгляд, — это достаточно долгий путь. В системе образования очень большое значение имеют прецеденты. Если они начинают жить, становясь достоянием общественности, то они и начинают двигать всю систему образования.

Сергей Смирнов

КУЛЬТУРНОЕ ЗАДАНИЕ ПОКОЛЕНИЮ: ОТ ПОКОЛЕНИЯ ФИЛОСОФОВ К ФИЛОСОФИИ ПОКОЛЕНИЯ

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки?
Кто своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

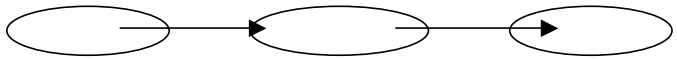
О. Мандельштам

Предыдущие докладчики уже задали культурный контекст проблематике поколений. Поэтому не буду долго топтаться на той простой идее, что поколение — понятие не паспортное, а культурное. Равно как есть паспортный возраст, социальный возраст, культурный возраст.

В этом смысле Олег Игоревич Генисаретский уже задал вопрос: на какую версту меряемся? Где мерка поколения? С-верст-ники какого времени мы? На какую веху какого времени мерить поколение?

В обыденном сознании укоренилось представление о том, что смена поколений выглядит как передача эстафеты, от отцов к детям.

Условно, схема смены поколений выглядит в таком случае так:



В рамках такого понимания рассуждают и те, кто говорит, что вектор может меняться: эстафета меняется и в обратную сторону, когда дети учат родителей. Это бывает, по М. Мид, в постфигуративных культурах, в обществах с переходным периодом, в которых традиции прошлого перестают работать.

Или стрелка передачи эстафеты переводится в вертикаль — когда сверстники учатся у сверстников. Это подростковые культуры.

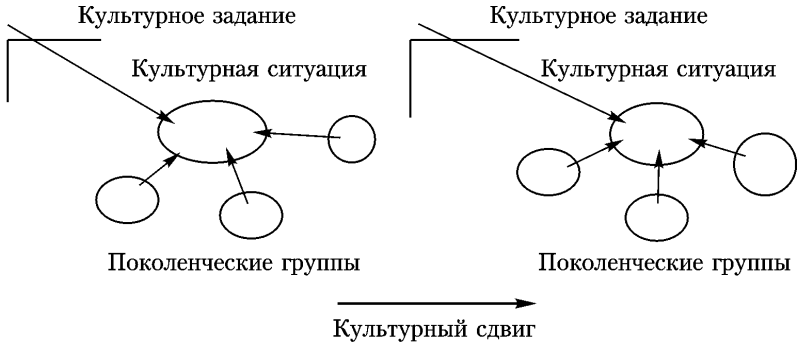
По той же логике можно говорить о культурах и поколениях трех времен: о людях прошлого (память о золотом веке прошлого, это поколение уже прожило жизнь, в настоящем и будущем уже ничего нет и не будет); о людях будущего (еще ничего не состоялось, все — в будущем, жизнь еще не началась, людей греет мечта о тысячелетнем царстве); и о людях настоящего (жизнь одним настоящим днем, вчера и завтра нет, есть только это миг и больше ничего не будет, люди живут одним днем — «в четверг и больше никогда»).

Уже видно, что логика измерения поколения в жанре натурального ряда со сменой вектора одинаково вгоняет нас в тупик рассуждений о разных поколениях, о конфликте между ними, о постоянной смене и войне поколений. И соответственно этому — о разных культурах, мирах, обществах и прочих, находящихся в нескончаемом антагонизме.

Более того. При таком залоге ситуация в настоящее время утягощяется еще более. Рамки жизни поколения еще более сжимаются. Раньше рамки поколения мерились веком, потом — в четверть века, сейчас мерка сократилась до десятка и менее лет. И тогда говорят о шестидесятниках, семидесятниках, о потерянных поколениях и проч.

Полагаю, что проблема поколения сложнее и богаче. Поскольку проблема поколения в культурном плане (как и проблема культурного возраста, которая, собственно, является более корневой и от решения которой и зависит решение проблемы поколения) выводит нас из плана натурального и паспортного, и узко социального — в иной, в проблематику культурного задания, которое призвано выполнить то или иное поколение.

Итак, есть та или иная культурная ситуация, в которой оказались люди разных паспортных и социальных возрастов, то есть представители разных миров и культур. И есть культурное задание, которое необходимо решать в этой культурной ситуации. Обозначим это.



Итак, еще раз. Вместо того, чтобы бесконечно спорить о конфликте поколений, выискивать причины этой нескончаемой войны поколений, необходимо, видимо, сменить вектор. Никакой эстафеты от старших младшим нет. И нет движения наоборот. При смене ветров смысл не меняется — все равно война возрастов.

Видимо, имеет смысл приподняться над всеми социальными поколениями, приподняться на цыпочки, заглянуть по ту сторону горизонта. Это означает встать на край бытия, и попробовать услышать зов времени, зов бытия, его вызов, как говорил М. Хайдеггер.

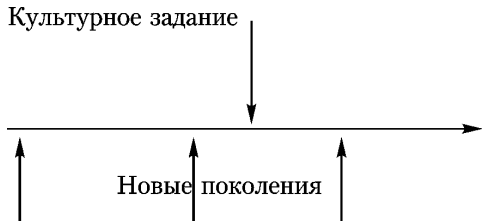
Уже произносилась в этом зале метафора: как мы, здесь сидящие, в этом зале, пытаемся выглянуть за высокие спинки этих академических кресел. В этом академическом зале Дома ученых сидят молодые люди и выглядывают из-за спинок, смотрят поверх их.

Вот это стремление встать на цыпочки и поднять голову, попытка посмотреть за край этого натурального времени, попытаться услышать зов времени и принять его вызов, который гулом проходит над головами — это и есть попытка взять культурное задание, которое всегда больше, чем проблема одного паспортного поколения.

Это сравнимо с примеркой одежды. «Я много лет пиджак ношу, слегка потерт он и не нов он», пел Б. Окуджава. Либо кольчужка коротковата, либо пальтецо длинновато. Каждое поколение примеряет одежды культуры и примеривается — сможет ли оно носить ее (и вынести ее!). Это как сын примеряет отцовскую одежду, большую, тяжелую, едва переносимую. Он в ней тонет, но пытается носить, примеривает, играя.

Итак. Перерисуем картинку. С одной стороны — есть некое культурное задание, вызов культуры, времени, онтологический зовзев, рык времени.

И с другой стороны. Есть паспортные поколения, которые примеривают одежду времени, примериваются к ситуации, пытаясь встать на цыпочки.



Каждое поколение примеривает это задание как одежку, примеривает на себе, как выражался, П. Бурдье, «габитус», то есть те социально-культурные формы, практики, которые садятся на людей, на поколения и на них живут помимо их воли.

Так вот. Проблема не в том, чтобы сбросить эти паразитирующие на людях формы социально-культурной жизнедеятельности, а в том, чтобы осознать это как культурное задание и предназначение и через это стать поколением, выполнив свою культурную миссию.

Без этого выполнения культурного задания поколение не становится поколением.

В этом смысле проблема не в том, чтобы делать себе пирсинг и носить серьгу на пупке, а в том, чтобы, нося серьгу на пупке, понимать, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?».

Чтобы развернуть сказанный тезис, приведем ряд примеров.

1. Ставший общим местом разговор о потерянных поколениях периода сталинских репрессий. Чем страшен ГУЛАГ? Не просто тем, что мы потеряли целые поколения, что люди сгинули в лагерях безвозвратно. Страшно именно то, что эти поколения не успели, не смогли стать самими собой, не смогли выполнить свое предназначение, выполнить культурное задание. Точнее даже так, еще страшнее и циничнее: когда задание и заключалось только в том, чтобы унавозить почву, чтобы стать месивом, которое сгребают в яму бульдозером, тогда все исчезает. Исчезает и само культурное задание. Поскольку исчезает сама действительность культуры. Остается только пустота, тьма Ничто. И тогда после ГУЛАГА вообще ничего нельзя обсуждать, писать, сочинять.

2. Пример с самим Московским методологическим кружком. Это пример уже иного порядка. Что сделали эти молодые ребята в середине 50-х годов? Они же не просто бросили вызов официальному, ортодоксальному марксизму. Они призвали к новой философии, живой, практической, но на основе анализа мышления самого К. Маркса, спрятанного в методе «Капитала». То есть бросили вызов своим отцам, но предлагая обратиться к «дедам», к истокам марксизма, к традиции. Нигилизм получается скрытый, не явный, и не главный. В это время на Западе франкфуртская школа и Д. Лукач пытались проделать также свою археологическую работу — заглянуть в раннего К. Маркса, в его рукописи 1844 г. Это весьма забавная ситуация — бросить вызов марксистам с помощью самого К. Маркса, пытаясь заглянуть еще дальше, «по ту сторону», то есть сделать тот самый ход — встать на цыпочки, понять по-своему свое культурное задание.

3. Новая левая 60-х годов прошлого века. Почему молодые люди, студенты Сорбонны, крушили и жгли машины, громили магазины? На поверхности был социальный бунт «детей», не принимавших нормы взрослого общества. За этим стояло то же самое: стремление понять свое место, примерить на себе культурное задание времени. Отсюда вопрос — обязательно ли появление нового поколения связано с социальным бунтом? Более того. Этот бунт какой-то странный получается. Бунтовщики (что Г.П. Щедровицкий и его соратники, что новые левые, что их идеологи из франкфуртской школы, что сам упомянутый Л.С. Выготский и с ним такой же молодой М.М. Бахтин, за которыми стоят целые школы и пласты культуры, то, что Ф.Ф. Зелинский в свое время назвал «третьим русским ренессансом»), все эти «бунтовщики», которым в начале их славных дел всегда было 20—30 с хвостиком, на самом деле бросали не вызов, они

пытались найти свое место, стать самими собой, стать поколением, выполнить то культурное задание, которое было поставлено перед ними самой культурной ситуацией. А если это задание оккупируется кем-то другим, какой-то отдельной группой, живущей по принципу свой-чужой, наш-не наш, то тебя бьют по рукам. И тогда начинается война.

Итак, получается следующее. Проблема не в конфликте поколений, а в конфликте «поколения идеи» и «поколения идолов», за которым стоит конфликт разных культурных ситуаций.

Меняется культурная ситуация и, соответственно, происходит смена культурного задания — и поколение уходит. Но паспорт и звания, должности, привычки сидеть на насиженном месте (кресло и место в культуре при этом отождествляются) не дают сдвинуться с места. Происходит конфликт тех, кто сидит и присвоил себе единственный вариант ответа, и тех, кто пришел и хочет сам дать ответ.

Итак. Что есть культурное задание?

Это осознание формы и способа воплощения в живой социальной практике исходных онтологической и антропологической идей, прежде всего — идеи истории и идеи человека.

Именно через поколение непосредственно воплощается проблематика истории и человека. На поколении эта проблематика непосредственно сидит и вживе переживается. Смена поколений и есть живое и непосредственное антропологическое воплощение движения времени или истории. Последнее и означает смену культурных ситуаций и через это — смену культурных заданий.

Обращаясь снова к приведенным примерам, что мы видим? Например, методологическое движение, которое развивалось с середины 50-х и до начала 90-х, есть одно поколение, в котором были разные паспортные группы. Но это одно поколение, выполнявшее одно культурное задание. Оно его выполнило. Это задание заключалось в попытке дать свой ответ на вопрос, что есть человек и какова его природа (смотри забавное признание Г.П. Щедровицкого в лекции «Философия у нас есть!» — о том, что главный вопрос, который его занимал тогда, в начале, был вопрос антропологический).

В 90-е годы складывается другая ситуация, меняется задание. И это поколение сейчас уходит, хотя оно активно, находится при должностях и проч. Но на них сидит старый «габитус», сидят те самые старые практики, наработанные в предыдущие 30 лет. Пора сменить этот «габитус». Но это просто так не сделаешь. Габитус сидит помимо воли человека. Сидит в виде объективных мыслительных форм и структур практики.

Поэтому методологическое движение в настоящее время как движение и поколение сейчас уходит. Оно распадается. И разные его представители либо продолжают через себя нести тот старый

габитус, либо уходят в разные ниши и формы внутренней и внешней эмиграции, либо ищут новые способы отвечать на новое культурное задание.

Так же прошло время педагогов-новаторов. Сейчас говорить об инноватике в образовании — не только вчерашний день, а просто проявление консерватизма. Вот такой оксюморон получается — консервативная инноватика.

К какому выводу мы пришли?

В настоящее время, когда окончательно стало понятно, что старые проекты человека свое отработали, необходимо не спорить о поколениях, а собираться в сообщества (в которых люди разного паспорта и опыта) и пытаться отвечать на новые вызовы. А ориентация на XIV в., как это вчера сказал про себя Олег Игоревич, не спасает. Отец П.А. Флоренский в свое время говорил, что он человек XV века. И что? Это и есть ответ — кто он и что есть культурное задание в новой культурной ситуации?

Сам Олег Игоревич Генисаретский, к моей радости, упорно ищет синтеза времен, прошлого, настоящего и будущего. Ищет сопряжения. Понимает, что старые методологические практики не работают, а новых еще нет.

В этом плане мы, разные по паспорту, здесь сидящие, которым еще нет и 20, и которым уже за 60 — мы, пытающиеся стать и состояться в этой культурной ситуации — люди одного культурного поколения.

Андрей Главанаков

РУССКОЕ ДЕЙСТВИЕ: СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ

Реплика из зала: Я слушаю уже третье или четвертое выступление со вчерашнего дня, каждое по-своему интересно. И после каждого выступления говорят: «Теперь вопросы». После этого выступления тоже скажут. Зачем все собрались, для чего пришли все эти разные люди?

Ирина Проскуровская (ведущая): А Вы скажите, для чего Вы пришли, и задавайте вопросы из этого контекста.

Реплика: Я пришел, чтобы бы узнать, что такое гуманитарное образование.

И.П.: Замечательно. Вот и задавайте вопросы про это.

Реплика: То есть сейчас докладчик будет говорить про гуманитарное образование, да?

И.П.: Нет, он будет говорить про то, про что он будет говорить, а Вы будете спрашивать про то, про что Вы будете спрашивать.

Андрей Главанаков: Все нормально, потому что я тоже хочу узнать, что такое гуманитарное образование, и в большой степени за этим буду делать свой доклад. В какой-то степени простым ответом на этот вопрос является тот факт, что сегодня утром, собираясь сюда, я расстался с той же самой книгой, которую Александр Попов сегодня с кафедры показывал, а именно книжкой Мераба Мамардашвили «Мой опыт нетипичен». И видимо, если говорить не о поколении, которое «ваше» и «наше», старшее или младшее, а о том времени, которое всех нас держит современниками, — то в нем есть какое-то количество магистральных ходов в поисках снискания этой гуманитарности, и их, увы, конечное количество. Поэтому, наверное, и доклад получится про то же — как бы предыдущий продолжить можно.

А продолжить можно вот с какого места. Александр говорил, что мнение образуется благодаря сопричастности чему-то высшему, тому, чего человек может быть проводником. И меня очень волнует и беспокоит современная российская специфика этого обстоятельства. Я, вот, о русском великом. Потому что на моей исторической памяти, а она начинается, наверное, с начала этого века, то есть с Первой мировой войны, было два события в русской истории, названных великими. Я говорю о Великой Октябрьской революции и Великой Отечественной войне. И было еще одно великое событие, но оно не названо этим словом, но, наверное, будет названо. Я, конечно же, о репрессиях говорю.

И когда вспоминаешь русскую жизнь последнего века, вы знаете, особенно ничего больше и не было. Вот была одна война, потом была революция, потом были репрессии, а потом была еще война. И хорошо бы, если бы эти события оставляли какое-то иное пространство для какого-то иного человека, иного типа современника, чем тот современник, тот человек, который был этими событиями сформирован, и не мог уйти. То есть вот такие вещи, мимо которых пройти очень трудно.

И образы великого в русском национальном сознании, в русском общественном сознании, они коренятся и живут вот в этих вот названных мною, длящихся событиях. Теперь это, конечно же, ресурс. У меня же доклад про дееспособность — в программке написано. И это чудовищные совершенно прецеденты дееспособности — революция, победа, красные, да. То есть некоторым образом нас, мы же территорию существующую России унаследовали, а унаследовали через них. Кто победители? И следующий шаг — это Великая Отечественная, где совершенно невероятный поступок народа, который умудрился победить высокоразвитую индустриальную державу, а не понятно, вообще, какими силами, но умудрился. Это произошло. Это каким образом произошло? Теперь этого отменить нельзя, и это все время за каждым из нас есть, ну у кого есть воля

это слышать. Эта нота жизни по-прежнему настоятельно звучит. Потому что песенки «Любэ» послушайте, они тоже на войне строятся и те же смыслы внутри трогают, а трогают они их ощутимым образом. Высоцкий много про это.

Если говорить о репрессиях, — какого рода это опыт, то, с одной стороны, конечно, это чистый кошмар, кошмар надолго, а с другой стороны, это опыт. Опыт переживания и присутствия в этом кошмаре для целого этноса, для целой нации, наверное, раньше такого не было. Наверное, раньше опыта социального, всенародного глядения в ужас на Земле не было вообще. А Россия вот это опыт, этот урок, получила.

Теперь, хорошо, все это у нас как бы закончилось. В школе я учился еще в советской, и когда у меня стали открываться глаза на всю жуть и ложь, которую я там обнаружил, первое, что я подумал, ну, естественно, что вот, это все совок, а я-то другой. А потом я сразу поступил на философский факультет, и там эта идея была подкреплена, что я другой и мы там другие, мы умнее гораздо. Но, к сожалению, оказалось, что все это не совсем так. В общем, мой тезис состоит в том, что основная проблема русской дееспособности в огромном непереваренном, неотрефлексированном прошлом. Причем, каким образом прошлом? Прошлом — или прожитом? Я когда думаю об этих вещах, я вспоминаю анекдот.

Идет грузин в белой рубашке, но весь в кровавых пятнах, синяках и шатается. В руке правой несет бумеранг. Его встречает другой:

— Гоги, что с тобой? Зачэм тэбэ эта вещь?

— Нэзачэм.

— Тогда выкинь.

— Умный, да? На, сам выкинь!

— И у меня попытка выкинуть не прошла.

Теперь сложность ситуации. Вот, это первое движение школьника, молодого человека. Да, все это не я. Все это было не со мной. Со мной было (и будет!!!) совсем по-другому. Ладно, но не прошло. Другое движение (в котором все это со мной было и есть), оно столь же мощное. Эта историческая память, которая нас взыскует и которая, извините, требует соответствия и вступления в права наследования. То есть кто я, как наследник страны, победившей в Великой Отечественной Войне. К чему это меня обязывает? Что это мне позволяет, на что дает надеяться? Я о дееспособности, о прецедентах дееспособности. Мне дед рассказывал, что они штурмовали трехметровый бруствер, с которого велся прицельный огонь. Он поднялся в атаку, он на него взлетел с автоматом ППШ в руках, я не знаю как. Но он был внизу, его должны были убить, пока он там карабкался, — но этого не случилось.

Я пытаюсь обратить внимание на простую вещь: в этом опыте, опыте этого века России, содержится совершенно чудовищная, огненная сила, которая не отпускает, отбросить которую нельзя, не получится. Это память как почва. Это все слишком недавно было. А с другой стороны, эта сила приходит таким образом, что человек ничего другого и не помнит. Что такое культура русской героики времен Войны? Что такое подвиг? Подвиг — нечто о самопожертвовании, нечто об ощущении себя вот этим целым, — а потом прекращение жизни, скорее всего, потому что ты целым стал главным образом благодаря тому, что надо было какую-то амбразуру собою закрыть.

Но вот мы унаследовали, я считаю, эту высоту души, эту высоту подвига. И мы унаследовали очень малую способность рефлексивно осознавать и управлять в своей жизни этого типа прошлым. И что с этим делать? Александр говорил про придурошное поколение, — а для меня это очень естественное, что ли, явление. Потому что в «русском духе» культура индивидуализации, культура самоопределения вообще воспитывалась мало, да и возникнуть не могла, потому что мы весь этот век решали задачи, требующие чудовищной самоотдачи, и чудовищной не метафорически. А откуда было взяться своему собственному взгляду и своему собственному пути. Тогда, в тех условиях, это было нормально. Когда мы на деревянные лица комсомольцев смотрим в кинохронике, или вот, я не знаю, вы по этому учебнику «История СССР» учились или нет, там фотография «Лампочка Ильича» — крестьянин на лампочку смотрит, — ну, настолько тупая морда. Не бытово какая-то тупая, а архетипически.

Вот слепая энергичность, эта, простите за банальные слова, готовность к самопожертвованию и его органичность и естественность, и неспособность ни к чему другому. Тогда сырьевое отношение к телу этноса, оно было, наверное, оправдано, оно было, наверное, естественно. Но сейчас механизмов, культурных способов отношения к этому почти нет. Что значит — почти нет? Это значит, что революция произошла сто лет назад, но она внутрь нас спроецирована точно таким же образом, как когда произошла. И большое спасибо Булгакову за «Собачье сердце», хоть что-то стало понятным. Но я в свои 32 года, я не знаю, что это такое, то есть я не знаю, где у меня внутри революция, не знаю, — но догадываюсь, что она есть.

И такое вот, легкое, наивное, прогулочное движение самоопределения, типа, ах, мы это прожили, проехали — оно в моей судьбе не прошло. Не прожили и проехали.

Я разговаривал недавно с Владимиром Борейшей, это один из лучших в стране профориентаторов, он профессионально занимается жизненным путем человека. А с ним так случилось, — опять ситуация исторического наследия, — ему пришлось возглавить Томский профориентационный центр, дотоле руководимый другим человеком.

И вот, Борейша, который всю предшествующую жизнь занимался планированием карьеры, и достаточно продуктивный человек. Он, готовый к кавалерийской победе, ожидал, что сейчас мы попрем к дееспособности, я же понимаю, как надо жить, и они у меня быстро все поймут. А они не понимают. Ну, что первое напрашивается — поувольнять, конечно. Уволить и набрать новых, (каких новых?). Другой вариант — махнуть на все рукой, — т. е. самому расписаться в недееспособности. Хороший выбор. И вот, Владимир решился на очищение какое-то, поднимание недр этого профцентра и обучения не за семь раз, за какие человеку положено бы осваивать новый навык, а семью семь. Он уже не считает просто.

Важный вопрос про культуру остановки — как она возможна в проектной, рабочей действительности? Остановка? Работу-то нельзя бросить. Можно, но неприятности будут. Я спрашиваю Володю, я моложе его человек, внутри подпрыгивая: «Ну, Владимир, ты как думаешь, это все кончится когда-нибудь? Вот, ты со всеми этими соплями, с их тупостью возишься. Но мы же когда-то пойдем с тобой, светлое будущее строить начнем, наконец-то!» А он на меня смотрит спокойно и говорит: «Ты знаешь, Андрей, а нет никакой площадки для того, чтобы это будущее развивалось. Потому что, есть вот эта заготовка, из полена вытесанная, из которой стружки во все стороны торчат. Замечательный архетип у Толстого в сказке был. А больше ничего нет. И нет никакой возможности оказаться в будущем помимо и в обход.» Он говорит, что я не знаю, сколько времени я буду этим заниматься, но я пойму, чем я смогу заниматься на следующем шаге, только отзанимавшись вот с этим самым. И, рисуя такие перспективы, вовсе он не выглядит несчастным. То есть это не так, как если бы его кто-то запирал в ненавистным ему прошлом и заставлял заниматься чужими проблемами.

Вот несколько тезисов о великом. Сожительство с русским великим. Для меня совершенно непереносимый вызов, я каждый день с этим имею дело, это очень сложно, очень неприятно, мне бы очень хотелось знать, что с этим делать, потому-то я за книгу Мамардашвили и цепляюсь. Я не считаю, что гуманитарное образование в наших условиях — это факультатив, что-то в мечтательном залоге, — вот хорошо бы, если бы случилось. Нет, это противоядие, потому что современная русская жизнь несет в себе смертельный яд тупости, ненависти, страха, вот всего того, что было. А также многих хороших вещей, но которые тоже слишком сильны, чтобы человек мог с ними напрямую как-то совладать. Поэтому гуманитаризация себя есть вопрос спасения себя, для меня по крайней мере, и залог вообще всяческой возможной дееспособности. Можно попробовать чуть шире.

До этого мы говорили о событиях этого века, а в текстах Мамардашвили можно встретить жесткую критику расхожих фигур русскости, которые он в 80-е годы наблюдал. Он говорил про привержен-

ность православного миросозерцания эмбриональному состоянию духа. Проще говоря, про недоделанность. И о типе православной героики, о типе святости как блаженности.

Ладно, наверное, хватит, потому что тезисов про это много, но ведь о сказанном еще и думать приходится. Поэтому лучше вопросы.

Вопрос: Тут написано, что Вы — главный редактор журнала «Следующий Шаг». Вы не могли бы сказать, какое содержание этот журнал разворачивает?

А.Г.: Вот это самое и разворачивает. Мне очень интересно современное продуктивное действие. То есть несмотря на то, или смотря на то, о чем я говорил, прецеденты продуктивных действий и программ существуют. Этот журнал — по большому счету — исследование современного мира, действия в современном мире на предмет возможной его продуктивности. И Сибирь в нем существует как гипотеза о том, что современный человек в своем экзистенциальном самоопределении имеет региональную компоненту — и она у человека, живущего в Сибири, другая, чем у человека в Москве.

Вопрос: Не могли бы вы выдвинуть версию об источниках продуктивности, откуда берется человеческий потенциал, энергетика?

А.Г.: Я бы мог сказать, что помогает лично мне. Нечто о культуре баланса. Мне кажется, противолежит некоторой недоделанности, самому в себе мычанию, о котором шла речь, точное понимание и точное чувствование нюанса. И прежде всего, я бы назвал современного астролога Авессалома Подводного, который в своих трудах разворачивает замечательную антропологию, и она совершенно непревзойденная по точности нюанса. Его труды доступны на сайте с его фамилией. Учился думать я у Мераба Мамардашвили, у его книжек. И только лет через десять после того, как он умер, я задался вопросом: почему я, увидев первую его книжку, не уехал в Москву к нему учиться?

Ирина Проскуровская: У меня была похожая ситуация в 88-м году. Я была на стажировке в Ленинграде в Институте социологических исследований, и там увидела объявление о том, что состоится лекция Мераба Мамардашвили. Я туда пришла, практически не имея представления о том, кто это, кстати, учась на пятом курсе философского факультета Томского госуниверситета. Там было много людей, очень тесно, гудели магнитофоны, и его почти не было слышно, поскольку мне досталось место в самом конце зала. А когда он уже выходил и шел по проходу, то задел меня, взял за локоть и извинился. И я до сих пор мучаюсь от того, не слушала во все уши и не смотрела во все глаза, то есть, вообще говоря, я потеряла этот шанс.

А.Г.: Ира, но прошел, задев тебя, — это важно.

Для меня очень важен философский опыт буддизма, опыт ювелирной точности осознания. Потому что меня с детства поражало, что у них все сосчитано: 84 признака Будды или 16 уровней пустоты, или другие числа, большего порядка, но они

пустоты, или другие числа, большего порядка, но они тоже конкретны. Я думал: восточная метафора, типа «сколько звезд на небе», — ничего подобного, как оказалось. Просто в этой практике определенными индивидами было наработано настолько точное видение человеческих реалий, что оказалось возможным их сосчитать. Это как вирус, его же невооруженным взглядом вообще не видно, а очень сильно вооруженным — оказывается, что это правильный шестиугольник. Высокая разрешающая способность видения.

Я бы мог рассказать еще об одном эксперименте, который я над собой поставил в поисках дееспособности. Я получил после философского психотерапевтическое образование, и был готов лечить людей, чем какое-то время и занимался. И вынесло меня на консалтинг, то есть я стал учить бизнесменов тогдашнего Томска. И обнаружил, что, против моих ожиданий, они сами уже много чего понимают. И та идеология успешности, на которую нас запрограммировали там, где я этому учился, она в их лице встречает, во-первых, вполне соразмерных по массе людей. Тогда мне стало интересно посмотреть, — а что будет со мной, если меня погрузить в ту же область практики, и как много во мне останется вдохновения, которое я имел, учась оказывать психологическую помощь. Эксперимент продолжается.

Александр Попов

ГУМАНИТАРНЫЕ КАРТЫ НОВОЙ СТРАНЫ

...Сидя на красивом холме,
я часто вижу сны
и вот что кажется мне,
что дело не в деньгах,
и не в количестве женщин,
и не в старом фольклоре,
и не в новой волне,
но мы идем вслепую к странным местам,
и все, что есть у нас — это радость и страх.
Страх, что мы больше, чем можем,
и радость оттого, что все в надежных руках.

Б.Г.

Свое выступление я хотел бы начать с одной вполне знаковой истории. В период 1994-95 гг. в Школе Управления Вячеслава Рудольфовича Лозинга в городе Кемерово мы проводили ряд образовательных модулей — ОДИ, имитационные игры, интенсивные семинары. Это все происходило за городом в лесу. И во время нашего мероприятия, поскольку были свободные места в другом корпусе, заезжа-

ет известная молодежная группа, я чуть позже скажу ее название, но в принципе вы потом сами догадаетесь. Она приезжает после концертов в разгоряченном состоянии, подогретая концертом, поклонниками и другими напитками. И в этом состоянии они очень хотят обратить на себя внимание старшеклассников и особенно старшеклассниц. А я — молодой начинающий тьютор, и в мои обязанности входило не только рассказывать подросткам всякие умные вещи, но и держать оборону во время дискотек. Дальше эти звезды приходили к нам, а я стоял в дверях и их не пускал. И после того как я отбил их очередную попытку, один из них стал со мной разговаривать. В своем «креативном» состоянии он сказал вещь, которая меня тогда задела: «Неужели Вы думаете, что Вы действительно влияете на них?». Я говорю: «Да, конечно, они приезжают, учатся». А он отвечает: «Ты послушай внимательно, подо что они сейчас пляшут». А ребята в этот момент осуществляли дискотеку под песню «Я на тебе как на войне» группы «Агата Кристи» — их группы. И он так, очень довольно, развернулся и удалился, и больше они не приходили. Фактически они и так были с нами. Вот такая была межкультурная коммуникация.

А для меня же образы поколения были растворены в нарождающейся культуре. Я сейчас остановлюсь на формах культуры и искусства, а потом попробую сделать философско-рациональную выкладку по поводу организации мышления нового поколения.

Эта организация вынашивалась, так сказать, на собственном теле, из акта собственной истории.

В 1986 г. повсеместно появляется знаковая песня Константина Кинчева «Мое поколение» из альбома Алисы «Энергия» (1985), где

Мое поколение молчит по углам.
Мое поколение не смеет петь.
Мое поколение чувствует боль.
Но снова ставит себя под плеть.
Мое поколение смотрит вниз.
Мое поколение боится дня.
Мое поколение пестует ночь.
А по утрам ест себя.

Эта была своеобразная легитимизация противопоставления через приговор даже не системе, а, скорее всего, ментальности, существующей вокруг.

Позднее Юрий Шевчук и группа DDT в свойственной им жестко-социальной манере фиксировали и разрыв — болезненный разрыв со страной, вернее, с определенными представлениями о стране:

Боже, сколько правды в глазах государственных шлюх.
Боже, сколько веры в руках отставных палачей.

Ты не дай им опять закатать рукава суетливых ночей.
Черные фары у соседних ворот,
Лики, наручники, порванный рот…
Сколько раз покатившись, моя голова
С переполненной плахи летела сюда, где…
Родина! Еду я на Родину!
Пусть кричат — уродина!
А она нам нравится спящая красавица.
К сволочи доверчива…

(Родина, альбом «Черный пес Петербург», 1993 г.)

А с середины 90-х гг. творчество DDT — это фактически какой-то социально-экзистенциальный опыт поиска собственной идентификации людей, рожденных в одной стране, взрослевших в другой, живущих в третьей:

И чем дальше, чем круче — и почти закат.
Здравствуй, Древняя Русь! Я твой нервный брат.
Что вернет нам надежда, что спасет красота?
Ты вчера был … хозяин империи, а теперь сирота —
Рожденный в СССР.

(Рожденный в СССР, альбом «Рожденный в СССР», 1997 г.)

Линии социально-ментального поколенческого противостояния возможно зафиксировать как определенный лейтмотив фильма Сергея Соловьева «Асса» (1987г.). Во многом это уже мифопоэтическая работа на фоне жесткого сюжета — такой фильм контрастных интерпретаций. С одной стороны, обаятельная Татьяна Друбич, сюжет из жизни двора Павла I, «Город золотой» Гребенщикова, подобно Белому Озеру и Медной Горе в русской сказке. А с другой стороны, холодно-циничный постсоветский бандит-убийца (Святослав Говорухин), совершенно спокойно, по-американски, убивающий мальчика Бананана («Африка», Бугаев), и Цой в конце фильма, выходящий из очередного Дома Культуры, где ему только что зачитали правила поведения художественного коллектива (ансамбля), выходящий под ставшую почти гимном, «Перемен»:

Мы не можем похвастаться мудростью глаз
И умелыми жестами рук
Нам не нужно все это, чтобы друг друга понять.
Сигареты в руках, чай на столе —
Так замыкается круг,
И вдруг нам становится страшно что-то менять.
Перемен!
Требуют наши сердца!
Перемен!
Требуют наши глаза!

В нашем смехе и в наших слезах пульсация вен.
Перемен!
Мы ждем перемен!

Виктор Цой, конечно же, был человеком, «сумевшим до такой степени увлечь целое поколение своей свободой думать и говорить, переживать и сопереживать, видеть и ненавидеть, заразить (в лучшем смысле этого слова) своим подходом к жизни, к жизненным ценностям в нашей отдельно взятой стране. Простой смертный человек, возможно, как личность не понятый до конца (или вообще не понятый) нами, теми, для кого был, наверное, ниспослан свыше: Богом ли, дьяволом ли?» — так писали о нем в газетах. (А. Ягольник «Место для шага вперед», «Комсомольское знамя», 23 сентября, 1990 г. Киев).

В. Цой и «Кино» уже не разворачивают линию социального противостояния, поэтика их ряда — это скоре портрет внутреннего ощущения и определенного поколенческого восприятия действительности:

В наших глазах крики «Вперед!»
В наших глазах окрики «Стой!»
В наших глазах рождение дня
И смерть огня

(В наших глазах. «Группа крови», 1988 г.)

Хотя следует заметить, что на этом фоне, так или иначе, разворачивается энергия действия. Да, пожалуй, это и придавало романтизм происходящему: во всем этом была Энергетика Поступка. Контуры его были не ясны: конкретного рецепта тогда получить было невозможно, но интенция — импульс движения, если хотите, ответственность задавалась:

Нам уже стали тесны одежды,
Сшитые вами для нас одежды,
И вот мы пришли сказать вам о том,
Что дальше
Дальше действовать будем мы.

(Дальше действовать будем мы. «Группа крови», 1988 г.)

Безусловно, Цой был поколенческой персоной, и его восточная жесткость — это все-таки не боевое искусство, это, скорее, искусство иметь свой путь. Это поколение не социальных революционеров и не погромщиков эпохи, а, скорее, людей просто игнорирующих миры, которые им противны, тем более

Все, что мне нужно
Это несколько строк

И место для шага вперед.
(Место для шага вперед. «Звезда по имени Солнце», 1989 г.)

Уже не столь социально жестко, скорее, более художественно и мифопоэтически разворачивалась линия поколенческого неоромантизма. Яркими представителям этой волны были группы свердловского рок-клуба и, прежде всего, «Наутилус Помпилиус», который «Князем тишины» (альбом 1987 г.) возвестил о новых настроениях:

Здесь составы вялы, а пространства огромны
Здесь суставы смяли, чтобы сделать колонны
Одни слова для кухонь, другие для улиц
Здесь сброшены орлы ради бройлерных куриц
И я держу равнение, даже целуясь, на
Скованных одной цепью
Связанных одной целью.

Сделав такой «мрачный словесный диагноз тоталитарной системе» (А. Троицкий. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. — М.: Искусство, 1991. С. 160), в последствии «НП» становится порывом уже не социального, а, скорее, экзистенциального, личностного освобождения, как бы оправдывающего уникальное и индивидуальное. Отсюда особая рок-лиричность и метафоричность сюжетов и имен (названий): «Крылья», «Воздух», «Дыхание», «Одинокая птица», «Колеса любви», «Живая вода» и др. По существу для юношества эти символы были и остаются своеобразными «метафорами себя». И кстати, эта линия неоромантизма была использована в фильме «Брат» (1997 год) режиссера Балабанова, главными героем в котором был Сергей Бодров, который несмотря на все свои художественные достоинства-недостатки, безусловно, является поколенческим фильмом, подобно «Ассе».

Линия экзистенциального поиска свободы ярко разворачивается к середине 90-х, как своеобразный ответ уже не на встраивание человека в систему соцмашин, а скорее на тотальное равнодушие к сущностно-человеческим проявлениям, и в этом смысле на резкий разрыв в поколенческой преемственности в России.

Все-таки с «Аквариумом» я бы связал другую линию в поколенчекой идеологии — линию культурного восхождения или попытки метафизической интерпретации — задавание новых мест и пространств жизни и самоопределения. Цитировать здесь можно многое, но вот одно из любимых:

На каждого, кто пляшет русалочьи пляски,
Есть тот, кто идет по воде.
Но каждый человек, он — дерево,
Он отсюда и больше нигде.
А если дерево растет, то оно растет вверх,

И никто не волен это менять.
Луна и Солнце не враждуют на небе,
И теперь я могу их понять.
(Капитан Воронин. «Письма капитана Воронина», 1997 г.)

По всей видимости, для поиска поколенческой логики необходимо делать не только срез популярности, но и фиксировать принципиальную смену мировоззрений и практик интерпретаций. Поколенческая логика несет свою систему символов и обозначений:

Поколение дворников и сторожей
Потеряют друг друга
В пространствах бесконечной земли,
Все разошлись по домам;
В поиске время, когда каждый третий — герой,
Они не пишут статей,
Они не шлют телеграмм.
(Поколение Дворников и Сторожей. «Равноденствие», 1987 г.)

Борис Гребенщиков оказался во многом «поколенчеким культуртрегером», обозначив и обустроив места жизни, если не поколения в целом, то его интеллектуальной и духовной «прослойки».

В рамках этой поколенческой линии я бы отметил особым образом литературное творчество братьев Стругацких, которое, несмотря на огромные издательские тиражи, сегодня во многом не исследовано. По всей видимости, нашим критикам не по зубам этот русский постмодерн. Названия произведений «Гадкие лебеди», написанные в 1967 г. и вышедшей в 1984 г. «Хромой судьбы» стали нарицательными: в них Стругацкие развернули версию Маргарет Мид о префигуративных культурах, то есть таких типах культур, в которых младшие начинают учить старших.

Стругацкие разноплановы, но вот одна из последних вещей — «Отягощенные злом» (1988), еще раз обращает внимание на то, что «власть над будущим дана только учителю — в буквальном смысле этого слова: обучающему не зрелых мужей, а детей. Воспитателю». (А. Зерналов. Бессилие богов. Стругацкие. Собр. соч., Т. 10, М. — текст, 1994, с. 493). «ОЗ» — «Отягощенные Злом» — завершают футурологию Стругацких. Нет, неверно: не футурологию, а, скорее, интерактивное исследование — поиск метода организации Будущего. Это и сделало Стругацких поколенческими писателями для нескольких поколений.

Пространство, которое я очертил, вполне можно назвать полем поколенческого формирования, полем энергетики, на котором росли и образовывались люди; полем знаков, которые были и во многом до сих пор остаются знаками самоопределения. Почему какие-то линии культуры становятся поколенческими? Наверное, потому что они

задают контексты восхождения и в этом смысле контексты антропологии или поэтики человека. На линиях гуманитарной антропологии и появляются поколенческие проекты. Проекты, в которых человек становится как институт. И если так понимать поколение, то тогда хронику, этапность поколенчекой смены следует рассматривать через точки развития, точки импульсов гуманитарной антропологии, растворенной в практиках Человека.

* * *

Далее я бы хотел остановиться на формах массовой культуры, где, так или иначе, презентируются формы и знаки современной идентичности, и вопросах практической антропологии в связи с этим.

Во многом медиа-образ современного поколения, так или иначе, схвачен и растворен в образе Шалтай-болтая в рекламе резинки или в рекламе пива «Клинского», где молодое поколение, полностью разоформленное, разболтанное, его невозможно «схватить». И есть только один главный вопрос: «Кто пойдет за пивом?» — этот главный онтологический вопрос, который задает всю бытийную структуру. Вообще на телевидении можно выделить несколько образов молодых людей, и все они в один ряд, который я бы назвал «Молодой человек как придурок времени». Продолжу этот ряд — реклама «Фанты», где они почему-то вдруг разом начинаю радоваться, кричат «Воды! Воды!», как будто этим детям родители долго не давали пить и есть. Это — радостное поколение, оно постоянно радуется. Или другая реклама, где молодые люди едят картофельные чипсы, и картофель попадает в лоб молодому человеку, и он падает без памяти. Это образ современного придурка.

Еще одна линия в рекламе — это то, что у нас растет сексуально здоровое поколение, например, джинсовая реклама, когда молодые юноша и девушка на скорость одевают джинсы, потому что к ним заходит мама.

Единственная образовательная реклама — это реклама «Растишки», в которой мальчик искренне хочет подрасти и поэтому ест эту еду.

Отталкиваясь от этих ироничных примеров, я бы сказал, что мы имеем дело с образом предельно несобранного поколения, предельно не мобилизованного, подчеркиваю, не с поколением, а с образом. Оно как бы противостоит предыдущей тоталитарной идее мобилизации, не только социальной, но мобилизации по всем поводам.

Мераб Мамардашвили очень много говорил о собранном субъекте. Мамардашвили говорил, что человек есть существо, которое благодаря своей воле и своим способностям может мобилизовываться, и

тогда у него появляются человеческие возможности. «Собирать себя в точку». Он вообще писал на образном поэтическом языке, во многом феноменологическом языке, где резкие рассудочные конструкции не проходят. И это для теории самоопределения очень существенно, поскольку теория самоопределения в деятельностной традиции говорит о процессах, и о движении человеческом, а феноменология говорит об остановках. И я могу учитывать не только линию СМД-антропологии, я могу учитывать и линию остановок. И в этом смысле в педагогике самоопределения есть образовательная задача для юношества. Эта задача связана со способностью выполнять команду «Стоять!», как ни странно. А эти формы демократизации в образовании, которые приводят к полной развинченности, когда люди считают «У меня есть мнение и его должны слушать, потому что у меня есть мнение», все эти «дебаты» и «толерантности», в которые, кстати, вкладываются ресурсы. Откуда у молодого человека есть мнение? Мнение появляется наверху, в трансцендентальной сфере, а не в этой горизонтальной линейной ситуации. Начинают учить риторике, прежде чем появится мировоззрение. При этом они говорят: «Нельзя людей перебивать. Мы все равны». Но Альфред Вебер писал: равенство в США, равенство в Европе и равенство в России очень сильно друг от друга отличаются. Потому что наше равенство, к сожалению, — это равенство всех перед всеми. У нас в ШГО есть такой принцип: «Равенства нет». Если ты опоздал на общее заседание, ты уже не равен со своими товарищами, хотя бы полчаса помолчи, чтобы разобраться. Во всяком случае, вопросы на этом докладе ты задавать не должен. Это не этично — ты опоздал. Представьте себе, толерантность иногда не этична, особенно, если ты не демократией, а делом занимаешься.

Поэтому как не странно главная задача — это научиться «стоять». Потом начинаются вопросы: что мне делать с остановкой, как дальше двигаться.

Современные педагогические концепции, выросшие из социальной среды постсоветского общества говорят, что основная команда — это «Иди!». «Иди, делай, действуй!»

Я выражаю тут одно опасение в сфере практической антропологии или гуманитарной педагогики — у нас еще нет «стоячей теории», теории остановки. У нас все теории про действие и деятельность, они технологичные. Но надо заметить, что практика — это действие нетранзитивного типа. Практика не имеет окончательного материального результата, говорил Аристотель. Но многие из нас, при этом, совершая действие, часто не совершают практику. Нам нужна «стоячая педагогика». У БГ «Человек он дерево, он отсюда и больше нигде». Гуманитарная педагогика — это о том, что человек — это дерево, и как ему стоять. С моей точки зрения это и есть со-

временная мобилизационная педагогика. Потому что после остановки он может мобилизоваться сам, в отличие от того, когда он был вчера мобилизован, и как его вчера вооружали. Мне кажется, что СМД-антропология эту проблему, этот вопрос не решила, но так или иначе начала ставить, например, в работах, связанных с развитием идей Л.С. Выготского.

Исследователи часто допускают ошибку, думая, что с помощью одной теории, одной редукции можно вырастить практику. А этого сделать нельзя. Нужно брать дополнительные ветки, в данном случае, я обсуждаю феноменологическую линию. И вводить ее для того, чтобы построить полноценную практику работы с юношами.

* * *

Третий момент связан с попыткой показать некоторый метод, методологию построения карт Страны нового поколения или карт самоопределения. Для этого я ввожу представления о трех модусах существования бытия.

Это модусы возможностей, необходимостей, действительностей. С третьей линией я связываю понятие «карта» или метод гуманитарной картографии. Прорабатывая категорию возможностей уже не как бытийную и онтологическую, а как антропологическую, мы выделяем несколько слоев введения этого понятия. Это слой натуры — натурального, или слой материально-вещного. Если предмет — это редукция в науке, то вещь — это редукция употребления в нашей жизни. Следующий слой — слой деятельностный, который уже работает не с вещью, а с системами. Третий слой — слой гуманитарного, здесь мы работаем со смыслами. Четвертый — семиотический, слой чистой гуманитаристики (от прообраза «чистое мышление»). Кстати говоря «чистое мышление» проработано менее всего в СМД-подходе.

Гипотеза наша заключается в том, что введение категории «практика», обозначает замыкание всех слоев, «практическое замыкание». Замыкание, следовательно, некоторая корреляция слоев по отношению друг к другу. Что это значит для образовательной программы, то есть для создания собственного культурного тела? Надо понимать, что есть слой науки, научного знания, слой методологии, методологического знания об организации деятельности, слой смыслов — это слой философской ответственности и философских проработок, и более верхний слой — это слой поэтики и символики.

Теперь давайте еще раз на новом уровне замкнем все это и назовем это практикой.

Что значит говорить «я практик»? Это значит, что мы должны удержать слой знакообразный, слой мифологий и ментальностей; слой смыслов, которые начинают существовать, и их приходится

реализовывать; слой деятельностей, организацию всей деятельностной системы и потом понимание того, с какими вещами и предметами мы имеем дело. Эта логика принципиальна и она обозначает организацию полноценной практики.

Далее очевидно, что по оси «необходимость» фиксируются точки природной необходимости, социальной необходимости, экзистенциальной необходимости, культурной, родовой, религиозной. Ряд можно продолжать. Логика продолжения — это проектный шаг. Мы вводим те необходимости, которые необходимы для нашего замысла, и полагаем их. Конкретика слоя необходимости — это вообще принадлежность к той или иной культурной традиции, потому что в одной традиции существуют одни необходимости, а в другой — другие.

Соединение поля возможностей с теми или иным необходимостями и порождает представление о поле действительностей, или о гуманитарных картах. Новые карты — это вопрос о существовании действительностей.

Сейчас многие обсуждают проблему проектных менеджеров, дескать, нет у нас тех менеджеров, и давайте их будем готовить. И очень распространены методики социальной возгонки. «Давайте, соберем их в одном месте один раз, что-нибудь с ними там поделаем, они станут «молодыми, энергичными, грамотными» и получится «новый молодой народ»«, и дальше они все сами сделают. Это как раз вопрос о разных действительностях. Потому что существует другая логика, например, гуманитарного образования, которая говорит: «Нет, топ-менеджер так не готовится. Для того, чтобы приготовить топ-менеджера, нужно разбираться вон оттуда, с тех знаково-семиотических высот и разбираться с образами, с ментальностью, с теми смыслами, в которых они живут и воспитываются. Лучше начать со старших подростков, вообще говоря. Если начать лет в 13—14, то к 25-ти что-нибудь получится.

Во многом сегодня в стране распространены карты, полученные другими методами, поэтому иногда новое поколение и проходит мимо тех проблем, которые они актуализируют. Вот, например, карта социально-экономического кризиса, которую проповедуют многие представители власти, фактически блокирует принятие решений, связанных с развитием; такие карты продолжают процессы стагнации, не активизируют человеческий потенциал, проповедуют социальный страх, продолжают национальную депрессию. Уже трагическую иронию начинают вызывать те представители власти, которые упорно настаивают на дефиците бюджетов, многие годы не пересматривая саму структуру бюджета. Да и даже в городах с наполненными бюджетами ряд социальных и гуманитарных проблем тот же. Точно очевидно, что старшее поколение управленцев не имеет гуманитарных карт, то есть проектов по обеспечению полного цикла

жизни человека, проектов по поддержке новых смыслов жизни, даже проще, просто смыслов жизни на территории.

Та или иная проблема может стать нашей, если у нас есть возможность решать ее в своих координатах, своими методами, на своих картах. Если у нас нет такой возможности, если мы не подключены к процессам управления, то это не наша проблема, мы за это не ответственны. Надо научиться иногда проходить мимо. Пусть ситуация взорвется — дорастет до такой степени, когда станет ясно, что пора менять методы — пора менять Карты Страны.

В качестве актуальных для России гуманитарных карт, в которые мы (поколение) можем вложиться, я обозначаю следующие:

- Карта гуманитарного Духа или мышления — «культурного производства». Может быть, инфраструктурой такой карты станет сеть новых университетских кафедр, образовательных и исследовательских программ.
- Карта региональной рефлексии — «территориального переформатирования», карта оформления смысла жизни людей на этой территории, поиска новых значений территорий на картах страны и мира.
- Карта мест памяти — там где «хранится и форматируется живая память»: музейные сети, памятники, храмы, организованные символы и т. д.
- Карта гуманитарных коммуникаций — «производство новых отношений» между различными субъектами власти, общества, СМИ, предпринимательства. Это карта социально-гуманитарных техник соорганизации.
- Карта образов жизни — «легитимных сообществ», оформление и анализ жизнедеятельности общин, групп, конфессий — карта групповых смыслов и целей.

Именно с этими картами мы связываем и поколенческие задачи.

В заключении, проблематизируя самого себя, хочу задать вопрос: «А другие карты?» Пока мы проходим мимо.

Материалы, используемые для доклада и подготовки текста

К первой части:

1. Аквариум 1972-1992. Сборник материалов. /Составитель О. Сагарева. М.: «Алфавит», 1992.
2. БГ. Сборник / Редактор Б. Николаев. Тверь: Леон, 1996.
3. Виктор Цой: стихи, документы, воспоминания. Л.: Новый Гиликон, 1991.
4. Дело мастера Бо. Сборник / Сост. М. Васильев, оформл. И. Отрощенко. — Л.: Творческое товарищество «Сестра», 1991.
5. Житинский А. Пришествие рок-делетанта. Лениздат, 1990.

6. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. — СПб: Новый геликон, 1993.
7. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
8. Некрасов С. Власть как насилие в утопии Стругацких: опыт деконструкции (http://sf.convex.ru/abs/rec/recol.htm)
9. Рыбин А. Кино с самого начала. — Смоленск: «Ток», 1992.
10. Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений. М.: Текст, 1994.
11. Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч. Рассказы. Статьи, интервью. М.: Текст, 1993.
12. Творчество братьев Стругацких в калейдоскопе критики // Измерение Ф: информационно-литературный журнал фантастики. Ленинград, 1990. Выпуск 3.
13. Троицкий Артем. Поколение рок-н-ролла в стране большевиков // Литературная газета, 10 января, 1990.
14. Троицкий Артем. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. Москва, Искусство, 1991.
15. Харитонов Н. Империя DDT. М.: «Вагриус», 1998.
16. Сайты «Нау» — www.nautilus.ru.; «Алисы» — www.alisa.ru; «ДДТ» — www.ddtworld.spb.ru; «Аквариума» — www.aquarium.ru; «Кино» — www.rock.ru/rusrock/kino; а также сайт Братьев Стругацких — www.rusf.ru/abs .

Ко второй части:

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
2. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб, 1998.
3. Громыко Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. К идее мыследеятельностной антропологии. М.: Пайдея, 1996.
4. Деянов Д. Неклассическая рациональность и коммуникативная стратегия // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. М.: РГГУ, 1998. № 7.
5. Мамардашвили М. К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996.
6. Щедровицкий П.Г. Л.С. Выготский и современная педагогическая антропология. //Тьюторство: идея и методология. Материалы 1-й Межрегиональной тьюторской конференции. Томск, 1996.

К третьей части:

1. Генисаретский О.И. Начала знаний о культуре / Педагогический методологический альманах «Авгур». Кемерово, 1993. №1–2.
2. Генкова М. Тело и практическая логика: Хабитус и Хабитат (Мысленный эксперимент по методики Пьера Бурдье) // Крити-

ка и семиотика. Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 2000. Вып. 1–2.
3. Делез Ж. Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000.
4. Понятие практики и практичности. Методологическая дискуссия / В кн. Коммуникация: исследовательская гипотеза и принципы организации, Владивосток, 2000.
5. Попов А. Педагогические сети в стране сгоревших телебашен и затонувших подлодок // Управление школой, 2000, октябрь.
6. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М., 2000.

Владимир Максимов

НАРРАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Вместо введения: дискурсивный практикум для продвинутых и начинающих

Начнем не с разговора о дискурсе, этот процесс бесконечен. Начнем с дискурсивной мастерской: попытаемся вылепить, изобрести дискурс, одним словом, займемся обычным ремеслом, это дело полезное.

Итак, исходный материал:

Существительные: гроб, любовь, пепелище, пища, сердце, чувство.
Глагол: обретать,
Прилагательные: родной, отеческий.
Местоимения: мы (нам), они (них).
Предлоги: в, к.
Наречия: близки, дивно.
Числительное: два.

Задача: собрать четверостишье А.С. Пушкина, имеющее непосредственное отношение к поколенческой теме. Временные рамки: от 5 минут и дальше в зависимости от темперамента.

Надежные подсказки:

Первые и последние слова в каждой строке:

Два..... нам
В них .....пищу
Любовь..... пепелищу
Любовь .....гробам

Стихотворный размер пушкинского текста — четырехстопный ямб.

Ваша версия:

—
—
—
—

Пушкинский текст* (см. в конце статьи).

Коммуникация некоммуницируемого

Весь цех современных исследователей дискурсивных практик можно разделить на две основные методологические позиции.

Первые в основном занимаются построением общих типологий дискурса и описанием крупных дискурсивных систем и формаций. Аналитический интерес сосредоточен в данном случае на вопросах дискурсивной воли к власти, а любой дискурс сводится к правилам и контекстам политической коммуникации.

Вторые в большей степени интересуются не политикой, а поэтикой, иначе говоря, ремесленнической и технической стороной. Уже не дискурс, а дискурсия — изобретение, отделка речевых произведений. Аналитический интерес здесь сдвигается в контексты агональной коммуникации и неориторики.

Развитие междисциплинарных исследований последних 20—30 лет свидетельствует о том, что негласная конкуренция двух обозначенных аналитик сменяется устойчивым доминированием второй позиции, при этом политическое взаимодействие начинает рассматриваться как один из частных видов более широкой сферы агональной коммуникации.

Для целей нашего анализа достаточным будет следующее рабочее определение: *дискурс* — это высказывание с установкой на коммуникативное событие.

Из этого определения следует:

- дискурсы существуют исключительно в форме речевых произведений,
- дискурсивная техника запускает и поддерживает прежде всего процессы коммуникации,
- дискурсивная инноватика определяется способностью высказывания осваивать, оформлять и экспонировать коммуникативное событие,
- дискурсивное воображение, или замысел, оказывается важнее плана реализации и функционирования дискурса.

После работ М. Фуко стало аксиоматическим понимание дискурса как стратегии, устанавливающей коммуникацию в принципиально некоммуникативных социокультурных ситуациях. Тюрьма, больница, казарма, школа — все это организованности, предполагающие наличие доминирующей или привилегированной точки

зрения, которая гасит многофирную коммуникативную активность. Дискурсия призвана распаковать эти закрытые практики. Поэтому основанием любой дискурсивности является успешное разрешение проблемы условий возможности коммуникации в некоммуницируемом поле.

В каких аспектах эту проблему следует рассматривать по отношению к такому субъекту коммуникативной активности как поколение?

Для начала сделаем небольшое мемуарное отступление от темы.

Поколенческая способность к разговору

В советские времена существовали формы ритуальной коммуникации, особенно ярко демонстрирующееся в рамках отчетных съездов КПСС. Кремлевских старцев приветствовала пионерия. Зал заполняла в междурядье молодежь. Старое, взбадривалось, добродушно всматриваясь в молодое. Что на самом деле переживало это молодое, хроники и стенограммы партийных съездов умалчивают.

Дискурсивный жанр рапорта предполагал приобщенность молодежи к большим делам, заочную включенность в гарантированное будущее. Эта делегированная речь на самом деле была заемной речью, не своей. Присваивать ее было легко, так как она была анонимной и не требовала никакой субъектности.

Наступила иная эпоха.

Говорить стало смертельно просто.

Появилось огромное количество «закрытых дискурсивных сообществ», которые не столько говорят, сколько говорят о том, как нужно говорить.

СМИ азартно увлеклись беспрецедентным дискурсивным хаккерством.

Мы ухитряемся на волне постоянных реформ разворачивать массовую подготовку в рамках дисциплины «Русский язык как иностранный», но вполне возможно, что в ближайшем будущем в классических университетах самым конкурсным и престижным станет факультет переводчиков с русского на русский.

Совсем не то происходило и происходит в европейском культурном регионе. Там всегда дискуссия и дискурсия подготавливали условия для институционального строительства и развития. В различных социокультурных институтах запечатлены следы солидарной коммуникативной работы. По ним можно читать прошлое, узнавать настоящее, пролагать будущее.

В нашем Отечестве институциональная регрессия заставит со временем замолчать даже самых болтливых, хотя не о них речь. Грибоедовское «шумим, брат, шумим» по-прежнему о нас.

В этой ситуации любое новое поколение отброшено к пороговым уровням элементарной грамотности — вновь научиться слышать и говорить, развить способность к разговору. О каких еще иных, больших и звонких, делах может пока идти речь!?

Что делают люди во время пандемии?

Самые суетливые умирают, самые спокойные спасают, некоторые уходят из городов, создают сообщества рассказчиков и пережидают чуму — методика третьего пути описана в «Декамероне». В этом же тексте обозначена и предельная числовая мера — всего-то десять человек необходимо для того, чтобы одолеть смертельную опасность. Приблизительно столько же, точнее двенадцать «начальников поколений», потребовалось евреям, чтобы выдержать испытание пустыней (Ветхий Завет, Числа).

«... и опять идут двенадцать,
за плечами ружьица...»

(А.Блок, «Двенадцать»)

Очевидно, точка благовременья — дискурсивный кайрос — наступит тогда, когда эти 10—12 человек расслышат друг друга в «Русском Мире» (Е. Островский).

Приятное ожидание, однако вернемся к теме.

Говорящее поколение — монологическое поколение

Отношение поколение/дискурс, в каком-то смысле, аналогичны отношениям:

- семья/дискурс,
- регион/дискурс,
- этнос/дискурс.

Во всех перечисленных случаях речь идет об изменении порядков дискурсивной субъектности, при этом всякий раз изменяется природа группы или сообщества: от еще компактной и локализованной (семья) до популятивной и дизлокализованной (этнос, диаспора).

Чем отличается поколенческий дискурс от аналогичных форм и типов речевой активности? Остановимся на двух, самых ходовых гипотезах.

Поколение не имеет собственной дискурсивной территории, оно как бы просто крепится к каким-то дискурсивным практикам или массивам, пробрасывая тем самым себя на актуальные коммуникативные рынки. Так, скажем, совсем недавно было популярным идти в науку, туда и шли. Сейчас многие ринулись в менеджмент, реальную управленческую практику, там и пропадают. Понятное дело, что престиж и мода выравнивают и определяют доминирующие траектории индивидуального и группового самоопределения. Однако освоение соответсвующих языков и метаязыков требует не-

тривиальных навыков, большой интеллектуальной восприимчивости и — главное — времени. К сожалению, у нас сейчас многие специалисты новой формации, демонстрируя неплохую дискурсивную подготовку, все-таки говорят с большим акцентом.

И тем не менее, эта гипотеза не лишена определенного смысла. Действительно, в данном случае поколение как фигура коммуникативной активности возникает тогда, когда ему удается тотально проникунуть во все типы дискурсивных практик, найти способы их приватизации, наконец, развернуть дискурсивные процессы на себя.

Однако при более внимательном анализе подобной стратегии, следует заметить, что в данном случае не поколение использует дискурсы, а сама дискурсия для своего воспроизводства поглощает и осваивает поколения, поколенческий ресурс.

Естественно, при таком развороте отношений поколение/дискурс, более точным будет говорить уже не о поколенческом, а например, о молодежном дискурсе, а это совсем другая история.

Итак, дискурсивный полиглотизм — заманчивая, но рискованная для любого поколения перспектива и задача.

Противоположная гипотеза предполагает сосредоточенность на универсальной дискурсии, на выработке или освоении метадискурсивной компетенции. Это более экономный и современный ход. Другое дело, что в качестве механизма или способа развития этой метадискурсивной компетенции предлагаются самые различные идеи и пока отсутствуют достаточно точные методы экпертизы предложенных версий.

Одной из таких версий-идей является использование в дискурсивных практиках нарративных технологий. В самом общем плане нарратив — это сюжетное повествование, рассказ о событиях и лицах (персонах).

Наиболее адекватной формой выражения нарративности является эстетический дискурс. Именно здесь мы встречаемся с развернутыми видами сюжетной событийности. Однако сфера эстетического творчества не является единственной, где нарратив имеет такое большое значение. Более того, уже в сфере обыденной жизни каждый из нас руководствуется огромным репертуаром нарративных схем. В чем причина этой распространенности и встроенности в саму плоть жизненной практики различных нарраций?

Любой рассказ имеет два плана: о чем и как рассказывается? Рассказчик всегда держит внимание на событийном факте, на том, что произошло в реальности. Это внутреннее ядро наррации, без него нет интереса и доверия к услышанному, рассказанному или пересказанному с чужих слов. Вещь, в общем-то, парадоксальная,

так как, несмотря на многообразие повествований и историй, магистральное развитие нарративныой культуры укладывается без остатка в две основных традиции и два основных типа:

– сюжет инициации,

– сюжет инкарнации.

Значимее совершенно другое: благодаря позиции повествователя, появляется новый событийный план — событие самого рассказывания. Как известно, есть гениальные рассказчики, спсособные захватить наше внимание сообщением о любом пустяке. С другой стороны, каждый из нас, хотя бы раз в жизни, сталкивается с собственным косноязычием и речевым автоматизмом, когда возникает необходимость о чем-то публично рассказать без меканья, беканья и всем известных анекдотов-баек.

Итак, наррация является элементарным рефлексивным актом, позволяющим рассказчику постоянно осуществлять переходы из плана события рассказывания в план рассказа о событии (инициационного или инкарнационного типов). Первый план выступает по отношению ко второму в организующей и рефлексивно охватывающей функции, иначе говоря, нарративная стратегия определяет и оформляет действительность, в которой мы самоопределяемся и живем, она не позволяет нам проваливаться в голую фактичность несуществующей на самом деле реальности.

Существует три основных формы нарративной позиции:

– хроникальная,

– сказовая,

– аукториальная.

Во всех этих вариантах рефлексивный выход в сильную позицию повествования осуществляется за счет привлечения разных ресурсов: либо временных, либо пространственных, либо акторных.

Хроникерская позиция использует максимально близкую временную точку зрения, она свидетельствует о происходящем событии, хроникер — это участник или очевидец. Сказовая позиция использует максимально близкую пространственную точку зрения, она позволяет вести авторизованный рассказ от любого лица, как бы изнутри его жизненного мира. Аукториальная позиция — это рассеянная по всему повествованию точка опережающающего всеведения.

Перечисленные формы наррации обладают различным ценностным весом и потенциалом.

В хроникальном повествовании отношения событие рассказывания/рассказ о событиях предельно сдвинуты в сторону второго члена, то есть фактической основы. В сказовом повествовании доминирует событийность самого рассказа и интерес к лицу, обла-

дающему уникальной стилевой манерой. Только аукториальный нарратив выравнивает обозначенные отношения, осуществляя постоянные челночные движения от фактов к рассказу.

Можно говорить об определенной нарративной технологии, использующей разные повествовательные стратегии. Очевидно, минимальный технологический такт может быть изображен в следующем алгоритме с указанием трех фаз:

(1) (2) (3)

Аукториальный — Хроникальный — Сказововый

С точки зрения интересующей нас темы — поколенческий дискурс — эти фазы могут быть обозначены как:

(1) полифоническое реплицирование,

(2) событийная диалогическая полемика,

(3) монологическая персонализация.

Эта серия нарративных операций и процедур позволяет такому субъекту дискурсивной активности как поколение удерживать себя при любом внешнем давлении и вызове, выходить на рынки символических обменов, вести свою игру.

Нетрудно заметить, что в данном случае поколенческий дискурс оформляется как стратегия освоения разных коммуникативных форматов: от полилога (полифонии) через диалог к монологической позиции в мире. По сути дела, поколение как дискурсивная фигура предполагает способность и предрасположенность именно к сильному монологу, а следовательно, сам поколенческий дискурс постоянно экспонирует и возвращает проблему коммуникативного статуса, потенциала и строения монологических форм.

На фазе полифонического реплицирования необходимо слышать всех и всем отвечать, на фазе событийной диалогической полемики предполагается освоение форм не только внешней полемичности, но и стиля внутренней полемики — все виды эгоцентрической речи (Л. Выготский), наконец, завершение дискурсивного цикла подтверждается конструированием дискурсивного персонажа, коллективного героя поколения. Его слово не может быть диалогическим, то есть словом «с оглядкой или лазейкой» (М. Бахтин).

Заметим, что здесь все моменты, связанные с содержанием рассказа, являются вторичными или факультативными, так как нарративная задача поколения — поиск актуальной дискурсивной формы монолога.

Транзитные вещи

Рассмотрим теперь один из базовых сценариев нарративной игры. Речь пойдет о такой нарративной конфигурации как «рассказ в пути». Подчеркнем существенный акцент не *о* пути, а именно *в* пути.

Кому не знакомо смешанное «противочувствие» одновременно освобождения и тревоги перед дальней дорогой? Наверное, только захолустным домоседам, но не странствователям.

Мы снимаемся с насиженных мест, мы раскладываем карту на коленях, уходя, не забываем оглянуться, и этот панорамный охват всего, что остается за спиной, надолго отпечатывается в нашем быстром воображении, расфайливаясь в разных слоях сознания.

Куда мы направляемся? Да это, в сущности, не так уж и важно. Главное сдвинуть себя с тяжелой точки оседлости, закрутить мир вокруг себя, обогнать его неповоротливый и монотонный прокрут, перепрыгнув через собственную короткую тень на проселочной дороге.

Часы на руке, карта в кармане, пара пачек сигарет и — хорошо бы еще — надежного спутника или встречного для простого разговора обо всем на свете.

Интернет, авиалайнер и монорельс укоротили и спрямили наши дороги, но иногда, к счастью еще иногда, мы двигаемся произвольно, внетерминально, останавливаясь и поворачивая там, где хотим и там, где нас застигнет предельная усталость от нахлынувших впечатлений, событий и лиц.

Путь существует для того, чтобы не терять точки его начала и следовательно, возможного возвращения. Если бы этой возможности не допускали, не с чем было бы сравнивать произошедших в пути изменений с тобой. Поэтому сам маршрут можно перегнуть как бы пополам и заметить, что топологически идея маршрута сводится к фигуре эллипсиса. Точки начала и конца маршрута находятся на одном уровне, сама же петля пути может разрастаться как угодно бесконечно.

В зависимости от того, насколько путнику повезет или не повезет, одна часть его странствия будет разворачиваться внедискурсивно, в коконе внутренней речи, в молчаливом уединении, в одиночку, другая часть пути пройдет в череде постоянных встреч, общения, временного соседства и обязательных расстований. Этот последний фрагмент или фрагменты развязывают нарративную активность встретившихся в пути.

Сама случайность встречи, ее непроизвольность развязывают язык. Анкетный формат в духе «родился — окончил — не состоял — не участвовал — не имею» в данном случае как-то не проходит. Говорить о себе-для-другого оказывается интереснее и сложнее. В такой речи смешиваются житейская исповедь и жизненная проницательность, искренность и доверительность. Встать на эту линию стратегического разговора — большой риск. Здесь нет прототипов, образцов и шаблонов, существует только одна опора — опора на правду положения.

Безусловно, это все-таки не натуральный речевой обмен. Общающиеся, вступившие в коммуникацию осуществляют конструк-

тивную деятельность: они создают различные образы «я-в-мире», взаимно экранируют их, осуществляют постоянную коррекцию и деконструкцию, осваивают ремесло общения. Кто сказал, что это простое и бессмысленное занятие, тот или никогда не слышал себя со стороны, или уже давно оглох от собственного голоса.

О чем же могут говорить эти случайно сошедшиеся путешественники. Наверное, немного о пути, о его странностях и превратностях. Если верить Достоевскому, о предельных вопросах жизни, ну это в том случае, если оба проголодались и их застигла непогода.

Странствуя в междомье и межбытье — из родного ушли, а свое ищут и создают — они должны рано или поздно сойтись на настоящей дорожной теме — теме Дома и Домостроительства. Путешественники — это, в общем-то, дизайнеры интерьера. В путь-дорогу по-настоящему отправляются только тогда, когда уже становится понятно, в каком Мире-Доме хочется жить, но не хватает конструктивных домостроительных элементов.

Когда они собраны, изобретены, получены в дар, неизбежно начинается обратный путь, возвращение в свое-иное. Далевой образ мира миниатюризируется, превращаясь в предметы домашнего обихода. Всматриваясь в них, пробуждая их приручeнную энергию своим жестом или взглядом, мы мгновенно возвращаемся на те дороги, где они застигли нас врасплох.

Именно такие транзитные вещи-предметы являются опознавательными знаками поколения, именно о них или по поводу них, через них разворачивается и срабатывает моментально поколенческий дискурс, именно они могут отчасти наследоваться и даже выступать в роли исходной морфологии для поколенческой геральдики.

Мое поколение привыкло к дорогам.

Поколение-2000 — тоже странствует.

Есть много транзитных предметов-вещей. Неплохо было бы развернуть передвижную выставку таких транзитных экспонатов. Было бы на что посмотреть, было бы что показать, есть чем обменяться.

Вместо заключения: читальный зал

Арсений Тарковский

Вещи

Все меньше тех вещей, среди которых
Я в детстве жил, на свете остается.
Где лампы-«молнии»? Где черный порох?
Где черная вода со дна колодца?

Где «Остров мертвых» в декадентской раме?
Где плюшевые красные диваны?

Где фотографии мужчин с усами?
Где тростниковые аэропланы?

Где Надсона чахоточный трехдольник,
Визитки на красавцах-адвокатах,
Пахучие калоши «Треугольник»
И страусова нега плеч покатых?

Где кудри символистов полупьяных?
Где рослых футуристов затрапезы?
Где лозунги на липах и каштанах,
Бандитов сумасшедшие обрезы?

Где твердый знак и буква «ять» с «фитою»?
Одно ушло, другое изменилось,
И что не отделялось запятою,
То запятой и смертью отделилось.

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впустую.

А где у новых спутников порука,
Что мне принадлежат они по праву?
Я посягаю на игрушки внука,
Хлеб правнука, праправнукову славу. *<1957 г.>*

**** А.С. Пушкин***

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
..... *<1830 г.>*

Наталия Рыбалкина

ПОКОЛЕНИЕ.UA[1], ИЛИ ТЬЮТОР КАК ИНОЕ

Зарисовка с натуры. Уличное телевидение. Мифы и реалии

Вокруг Уличного Телевидения, появившегося на Украине в канун президентских выборов 1999 года[2], складывалось множество мифов. Что это за Украинское Чудо, невиданное и неслыханное еще в целом мире? Авторы мифов — создатели технологии Уличного телевидения[3], их рассказчики — ведущие Уличного телевидения, персонажи — простые прохожие, невольные участники разыгрывающегося на улицах страны действа. Одни верили в то, что это технология XXI в., других интересовали дивиденды с настоящего момента, третьи опасались, что настоящее опять работает не на *их* будущее.

Несмотря на то, что УТВ десантировалось в Киеве еще с весны, а по всей Украине рассредоточилось — летом, на средство Массовой коммуникации (один из мифов) оно еще претендовать не могло, так как массам было еще не знакомо, хотя время от времени они с ним стали сталкиваться.

Выглядело это так.

Вы идете вечером домой с тяжелыми сумками или головой и вдруг видите толпу вокруг откуда-то взявшегося (утром на этом месте ничего не было) — огромного экрана, а на нем очень похожего на вашего соседа человека, что-то доказывающего в микрофон. Протискиваетесь сквозь плотную группу зевак и, вправду, видите вашего соседа, но уже не на экране, а перед загородкой, отделяющей толпу от экрана, телекамеры и двух очень молодых людей, время от времени перехватывающих друг у друга микрофон только для того, чтобы поднести его кому-то из толпящихся.

Или по-другому.

Вы смотрите себе дома телевизор, и вдруг откуда-то с улицы мощные динамики доносят до вас голоса, обсуждающие то, что вы видите по телевизору — т. е. вашу жизнь и мешают вам его смотреть. А на следующий день узнаете, что ваш сослуживец совсем из другого района тоже не мог уснуть из-за какого-то то ли митинга, то ли съемки у него под окнами. Вышел поскандалить: почему так

[1] UA — окончание доменного имени украинских серверов.

[2] Выборы президента Л. Кучмы состоялись в конце 1999 г.

[3] Автор технологии УТВ — С. Котельников.

поздно шум — ему объяснили, что это какое-то Уличное телевидение, которое может работать, только когда стемнеет.

Вы сталкиваетесь с этим ни раз и ни два и, наконец, читаете в «Фактах»[4] (и здесь уже соприкасаетесь с ненавязчивой паутиной мифа) о том, что УТВ — это школа публичного высказывания, воплощение принципов прямой демократии и появление его перед выборами неслучайно. С помощью УТВ — вы можете без посредников обсудить свое Будущее как Гражданин с Гражданином. И, может быть, очень скоро вам составят кампанию. Те, кто претендует быть гарантом ваших чаяний. УТВ — это не только свободный микрофон для обсуждения актуальных тем, но и сверхсовременная технология, позволяющая в режиме спутниковой связи в прямом эфире связывать отдаленные города и регионы родной страны, студию ТВ и Улицу, Государство и Человека. УТВ — это возможность привести к избирательной урне человека с неслучайным решением, проговорившего и продумавшего свое решение — убежденного в своем выборе. УТВ — вестник культурной политики, несущей культуру обсуждения вопросов государственного масштаба в массы, реальное средство придуманного идеалистами Просвещения Общественного договора, до которого дошла-таки очередь и в родной Украине.

Народ читал и верил, и не верил. И складывал свои мифы об УТВ уже не в романтическом стиле, но в современном — *action*. Кто это все финансирует? Это же огромные деньги? И без доследования, если пораскинуть умом понятно: раз теперешняя власть[5] это допускает, значит, как минимум, не обошлось без ее на то согласия. Были же известны факты, наоборот, в срочном порядке закрытия некоторых изданий и роспуска кадров телевизионной кампании. Можно было рассматривать Украинское Чудо, как ставку в политической игре, по характеру такую же, как, например, восстановление храмов. На этот счет у народа появилась четкая версия: УТВ — это громоотвод накопившихся обид и возмущений. По ученому — работа с протестной активностью.

А финансовые вклады? Похоже, что в данном случае не предвыборные деньги становилось источником чьего-то личного обогащения под шелест листовок с призывами, а само — предвыборное время использовалось как время инвестиций в венчурную и потому рисковую технологию. Если она, благодаря ее усиленной эксплуатации, пройдет испытание на спрос, то это означало появление принципиально нового типа услуг на целом ряде рынков (то-

[4] Украинская газета, аналог российского «Московского Комсомольца».

[5] Заканчивался первый срок президентства Л. Кучмы.

варов, информации и т. д.)[6]. Как минимум, жди рекламы теперь не только по телевизору, а как максимум — коммерческая тайна.

Жаль только, что доверия у народа не было и нет ни к властям, ни к современному бизнесу[7]. А вариант того, что можно свои общинные интересы с помощью мобильных станций блюсти, мог прийти в голову только пиарщику.

Но…

Тем не менее, собирался народ у станций УТВ и высказаться хотел. Ведущий объявлял тему: «Как найти достойную работу?». «Чему сегодня учиться молодежи?». «Какой должна быть современная медицина?», «Какая армия нужна Украине?», «Зачем нам нужен президент?», «Почему мы не ходим на выборы?» Молодость ведущих подчеркивала[8], что сами они не знают ответа на эти вопросы. Их задача заключалась в том, чтобы помочь сложиться разговору. Собрать разные, противоположные и похожие мнения, что при небольшой подготовке мог сделать каждый. Часто ведущие приглашали на свою роль людей из публики, тех, кто был готов обсуждать какой-то небезразличный ему вопрос.

Если под сложившимся разговором понимать ровное и поэтапное обсуждение проблем развития страны, то для Уличного телевидения это был разряд сверхожиданий. Если тема задевала, эмоции публики брали верх, а если нет — люди просто расходились. Интересовались зачастую, какая на самом деле цель у этих разговоров, справедливо предполагая, что обсуждать проблемы должны люди компетентные и имеющие отношение к их решению. А сами? Самое большое — по вековечной привычке стремились высказать свои жалобы куда-то туда — Наверх. Домогались подчас микрофона, надеясь на то, что Там все-таки услышат. Парадокс заключался в том, что эти же самые Верхи тут же объявлялись несостоятельными. А незадача в том, что УТВ никуда не транслировалось, записи на телевидение не передавались. Оно начиналось и заканчивалось на Улице, здесь и теперь.

Более того, если в своем желании разобраться, что такое УТВ, вы становились участником не одной, а нескольких сессий, то постепенно могли заметить, что смена тем не имела значения. Слышалось всегда одно и то же: «мы — бездомные дети», «нам нужен хороший Папа». Пропасть между Государством и Человеком и надежда на государство-таки. Появлялись у точек УТВ даже свои завсегдатаи: прихорашивались и меняли имидж, подстраиваясь под объявленную тему, но главную тему сменить не могли.

[6] Рынок украинских СМИ был и остается чрезвычайно беден.

[7] Как самая горячая обида обсуждался побег П. Лазаренко в Америку.

[8] На роль ведущих рекрутировались студенты.

Мы согрешили бы против истины, если бы утверждали, что на сессиях Уличного телевидения нельзя было услышать разумных мыслей. Можно. И про то, что государство начинается с чистоты в собственном подъезде, а семья с частной собственности; что вместо того, чтобы сетовать на отсутствие зарплаты и невозможность устроиться на работу — нужно создавать рабочие места самим; что мы не можем обрести свободы внешней, пока не обретем внутреннюю, а внутренняя свобода — не равняется внутренней эмиграции; что задача президента — быть посредником между властями: законодательной, исполнительной и избирательной. Но все эти мысли были не новы, а — из тех же газет и телевидения.

Кстати, представители последнего все-таки видели в УТВ новые эффекты «живых, несыгранных народных страстей» и выступали заказчиками на монтажные вставки в свои программы с сессий УТВ. Но когда на улицах Украины появились так называемые телемосты с регионами: «Симферополь — Донецк», «Киев — Харьков» оказывались в прямом эфире друг для друга, эффект присутствия, как ни странно, падал. УТВ превращалось просто в непрофессиональное телевидение с неподготовленной аудиторией, со студией не в павильоне, а на улице.

Что же это было — Уличное телевидение? Всего лишь уличное Телевидение, очередной телеканал? Что нового принесло украинскому народу? Новости с Улиц страны? Похоже, что Общество Обсуждающих Свои Проблемы (по науке — гражданское общество) создается не так быстро, как избирательные кампании и новые технологии?

Сессии Уличного телевидения не интересно было смотреть в записи — не зрелищно, в нем надо было участвовать, действовать. Если вы были участником сессий УТВ (лучше обычной, не «мостовой»), то могли бы себе точно сказать, можно ли сыграть и подделать, то, что там происходит. Там бы вы увидели себя такими, какие вы есть на самом деле, а не такими, как вас показывают порой на экранах TV.

Пожалуй, единственный правдоподобный миф об УТВ заключался в том, что это могла быть встреча с самими собой, здесь и теперь. В лице нетерпимой толпы, требующей зарплаты. В лице отдельных персонажей, предлагавших разумный выход из ситуации и подтверждавших это примером из собственной жизни. Если бы Уличное телевидение разыгрывало пьесы из нашей жизни, то с появлением такого героя можно было покидать зрительный зал и приступать к действию. Потому что, если мысль героя может стать общим достоянием, то УТВ могло быть технологией встречи нас с самими собой не только настоящими, но и будущими.

И на УТВ будущее незаметно уже было перед нами — в лице его ведущих, вчерашних детей, которые сегодня незаметно держали микрофон. Они услышали и узнали больше, чем каждый из случайных участников сериала о нас самих в самом прямом из всех прямых эфиров. Сегодня они взяли на себя ответственность вызвать нас на разговор. А завтра, может быть, именно им предстояло ответить на наши вопросы. Может, именно так формируется новое Поколение, те, кто ответит на вызовы времени? Вначале они задают вопрос (наш нам), а потом он становится их вопросом. И именно здесь возможности избирательной кампании работали на Настоящее будущее?

Образование, политика и зона Прорыва

Летом 1999 года на Школе по педагогике, ежегодном мероприятии Школы культурной политики мой учитель методологии Петр Георгиевич Щедровицкий сказал: «Рубеж XXI века — время превалирования политических практик, в них происходят ключевые изменения, вся система образования является элементом политической практики, отвечает на ее запросы. Образование сегодня не занимается воспроизводством человека. Практики воспроизводства человеческого — далекий горизонт — 2-я половина XXI века». В то же самое время я получила предложение от команды российско-украинских методологов поработать в Киеве в одном из проектов избирательной кампании Л. Кучмы — «Уличное телевидение». Таким образом, моя установка заниматься развитием образовательной практики и работать в тьюторской позиции совпала неожиданно и ненадолго с возможностью делать это *на волне, не отставая от времени.*

Я приехала в Киев с оформленным намерением: *образование должно использовать драйв политики,* работать на образовательный эффект политической практики. Моя задача к этому располагала — я должна была готовить ведущих Уличного телевидения (из студентов и летних безработных). Тьюторская позиция была определена мною как позиция, работающая на пересечении двух сфер: политики и образования.

Мне пришлось ответить на вопросы: как устроено политическое пространство и какой образовательный фокус в нем может быть обустроен. Ответить на вопросы оказалось легче, чем реализовать эти ответы на практике.

Ответом на второй вопрос было: образовательный фокус в практиках воспроизводства общежития (политики) — это формирование группы прорыва, нового Поколения. А значит, ведущим предстояло стать Ведущими.

Политическое пространство разделилось на два. Внешнее — большое: с ним ведущий Уличного телевидения соприкасался на

площадке. На Экране УТВ можно было угадывать представителей разных политических сил, представления о них и последствия их действий. Выйти на площадь и публично начать строить разговор о них — означало вступить в Большое пространство политического.

Малое пространство — оказалось пространством борьбы за технологию вступления в большое, с ним ведущий соприкасался в практике подготовки. Вокруг проекта «Уличное телевидение» собрались силы, заинтересованные каждая в своем способе его употребления. Телевидение — видело в нем конкурентоспособную медиатехнологию — как локально — на Украине, так и глобально — в мире еще такой не было, Власти — возможность приватизации канала влияния, Политтехнологи — новую политическую технологию, Идиоты[9] по понятию — технологию формирования гражданского или мыслящего общества, а я как Тьютор — образовательный трамплин. Таким образом, у ведущих был выбор — на кого работать.

Самоопределиться в Малом политическом пространстве означало выбрать сферу своего действия. Самоопределиться в Большом политическом пространстве — цель. Для тех, кто ставил квантор реальности на образовании, действительность формирования Нового Поколения была реальней, чем победа тех или иных политических сил.

* * *

Стратегия наставничества в эпоху перемен заключается в том, что оно использует ведущую тенденцию, «садится на процесс» и оказывается на пересечении пространств, сфер: той, что наиболее динамично развивается и собственно образования. Действует в зоне прорыва.

Стратегия тьютора аинституциональна. Он «раздвигает» рамки этих сфер, чтобы образовалась зона прорыва. В описываемом случае рамки политики, как она есть, и политики образования.

Рабочий принцип этой стратегии — принцип естественной оппозиции и оформление сопротивлением. Чтобы стать Группой — надо выделится в малом политическом пространстве, чтобы стать группой Прорыва — в большом.

[9] Слово «идиот» в Греции применялось к тем людям, которые не могли участвовать в публичной жизни полиса, в политике. Первоначальный смысл этого слова — «частный человек» так сказать, как бы замкнутый в себе. Методологическая элита проекта — российские граждане — не имела права по украинскому законодательству принимать участие в выборной кампании.

Практика горизонта. Тьютор — Ведущий

Тактика тьютора традиционна. Вести — за собой. Будучи тьютором ведущих УТВ я должна была стать Ведущим ведущих. Эта игра слов поддерживала меня.

Но самоопределение самоопределением, а нужно было еще и демонстрировать технику работы ведущего. Стать и быть классным ведущим Уличного телевидения. Мне было трудно утвердиться, так как я приехала в проект в самом его разгаре, ведущие-наставники и не менее 30 студентов уже имели большой опыт работы, поучаствовали в кампании выбора мэра, а я попала с корабля на бал. Тем не менее, на третий день я уже работала на площадке наравне со студентами. Нужно было удерживать две марки: перед толпой — марку УТВ и перед студентами, которых я взялась учить. Как ни странно первые мои сессии были удачными. Видимо, это был эффект поступка — я ведь могла не выходить на площадку (мне никто не вменял этого, более того, партия формально-игротехнической подготовки ведущих[10] предпочитала учить, разыгрывая далекие от реальности сцены в душных (лето в Киеве!) комнатах и мелом на доске), положившись на силу методологического мышления и рефлексии. И хотя именно методологическая подготовка мне и помогла: в техниках рефлексии ситуации, но, прежде всего — в установке на обязательное самоопределение и демонстрации слова делом.

Моя задача заключалась в том, чтобы не просто передавать отрефлектированные мной техники (техник должно было рождаться много и разных в практике, которая только зарождается), но — в том, чтобы передать принципы работы — а их тоже нельзя было передать на доске. Особенность ситуации заключалась в том, что требовалось очень быстро подготовить ведущих, и чтобы успеть к разгару кампании, и чтобы успеть воспользоваться волной политики для образовательного эффекта. Это можно было назвать задачей интенсивного освоения[11] (в смысле конкисты, новой Англии) в условиях ограниченного образовательного ресурса: когда нет времени ни на приватизацию экспертных аналитик состояния дел в стране, ни на, тем более, усвоение принципов методологического мышления.

Мною были отвергнуты и стратегия формально-игровой методологической подготовки, нацеленная на «дрессинг» ролей, и стратегия натаскивания на коммуникативные приемы, выбрасывания

[10] Автор технологии формально-игротехнической подготовки ведущих – П. Малиновский.

[11] Термин менеджера кампании Т. Сергейцева.

новичка на площадку для «удержания коммуникативного удара»[12].. Задачей тьюторской стратегии было показать стажерам целостное образовательное пространство, задать возможные (индивидуальные) пути его обхода.

* * *

Тьютор — это тот, кто идет на шаг впереди в практике освоения. Практике горизонта. В отличие от наставника, принадлежащего целиком этой практике, тьютор остается рейнджером образовательного пространства. Тьютор — проходит вперед и намечает возможные *фарватеры* в бурном и неосвоенном море образования на пути к освоению практики.

Позиция. Хэппининг и Анхэппининг

Главным вопросом успешности тьюторской стратегии был вопрос о *готовности* последователей бросится на прорыв.

Ситуация стажеров-ведущих заключалась в том, что в малом политическом пространстве за них боролись разные субъекты интересов, и многие оказывались взятыми в плен раньше, чем понимали, куда их вели. Парадокс заключался в том, что малое пространство проекта стажеры рассматривали как возможность получить беспрецедентное образование и приглашение на перспективное место работы, как социальный трамплин попадания на телевидение или в политику. А большое — для них существовало как экзаменационная площадка и тренинговый ринг.

Задача тьютора здесь заключалась в том, чтобы перевернуть ситуацию, сделать ее открытой. Представить большое политическое пространство — как собственно образовательное для них, но не поле для профессионального тренинга, а поле — для всхода Поколения. А малое — представить как экспериментальную лабораторию по подготовке к Готовности, как поисковое в самой своей структуре пространство. И показать это не на словах, а на невозможности достижения результата в другой стратегии.

В системе формально-игротехнической, методологической подготовки к сессии — основой было тематическое планирование, т. е. разметка пространства обсуждения темы. Для тех, кто выбрал этот путь (*послушники*) шансом прорваться к реальности могла стать рефлексия не срабатывания псевдопрофессиональной подготовки к выходу на площадку, который даже назывался в стратегии формальной подготовки формально — сессия. Да и глубина темы не давалась студенческому разуму. Один из сторонних проекту методологов оп-

[12] Стратегия, предложенная одним из ведущих-наставников — А. Губановым.

ределил это как проблему невозможности включения в уже существующие (реально, в обществе) дискурсы, которые надо учуять, схватить.

Другим вариантом подготовки, дававшим лучшие результаты, была возможность поработать в паре с разными мастерами-ведущими и «снять» их способ работы. Те, кто выбрал этот путь, были названы *подмастерьями*. Но мастеров на всех не хватало, к разгару кампании они и вовсе разъехались по регионам, и выяснялось, что позицию «снять» все-таки нельзя.

Новоиспеченные ведущие оказались лицом к лицу с проблемой своей подготовки, когда увидели себя со стороны. Около 400 стажеров со всей Украины съехались на Игру в Артек и встретись на игровых телемостах. И оказалось, что все 8 региональных команд, умноженных на пять экранов, одинаково скучны сами себе в заранее запланированном разворачивании темы, по заранее продуманным возможным сценариям ее разворачивания. Под широко раскинувшимся ночным небом Крыма, на огромном площадке пионерского стадиона коммуникация выходила как-то особенно тощей, закрытой и предсказуемой.

Чувство ситуации оставалось не ведомым, ситуация ускользала, оставалась за бортом. И не давалась не случайно — не было основного охотничьего приема — позиции, вокруг которой она оживает и проявляется.

Эта знакомая методологам истина не была включена в систему формально-игровой и КАК БЫ методологической подготовки. И сама по себе карта темы никак не связывалась с материей реальной коммуникации. А техника «удержания коммуникативного удара» на площадке выталкивала в позицию, но не давала средств ее удержания.

Неизвестно как готовить к тому, чего еще нет, не стало практикой. Практикой, а значит — местом совпадения твоего видения мира и действия. Задачей тьюторской стратегии было представить *технику позиционного укрепления* как образовательное обеспечение новой Практики.

Сама техника эта оказалась штучной работой, индивидуальным подходом к подающим надежды: каждого нужно было зацепить за *его истинный* интерес и проблему. Хотя по сути тьюторская работа — это транс- или сверхиндивидуальная работа. На примере ведущих УТВ это проявлялось в том, что только *общезначимая* проблема, вынесенная на площадку ведущим *как своя,* могла стать поводом и полем для коммуникации.

Ведущий должен был понять, что ему как члену *этого* общества непонятно, ему не безразлично, его не устраивает: вынести свое сомнение на публику и удерживать его — как повод для коммуникации. И это и означало — держать тему НА САМОМ ДЕЛЕ. Удерживать интересы — моделировать политическую реальность. Собой. А если хватит искусства — другими участниками.

Другой составляющей техники удержания позиции — была позиционная рефлексия. Если ситуация все-таки уходила, а позиция шаталась под напором несыгранной коммуникации, микрофон должен был перейти к напарнику, готовому своевременно ее подхватить.

Небанальность утверждения о том, что самоопределение является средством интенсивного освоения заключалась в том, что разные практики требуют разной позиции. Например,

- выталкивание в позицию игротехника — порождало на площадке плохую игру — людям было не интересно играть, они чувствовали, что жизнь — не игра....
- выход в позицию телеведущего — плохое шоу ... людям в общем-то нечего было сказать интересного...
- в позицию политтехнолога — перевести никого не удалось, потому что у Заказчика не было никаких интересов, кроме того, чтобы остаться у власти...

* * *

Задача Тьютора — *подвести подопечных к позиции*, вытолкнуть к нее, показать, что только собой они могут создать ситуацию, воспроизвести дремлющую в обществе проблему на локальной площадке, как в хэппиниге (от слова *happen*), а чаще — анхэппининге (в смысле отсутствия *happy end*(а)).

Только выход в свою позицию, гражданскую, члена общества, пусть пока не очень обустроенную порождает политическую реальность. И именно таковая позиция и соответствует образовательному фокусу освоения политтехнологии: образованию группы прорыва — той, которая первая и ответственно готова была начать разговор.

Другой вопрос — какой именно станет группа прорыва. Моя гипотеза заключается в том, что основной альтернативой, формирующей Поколение и его группу Прорыва, является Альтернатива маргинальности и Социального действия.

Герой

Занимать позицию надо учить в любом деле. Есть ли особенность занятия позиции в практике, которая только нарождается? Как возможна рефлексия позиции, если нет пространства рефлексии этой позиции? И накладывает ли печать на эту позицию то, что практика эта политическая? И какие следствия из ответов на эти вопросы будут вытекать для образовательной стратегии? Для тьюторского действия?

В чем должно заключаться социальное действие?

Наш неокончательный ответ заключался тогда в том, чтобы начать разговор, в публичном вопросе и публичном признании того, что ответа на него нет. У нас не было ответов, но мы брали на себя ответственность задавать вопрос.

Успехом акции УТВ являлось появление на площадке — Героя. Кто он — об этом спорили, как его вызвать — скрещивались пики в малом политическом пространстве проекта. Одни считали — что это тот, кто меняет свою позицию прямо на площадке и от слов переходит к действию, другие — тот, который, вдруг обнаруживает публично отсутствие у всех ответа на важный и вроде бы простой вопрос, третьи — тот, кто готов пройти против толпы. Герои случались, они отличались между собой так же, как отличались стратегии ведущих, иногда занимали позицию Ведущих.

Версия одного из моих подопечных — Юры Евушко — заключалась в том, что практика УТВ — это практика преодоления страха Не-поступка: когда страшно НЕ сказать что-то наболевшее во всеуслышание перед камерой, а так и НИЧЕГО И НЕ сказать.

Задачей Тьютора было сохранять множество ответов, как условие движения. Для него героями в первую очередь должны были стать — его подопечные, как залог того, что они появятся и на Улице…

* * *

За два месяца моей работы успела *образоваться группа* из 16 ведущих «Киев — регион», отделившаяся от группы «Киев». Я была официально уволена из проекта, по четко сформулированному основанию: *Тьютор*. Политика не занимается образованием. Мне было пора оставить своих подопечных.

Тьютор — это тот, кто может повести и оставить, *стать Героем без сражения.*

Игорь Давлетшин

РОССИЙСКИЙ ВИДЕО-АРТ 90-х: СМЕНА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Термин «видео-арт» вызывает множество споров в среде критиков и аналитиков современного искусства, что совершенно естественно, принимая во внимание сравнительную новизну самого явления: массовое увлечение видео стало возможно только в эпоху доступности средств видеосъемки. Можно утверждать, что видео-арт утвердился как искусство только тогда, когда стало возможным

распространение видеографомании, массовой видеокультуры и просто моды на видео[13]. Избегая бесполезных терминологических споров, договоримся называть видеоартом (по крайней мере, в рамках данного текста) любой визуальный продукт, изготовленный при помощи кино-, видео- и компьютерных технологий.

Итак, актуальность видео-арта можно объяснить, с одной стороны, доступностью этих технологий для широкого пользователя, а с другой — именно эти технологии, на наш взгляд наиболее адекватны для отражения взаимоотношений современного художника и окружающего его мира.

Видео-арт, условно можно разделить на три вида, по вариантам существующих презентационных практик:

- видео-работы, используемые в современных экспозиционных (галерейных) практиках;
- видео-арт (музыкальные клипы, в частности), ориентированный на телевизионную трансляцию, в том числе и в сфере альтернативного или сетевого телевидения;
- видео-арт, участвующий в клубном, дискотечном пространстве, как в виде элементов дизайна, так и как составляющая музыкальных выступлений (так называемый VJ-инг).

Классификация видео-арта по эстетическим признакам представляется гораздо более сложной задачей. Какая бы то ни была «каталогизация» или составление списка «направлений, течений и школ», в такой сугубо децентрализованной и калейдоскопической области, какой является современное искусство, представляется спорной. Поэтому настоящая работа — не более чем размышления вокруг материалов нескольких видеокассет, оказавшихся в поле ближайшего интереса автора.

Интерес к видео-арту в Европе и Америке, устойчиво возрастает с конца семидесятых годов. Этот жанр становится все более востребованным в самых разных культурных слоях от престижных международных биеннале и специализированных кафедр ведущих университетов и школ до демократичных и массовых фестивалей-конкурсов и www-проектов.

В России первым опытом популяризации и составления (не ограниченной субъективно) коллекции видеоарта стали фестивали непрофессионального видео, проводимые в 1992—94 гг. Ассоциацией альтернативной музыки «Экзотика», которая в эти годы про-

[13] Один из симптомов описанных процессов массового распространения интереса к возможностям видеосъемки — реакция телевизионной индустрии: появление программ, работающих по общей схеме «сам себе режиссер». И, как обратная реакция, появление в «высоком видеоарте» упрощенной безмонтажной стилистики и даже моды на *homevideo*.

изводила качественные радио- и телевизионные программы, посвященные некоммерческой (или как тогда принято было говорить «независимой») музыке, выходившие на государственных российских каналах (РТР). Нужно сказать, что в это же время также на РТР выходила еще одна программа, освещавшая вопросы *contemporary art* — «Тишина № 9». По уровню профессионализма и «Экзотика» и «Тишина № 9» до сих пор, пожалуй, остаются лучшими российскими программами обальтернативном видео и музыке, за исключением разве что программы «От киноавангарда к видеоарту», выходящей сейчас на канале «Культура». К сожалению, прием программ этого канала очень ограничен и доступность этих качественных продуктов современного некоммерческого телевидения в регионах оставляет желать лучшего. И «Экзотика», и «Тишина № 9», не только включали в свой контекст видео-арт работы, но и сами визуальные «оболочки» этих программ были исполнены и смонтированы в новой видео эстетике, которая воспринималась тогда, как сугубо экспериментальная и прогрессивная.

Первая «Экзотика» проходила в 1992 г. в Ижевске, где тогда без видимых «объективных» причин, лишь усилиями нескольких энтузиастов (разговоры об особой энергетике этого города оставим для местным жителям и патриотам) сформировалась достаточно большая группа людей слушающих/играющих очень актуальную на тот момент музыку. Клипы, которые изготовлялись тогда участниками неформальной ижевской «лаборатории» (назовем ее так) по технологии изготовления были близки «параллельному кино», но исполнены в другой эстетике — психоделической и декадентской, что вполне соответствовало музыке ижевских групп СТУК БАМБУКА В 11 ЧАСОВ, САМЦЫ ДРОНТА, КРАСИВАЯ ПРИШЛА. Именно работы ижевских креаторов стали своего рода эталонными и определили специфику первого фестиваля.

На следующем фестивале (1993), проходившем в Калининграде, помимо работ из Ижевска, интересными для зрителей и жюри оказались сибирские индустриальные видео-опыты, навеянные творчеством культовых и очень важных для альтернативной культуры 80-х — начала 90-х английских проектов Throbbing Gristle, PTV и других, под идейным лидерством Genesis P. Oridge. Новокузнецкий электронный дуэт CURRENTS OF DEATH к тому времени записал свой дебютный альбом CretodaH!, в стилистике *ambient-noise*. Две композиции из альбома стали клипом, который сняли режиссеры И. Давлетшин и В. Кошкин, которые, кроме того, получили Гран-При за очень модную и концептуальную для того времени компьютерную *low-fi* работу ПАРАЗИТЫ МОЗГА.

С перепрофилированием «Экзотики» в сугубо музыкальную область, такие глобальные акций, как фестивали 1992—93, насколько

нам известно, больше не проводились, во всяком случае, вести о них до Сибири не доходили. Объясняется это, пожалуй, изменениями в культурной ситуации в России: как раз в это время заканчивается период «романтического оптимизма» в среде артистов, занятых современным экспериментальным искусством, и начинается закономерный процесс самоопределения и размежевания по жанрам и интересам.

Из видео-арта первой половины 90-х хочется особенно отметить прекрасные психоделические работы московских авторов Дмитрия и Анжелы Трофимовых. Используя популярную стратегию «видеосемплирования» (когда режиссер монтирует чужой, подчас анонимный, либо любительский видеоматериал, создавая из него новое произведение), эти авторы добивались невероятно гармоничного сочетания киноматериалов начала века и современной стилизации.

В области монтажного видео интересной представляется работа московской арт-группы СЕВЕР, где в качестве исходного материала использован советский мультфильм о Снежной Королеве. Благодаря сочетанию короткого монтажа из одного — двух повторяющихся планов с ритмичной техно-музыкой, была создана актуальная работа, вполне применимая для клубного пространства. Кроме видео-действий СЕВЕР известен исполнением неоязыческих ритуалов с использованием пиротехники и элементов авангардной моды: на основе «живых» выступлений (*life art*) монтируются фильмы, которые можно воспринимать не только как документально-хроникальный материал, но как работы, имеющие самостоятельную художественную ценность.

Работы рижской арт-группы ОРБИТА (www.orbita.lv), соединяют поэзию, видео и музыку в стиле acid-jazz/trip-hop, fashion, ориентированную на современные европейские стандарты. Подчеркнутая утонченность и романтичность, использование в качестве моделей и актеров красивых людей, создают подчеркнуто актуальные, «нежные» работы, которые вполне могут попасть в формат хороших глянцевых журналов.

Во второй половине 90-х видео-технологии стали активно использоваться «радикально настроенными», а точнее будет сказать, актуально ориентированными российскими художниками, в том числе и провинциальными. Новосибирские авторы В. Мизин, Дм. Булныгин, К. Скотников и М. Зонов, объединившись для акции «Синие Носы В Бункере», сняли на видео серию перформансов, получивших признание в российской и международной арт-среде. Короткие, иногда очень смешные гэги, исполненные самими художниками с клоунскими синими носами и одетыми в ватники и ушанки, какие в России носят и заключенные и жители малых городов и по-

селков[14] обращаются к общеизвестным символам поп-культуры, например в номере «Let It Be»: художники, расположившись как на конверте знаменитого диска, в регулярно кем-то закрывающемся отверстии тюремной двери, гнусавыми голосами поют этот шлягер. Не так давно часть этих работ были показаны в «Ночной Смене» на ОРТ. Само по себе обращение респектабельного телеканала к произведениям радикального видеоискусства не может не радовать, однако, на наш взгляд, подход авторов этого телевизионного проекта к произведениям современного искусства и, в частности, к видео-арту, балансирует на грани обывательского интереса «вот—ведь—что—творят—бездельники» и снобистского «высококультурного» интеллигентского пренебрежения. Такое отношение тоже возможно и понятно и само по себе может стать материалом и проблемой для исследований современной культуры. Очевидно, что традиционная пафосная эстетика государственного телевидения исчерпала себя и не вызывает ничего, кроме раздражения, у образованных людей с широким кругозором. Поэтому интуиция преуспевающих телевизионных продюсеров даже вызывает уважение: использование видеоарта в бессобытийных, вечерне-успокоительных передачах, по-видимому, рассматривается как необходимая острая и/или пряная приправа к довольно пресному «основному блюду». Неслучайно рубрика, о которой мы говорим, называется «видеолакомство».

Видео-экспериментами увлечены многие молодые работники телевизионных студий, особенно в нестоличных городах, где телевидение еще может позволить себе хотя бы ночью вдали от прайм-тайма, транслировать откровенно некоммерческий и не самый рейтинговый продукт. Яркий тому пример — новокузнецкий автор Роман Корниенко, на протяжении нескольких лет делающий молодежную арт-программу ДУВАН на муниципальном канале Ново-ТВ. Наиболее интересной из последних работ Корниенко стал ролик «Доктор Луцик», где параллельно смонтированы документальные кадры операции по воздействию на так называемый центр удовольствия у наркоманов и движения участников хореографической группы ВАМПИТЕР (Новосибирск). Эта работа была отмечена специальным дипломом Медиа-Форума XXIII Московского международного кинофестиваля.

Новокузнецкий автор Вадим Губин, и в фотографии (серия работ, где сняты разбитые окна поездов) и в видео, внимательно фиксирует окружающую его действительность, далекую от совершенства и полную красоты разрушений и обломков. Фильм «Весна» представляет из себя наблюдение видеокамеры за уютно расположившимся

[14] Рассуждения об этой национальной униформе — благодатная тема для культурологического эссе.

на земле бомжеватого вида типом, с удовольствием потягивающим дешевый алкоголь под лучами долгожданного, в Сибири особенно, весеннего солнца. В качестве саунд-трека использована радиотрансляция отрывка из оперы Пучинни.

Заканчивая этот краткий обзор нескольких работ современных художников, приведем цитату из статьи современного германского исследователя Д. Дидерихсена «Время пустых различий»: «Поп-культура идеологична хотя бы уже потому, что она нарративна. Идеология обычно скрывается в нарративе и гораздо реже в форме» («Художественный Журнал» № 39). Нам представляется удачным акцент на причинно-следственных связях нарратива и идеологии, причем причина и следствие вполне могут меняться местами. Видеоработы начала 90-х в большинстве своем не имеют сюжета, не поддаются пересказу, и представляют из себя поток подсознательно — эмоциональных картинок, с акцентом на художественной форме, свободных от истории и потому свободных от идеологии. Работы второй половины последнего десятилетия XX в. чаще всего имеют в своей основе историю, сюжет со всеми вытекающими отсюда идеологическими осложнениями.

Александра Блок

МАСС-МЕДИА КАК СФЕРА АНТРОПОПРАКТИКИ[15]

Введение

Этот текст посвящен постановке вопроса о феномене медиа как одного из самых массовых институтов, участвующих в оформлении жизненного пространства современного человека. В этой связи нас будет интересовать масс-медиа как институт, обладающий семиотической, знаковой властью (то есть собственным идеологическим дискурсом). Рассмотрение будет осуществляться в контексте сопоставления процессов в современной антропологии (не как теории о человеке, но как практической сферы, занимающейся фиксацией реальных и действительных антропологических изменений современности) и масс-медиа как антропологического института оформления и «выращивания» современного человека, как института глобальной интерпретации — реальности, истории, будущего.

[15] По материалам исследовательской работы «Масс-медиа как сфера антропопрактики: гуманитарный дискурс медиа в современной Сибири».

* * *

В своей работе «Метаморфозы власти», написанной в 1990 г., Элвин Тоффлер, говорит о том, что наблюдаемый опыт СССР есть всего лишь мелкие перестрелки в глобальном процессе смены типа цивилизации. Анализируя экономические, политические и технологические процессы, происходящие в последней четверти XX в., Тоффлер утверждает появление новой, «информационной» эпохи, где основными чертами будут интерактивность, мобильность, обратимость, повсеместность и глобализация. При этом, обсуждая основные черты наступающей эпохи, Тоффлер говорит о них как о проблемах прежде всего антропологического характера. Шок будущего — это своеобразный синдром человека, неспособного справиться с темпами и количеством поступающей информации. Конечно же, кардинальные метаморфозы происходят при этом и с масс-медиа. Так, например, как пишет Умберто Эко в эссе «О прессе», на 60—70-е гг. пришелся пик дискуссий об объективности-субъективности масс-медиа, соответственно, стратегиях и идеологиях интерпретации.

Сославшись на эссе У. Эко, мы хотели бы указать на «запаздывающий» характер подобных процессов в российских масс-медиа. Процессы смены идеологии, а тем более, решение вопроса об объективности-субъективности медиа, не так широко обсуждаемы в публичном пространстве, несмотря на наличие и актуальность данных проблем в связи с глобальными изменениями, произошедшими с рынком СМИ в 90-е гг. Исследователи либо негодующе «обличают» современную «идеологию потребительства», либо фиксируют неудавшийся опыт российских СМИ как института дискуссий и обмена мнениями, в университетах до сих пор неоспоримым остается тезис об объективности как «моральном долге» журналиста. Специфика российской ситуации состоит в том, что объективно, рыночно, масс-медиа движутся в той же стратегии, что и мировые СМИ — мы одинаково решили проблему падения тиражей — большая часть СМИ перешла в информационно-развлекательный формат. Таким образом, можно сказать, что проблемы идеологии были решены, но не было культурно-антропологической рефлексии изменений, поскольку они произошли стихийно и по необходимости.

В этой связи мы хотели бы зафиксировать проблему стратегии современных масс-медиа как антропологического института, который, в силу специфики развития эпохи, в чем-то преобладает над традиционными институтами воспитания человека — образования, семьи и пр. Если это власть, то какую «антропологическую модель» она должна демонстрировать, в рамках какой идеологии двигаться? Рыночный уход к идеологии массовых вкусов не избавляет масс-

медиа от функции демонстрации образцов, а при современной окруженности различными вариантами медиа лишь усиливает ее.

Наша гипотеза состоит в том, что в сфере современных медиа возможен альтернативный путь решения вопроса о власти — не уход к «идеологии зрелищности» (и, соответственно, демонстрации тех антропологических установок, которые выгодны, что равносильно отсутствию таковых), а демонстрация релевантных современности антропологических проектов. На наш взгляд, в современной ситуации также меняются методы, риторика освещения и описания, текстовое закрепление тех проектов в других сферах, которые, подобно СМИ, также демонстрируют альтернативные проекты. В этой связи актуальным представляется исследование специфики масс-медиа как сферы современной идеологии и антропопрактики, как института фиксации и конструирования идентичности человека. Какие существуют модели, стратегии продвижения и освещения современных гуманитарных проектов?

Масс-медиа: семиотическое управление

Постановка и решение проблемы объективности-субъективности сопровождалась огромным пластом работ в области философии, филологии, социологии, антропологии и культурологии, и прежде всего, разработкой и вводом понятия интерпретации. Речь идет об опыте школ структурализма и постструктурализма в области теории письма, текста, семиотики. Именно работы структуралистов по разграничению понятий дискурса, текста, обоснованию понятия знака затем перешли в сферу анализа общественных институтов, процессов, и, конечно, в сферу масс-медиа. Такие практики как PR, маркетинг, менеджмент в средствах массовой коммуникации не могли бы существовать, если бы не в этих практиках не существовало представление о том, что любое содержание можно по-разному «упаковывать», интерпретировать; что содержание, товар, смысл есть знак, который по-разному может быть прочтен в разных аудиториях и пр.

Ролан Барт является одним из ведущих теоретиков, основателей структуралистского подхода, а также одним из первых практиков, проследивших влияние знаков на массовое сознание (в частности, ему принадлежит работа «Мифологии», в которых он анализирует рекламу как идеологическое повествование, как систему знаков, «упакованных» определенным образом). В теоретическом обосновании понятий дискурса, текста, знака нас будут, прежде всего, интересовать его работы и выступления «От науки к литературе», «Структурализм как деятельность», «Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии Колледж де Франс 7 января 1977 г.».

Р. Барт говорит об изменении влияния и распространения власти: если раньше власть считалась только политическим феноменом, то теперь это, скорее феномен не столько относящейся к определенной сфере общества, а сколько феномен «идеологический» — власть есть все то, что способно транслировать — скрыто или явленно — идеологические установки. «И мы начинаем догадываться, что власть гнездится в наитончайших механизмах социального обмена, что ее воплощением является не только Государство, классы и группы, но также мода, расхожие мнения, зрелища, игры, спорт, средства информации, семейные и частные отношения…

«В чем же причина такой «вездесущности» власти? По мнению Р. Барта, власть заключена в структуре самого языка, который сложился исторически и закрепился в определенной форме как система стереотипов. Субъект, по Барту, никогда не способен говорить вольно и естественно, он руководим логикой языка. Стереотип превращается в порабощающую силу вследствие своей бесконечной повторяемости и закрепленности в культуре.

Вместе с тем, Ролан Барт ставит вопрос о человеческой практике, в которой присутствовал бы человеческий опыт по смещению языковых стереотипов. В качестве примера таковой он рассматривает литературу, которая за счет постоянной новации жанров, стиля, риторики, эстетики описания, игры слов, является опытом выхода из несвободы языка. Литература есть сфера, фиксирующая, воссоздающая определенный образ реальности — будь то фантастическая повесть или историческая хроника. При этом субъективность или объективность жанра не имеет никакого значения, поскольку автор в хронике также решает, что отобразить в ней, а что нет, в этом смысле хроника также является воссоздающейся реальностью.

Поскольку реальность никогда не может быть передана объективно, то существуют бесконечные попытки и версии ее воссоздания. История литературы для Р. Барта — это история работы по «обману» языка, реализующего ту или иную действительность. Основное назначение литературы состоит именно в том, чтобы «упорствовать и смещаться» — то есть, «играть» с языковыми формами, с их закреплением в письме, уходить от зависимости от языковых стереотипов. По мнению автора, семиотическая сила литературы состоит не столько в том, чтобы разрушать знаки, сколько в постоянном «разыгрывании» знаков, в построении различных семиотических комбинаций, смысловых интерпретаций знаков. Таким образом, деконструкция знаков, их обнаружение, о котором он уже говорил относительно литературы, есть процесс освобождения человека от современной окруженности властью с ее повсеместным, тотальным характером.Для нас это может означать, что любая работа с любой

практикой (как сферой присутствия текста), каждым элементом действительности есть неизбежно семиотическая работа — практика интерпретации и «разыгрывания» знаков. И человек, анализируя знаки, волен если не изобретать, то смещать, насколько это возможно, определенные стереотипы мышления об этой сфере — «будоражить реальность». Человеческая деятельность в данном случае представляется экспериментом, практикой деконструкции окружающих его стереотипов — жизни, поведения, будущего и пр., и эта попытка носит характер игры. Последний термин означает, что человек не может выйти за пределы языка, следовательно, любая попытка революции приводит лишь к рождению нового дискурса власти, подавления. Мы можем строить версии, гипотезы, нам гарантирована попытка, но не гарантирован успешный результат.

Таким образом, здесь важна фиксация нескольких моментов:

- идеологический дискурс распространен во всех явлениях и вещах, окружающий жизнь человека, так как предметы, творения и пр. есть отражение определенных представлений о реальности и человеке;
- явления и вещи являются символами, знаками той или иной идеологии;
- в сферу компетенции и ответственности человека попадает вопрос о воле к деконструкции стереотипов, и, соответственно, воле к работе над «языковым смещением», преодолении стереотипов (или, чтобы убрать негативный оттенок, можно применить слово прототип — мышления, языка, поведения и пр.) вопрос, какой именно миф, какой по содержанию властный дискурс он будет применять.

* * *

Сфера масс-медиа, подобно литературе, рассматриваемой Р. Бартом, является сферой интерпретации и управления различными идеологическими дискурсами. Информация, которая распространяется посредством медиа — элемент определенной идеологии, картины мира. (Информацией в данном случае можно считать не только само сообщение, которое передается с помощью масс-медиа, но и ту систему аудио-визуальных кодов, которыми она сопровождается.) Собственно, начиная с 60-х гг. XX в., вслед за Р. Бартом, проанализировавшим феномен рекламы на телевидении, теории и практике анализа речевых стратегий дискурса и его семиотической реализации посвящено и посвящается глобальное количество работ. В частности, Стюарт Холл разрабатывает теорию моделей кодирования-декодирования сообщений, связанных с возможностью «упаковки» смысловых структур и вариантами их прочтения разными типами аудитории. Джон Фиске более подробно

останавливается на вариантах декодирования смысловых заданий аудиторией, и говорит о том, что, собственно, медиа-тексты — это продукты своих читателей. Благодаря тому, что одно и тоже сообщение может быть по-разному прочитано в различных аудиториях (феномен полисемии текста), масс-медиа обеспечивают себе популярность среди широких социальных слоев. Т.А. Ван Дейком более широко разрабатывается понятия дискурса — как типа разговора, как социальной формации, жанра и т. д., проводится разграничение между текстом и дискурсом, анализируются риторические механизмы, выражающие определенные намерения коммуникантов (в частности, можно привести пример его работы «Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений»).

Особенно хотелось бы упомянуть работы У. Эко в области семиотического анализа масс-медиа, разработавшего термины «код», «послание» (*message*) и механизмы анализа телевизионных сообщений, и пр.

Кроме того, именно представлением о власти как некоторой «семиотической силы» мы обязаны, повторюсь, появлению таких феноменов и эффектов, как информационные войны, предвыборная борьба, PR, *speech-writing*, реклама и бесчисленное множество других практик, без которых невозможно представить нашу жизнь.

Но данные характеристики масс-медиа вовлекают этот институт в область этики и права, поскольку главным вопросом остается вопрос о стратегиях распоряжения данной властью. Эпоха массовых и масштабных коммуникаций усилила ответственность СМИ за формирование идентичности человека, медиа стали наиболее массовыми практиками, где человек может почерпнуть подтверждение своих убеждений, ответы на вопросы, об устройстве своей жизни, стратегиях взаимоотношений с окружающей его действительностью. Таким образом, в современной ситуации «информационной эпохи» институт медиа выступает одним из субъектов организации жизненного пространства человека. С другой стороны, медиа есть субъект организации представлений о будущем, о должных базовых процессах человеческой практик. Чтобы рассмотреть варианты идеологических стратегий и механизмов кодификации идентичности, нам нельзя обойтись, собственно, без обзора тех идеологических процессов, которые необходимо репрезентировать в СМИ.

«Массовый человек» как антропологическая проблема современности

Начало XX в. было ознаменовано появлением целой волны работ в области философии, литературы, социологии, посвященных кризису европейской культуры. Материалом для размышления стала сама объективная ситуация первой половины XX в. — эпоха

двух мировых войн, бесконечных революций, эпоха противостояния двух мировых тоталитарных систем — фашизма и коммунизма.

И тезис Ницше — «Бог умер» является определенным изречением эпохи: если Бог, как некоторая духовная вертикаль, к которой всегда обращался европейский человек как знаку упорядоченности бытия, «исчерпал себя», то человек остается наедине с самим собой, ему больше не на что надеяться, кроме самого себя в огромном и бессистемном мире (здесь достаточно вспомнить опыт и темы работ школы экзистенциализма).

Своеобразной антропологическо-метафизической реакцией на «заброшенность» становится появление феномена массового человека. С точки зрения социальной аналитики работа Х. Ортега-и-Гассета является одной из ключевых в обосновании появления принципиально новой (может быть, постхристианской) антропологической формации, где главным действующим лицом становится человек массы, а базовым процессом — процессы массовизации. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что объективной предпосылкой к «триумфу масс» стал существенный скачок в росте населения, обусловленный облегчением условий жизни, развитием науки, в частности, медицины. Существующие социальные институты перестали справляться со своими функциями: «Школы, которыми так гордился прошлый век, внедрили в массу современный жизненные навыки, но не сумели воспитать ее. Снабдили средствами для того, чтобы жить полнее, но не смогли наделить ее ни историческим чутьем, ни чувством исторической ответственности. В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе».

Либеральная демократия как идеология «свободы для всех» выступила «катализатором» процессов массовизации. Развитие техники сделало массово доступными достижения цивилизации: то, что ранее считалось элитарным и служило предметом борьбы, теперь «достается бесплатно». Наступает мир «бесплатного пользования» — знания и вещи, в отличие от предыдущих эпох, становятся естественным и заурядным окружением, за которое не требуется платить.

Важно отметить, что подобные цивилизационные изменения имеют антропологическое измерение. Массовое сознание характеризуется такой чертой, как неспособность к деконструкции, критике, рефлексии — другой логики, собственной жизни. Ортега-и-Гассет указывает на избыточность, переполненность жизни, и отсутствие стратегий, практик управления этим потоком, отсутствием духовных практик выделения себя из этого потока, обозначения своей отмеченности, отличия — идентичности. М. Бубер в работе «Я-Ты» отмечает, что воля к пониманию Другого, воля к коммуникации и различению, и характеризует человеческую организован-

ность и должные человеческие практики. Здесь не только имеются в виду психологические установки на понимание «чужого мнения», «толерантность» и пр., но гораздо более трудная задача на терпимость в мире множества логик, множества различных представлений. Собственно, проблема коммуникации как воли видения и понимания Другого станет ведущей во многих работах философов XX в., так или иначе подразумевается в таких работах как «Открытое общество и его враги» К. Поппера, «Демократия, разум, нравственность» Ю. Хабермаса, «Проблема человека» М. Мамардашвили и многих других. Поскольку проблема отмеченности своих границ есть проблема субъективации, возможность человека представить себя в качестве субъекта — то есть организатора собственного жизненного пространства.

Массе же не свойственны внутренние рефлексии. «Речь не идет о том, что массовый человек глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо. Но это не идет ему впрок: на деле смутное ощущение своих возможностей лишь побуждает его закупориться и не пользоваться ими». Массовый человек, по Ортега-и-Гассету, становится таковым потому, что не способен разобраться в том количестве информации, доступного знания, которым он окружен; потому что думает, что весь остальной мир в его основной логике так или иначе совпадает в его логикой. Массовый человек живет не своей жизнью, а тем, что им безоговорочно присвоено. Конечно же, существуют определенные мифы «субъективации» — о том, что каждый человек — личность, о том, что увлечение является проявлением его «Я» и т. д. Но Ортега-и-Гассет указывает на игровой характер подобных мифов, поскольку «увлечения» носят обычно временный характер и не имеют рефлексивно-экзистенциального обоснования.

Основным качеством, по Ортега-и-Гассету, которое приобретают и социальные институты, «воспитывающие» массового человека, и сама человеческая практика — характер диктата. То есть, не имея представлений о возможности Другого, любой дискурс приобретает тотальный характер (этим, к примеру, можно объяснить возникновение понятия «агональной коммуникации»), отражающий намерение экспансии, расширении собственных границ, захвата большей территории власти (эта тема заметно перекликается с работой Р. Барта, упомянутой в первой части главы). «Сегодня насилие — это риторика века…» Действительно, подобная власть может выражаться в разных формах — фашизме и коммунизме, которые описывает автор, в межличностных коммуникациях, в государственной власти и власти массовых институтов.

Ортега-и-Гассет исследует дискурс власти как практику массовизации. Процесс массовизации порождает, во-первых, практики

несвободы, несмотря на бесконечный рост возможностей человека. Вследствие неспособности представить себя субъектом действия, человек не может распорядиться ими. Это порождает образование новых мифов, замещающих представления о необходимости и долге совершения усилия — например, культ молодежи, которые априорно не имеют обязанности (не обязательно перед обществом, а перед самими собой), но имеют права. «Молодость как таковую освободили от тяжести свершений». Молодежь имеет безграничные возможности — подобная идеологема не дает повода совершать усилие по деконструкции окружающего дискурса власти. Собственно, Ортега-и-Гассет отмечает рост подобных мифологем как некоторую тенденцию роста манипуляций и шантажа, которыми пользуются все образования современности, имеющие тенденцию к власти.

Гуманитарная антропология как теория свободы

Но в работах Ортеги-и-Гассета, равно как и в работах экзистенциалистов, Ю. Хабермаса, К. Поппера, Р. Барта и других философов не только фиксировалась современная антропологическая «данность», но и способы преодоления ситуации тотального дискурса власти. Современный человек, несмотря на повсеместно окружающий его поток агональных коммуникаций, желающих указать действительные и должные способы организации жизни и мышления, имеет шанс выхода из идеологии равенства.

Ортега-и-Гассет рассматривал антропологический феномен «восстания масс» прежде всего как массовую практику отказа и ухода от свободы. Если раньше практики свободы как некоторые опыты трансценденции совершались по отношению к Богу как знаку трансцендентного, то современная ситуация кризиса европейской культуры связана именно с проблематизацией этой вертикали. Ситуация современного человека связана со сложностью определения содержания знака этой вертикали, он так или иначе должен совершать усилие по реконструкции собственных пределов, рамок, границ. Таким образом, кризис связан с тем, что современный мир отменил понятие Бога как заданной границы бытия, картины мира. Современный человек оказывается перед проблемой реконструкции версии о мире и собственном назначении. Практика «определения» связана именно с поиском собственных версий интерпретации и организации жизненного пространства.

Практики же реконструкции связаны с усилием отдаления и отделения себя от «нерасщепляющегося кома человеческих тел», как указывает М.К. Мамардашвили, с практиками рефлексии и деконструкции. Деконструкция — способность помыслить себя другим (в отличие от неспособности массового

человека). М.К. Мамардашвили называет феномен сознания «сознанием иного».

Соответственно, практика деконструкции означает способность отделения себя от тотальной власти языка и дискурса власти. В антропологии появляется понятие истории человека как истории переобозначения, переформатирования и организации множества реальностей, в которых он пребывает. И это необходимое условие, как отмечает К. Поппер, для существования человека в современном, открытом обществе — там, где не заданы объективные нормы и правила, физические и исторические границы, где стало возможно одновременно принадлежать к разным мирам. Человек выступает субъектом установления собственной идентичности, субъектом отнесения себя к той или иной реальности. Возможность интерпретации и, как следствие, субъективации, не являются массовыми практиками, поскольку связаны с практиками отказа от предыдущих представлений, с практиками «рефлексивного оборачивания» субъекта на самого себя (современные же мифы о личности, «праве на собственное мнение» и пр. не принимают во внимание то обстоятельство, что «собственное мнение» как способность к интерпретации есть также одна из форм субъективации со всеми вытекающими выводами). Практики субъективации есть практики постоянного «заново рождения», отказа от себя-прежнего, поэтому связаны, прежде всего, с волей и усилием. Ортега-и-Гассет во введении к своей книге говорит о том, что современные практики свободы есть осуждение и приговор, поскольку связаны с волей «вечно решать, кем ты станешь в этом мире».

Таким образом, современные практики свободы связаны с возможностью управления и структурирования реальности, установлением авторских версий о «связях родства» и принадлежности к явлениям реальности. Установление связей упорядоченности между разноуровневыми и разнокачественными явлениями мира не есть процесс «связывания» и указания на идентичность как отождествление, а указание на родственность и возможные корни собственной истории. Процесс структуризации пространств истории и современности является попыткой определения собственных границ, возможных совпадений и соотнесенности с тобой-настоящим. Таким образом, процесс установления связей есть, опять же, процесс автономизации и отделения.

Современное знание о возможностях и практиках самоопределения оформлено в новый тип антропологии — гуманитарная антропология.

Данная сфера связана с развитием идеологии самоопределения и практик свободы на территории современной России. Неудивительно, что подобный тип знания получил свое развитие именно в социальных и культурных сферах постсоветского времени, в которых процессы переформатирования и переорганизации только запускаются. Коллизия постсоветского времени связана именно с поиском и обретением новой идентичности, поиском альтернатив тоталитарному дискурсу. Гуманитарная антропология связана с обоснованием и институализацией практик самоопределения как попыткой преодоления процессов массовизации.

Идеология самоопределения — прежде всего идеология интерпретации и возможности управления социальными, культурными и экзистенциальными контекстами жизни человека. Базовыми человеческими характеристиками выступают способность интерпретации и мышления, целеполагание и социо-культурная персонификация, способность организации, самоорганизации и организации знаниевых систем. Современный человек, таким образом, выступает субъектом организации собственного мышления, образования, социальной практики и т. д.

Гуманитарная антропология масс-медиа

Таким образом, современную историю антропологии можно интерпретировать, исходя из понимания современности как времени массовизации и распространенности дискурса власти, который принадлежит уже не только государственным, но и социальным институтам и т. д. Мы вновь фиксируем происхождение и обоснование тех теорий, которые являются сегодня повсеместной практикой — уже ни для кого не секрет, что «телевидение работает с массовым сознанием», термины «общество потребления» и «постмодернизм», первоначально существовавшие лишь в философских работах, перекочевали в повсеместный обиход и, в силу распространенности, приобрели негативный оттенок. Но мода слов не умаляет их сущности и не указывает на них как на некоторые «пережитки», поскольку большинство социальных институтов работают в парадигме массовизации — на это указывает, к примеру, У. Эко, фиксирующий переход СМИ к «идеологии зрелищности»; указывают традиционные институты образования и кадровые программы, мода на профессии, явления современной поп-культуры.

В этом смысле нас интересуют изменения относительно дискурса власти, произошедшие и происходящие на территории России-Сибири. Социальные трансформации последних 10—15 лет знаменовали для масс-медиа и всего общества в целом избавления от тотального дискурса власти, основным «собственником» которого было государство. То, что произошло в Европе в 40—50-х гг., мы пережили лишь в конце 80-х. Государством была образована ниша в построении идеологии, возможно, основанной не на установке к тотальной власти.

Какие процессы зафиксированы в масс-медиа как одном из институтов власти? В книге «Масс-медиа второй республики» И. Засурский фиксирует несколько процессов, одновременно происходящих в СМИ 90-х гг. XX в.:

- полная дезорганизация и «уход со сцены» многих изданий, бывших успешными ранее;
- переорганизация бывших советских изданий в массовые (в интересах сохранения сокрушительно падающих тиражей);
- появление у масс-медиа «новых хозяев» — различных финансовых, политических субъектов-персон.

И. Засурским выделены такие периоды в «становлении Системы российских СМИ» как «время политического противостояния и первых экономических трудностей СМИ (1992—1993), затем временная политическая стабилизация, характеризующаяся оттоком политизированного капитала и бурным развитием коммерческой прессы (с 1994 по середину 1995 года), и, наконец (с середины 1995 по середину 1996 года), — активизация политизированного капитала и формирование пропагандистской системы перед президентскими выборами 1996 года» и т. д.

Институт СМИ оказался ввергнут в водоворот неизвестных доселе «рыночных отношений», реальной проблемой выживания в постоянно изменяющихся условиях. Соответственно, наиболее удобным и очевидным выходом из ситуации было либо расширение круга читателей, либо поиск субъектов финансирования, заинтересованных в приобретении «рупора», либо переход в статус элитарного издания с элитарным в данной ситуации содержанием и гарантированной (пусть не массовой) аудиторией. Большинство СМИ выбирают первые два пути. А.А. Грабельников в работе «Журналистика на рубеже тысячелетий» приводит данные обширного и тщательного анализа появления и роста количества всевозможных коммерческих изданий, желтой прессы, нейтральных обещественно-политических изданий (распространенных в регионах) и пр. Каждое издание осуществляет поиск своей ниши, аудитории.

Каким знаком это является для антропологических практик? Данные процессы, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в 90-х гг. произошел лишь процесс «передачи эстафеты» от государства к другим субъектам власти. Институт СМИ в России, равно как и в Европе 60—70 гг. перешел к «идеологии зрелищности», следовательно, идеологии масс. Аудитория определяет содержание статей, публикаций, формат газет и пр., так же, как раньше это определяло государство. В этом смысле действует теория взаимного согласия: масс-медиа не могут отказаться от идеологии зрелищности вследствие шаткости рыночной стабильности, и поэтому формируют представления о современности не выше и не больше, чем было «заказано»,

не порождая, тем самым, ситуацию другого заказа. Сегодня эпоха А. Вебера и Ортега-и-Гассета получила свое продолжение и закрепление в виде формирования новой системы управления над современными антропологическими практиками.

* * *

Как изменяется представление о качестве и стратегиях действия социальных институтов, если начинать их мыслить как институты Человека или институты гуманитарной антропологии?

Согласно К. Попперу, именно в идеологии самоопределения возможно построение открытого общества. При этом он указывал на такие антропологические качества человека, живущего в открытом обществе, как критицизм и индивидуализм. Общество, таким образом, может называться открытым только тогда, когда его составляют субъекты — собственного мнения и действий). В сходном ключе звучит работа Ю. Хабермаса «Демократия, разум, нравственность». По его мнению, институты демократического общества должны представлять и организовывать публичную сферу — сферу дискуссий и интерпретаций образа будущего, и являться субъектами образования мнений и воли. Также он проводит разграничения двух типов власти — тоталитарной и рождающейся в процессе коммуникации: «Мы можем различить власть, рождающуюся в процессе коммуникации, и административно применяемую власть. В деятельности политической общественности встречаются и перекрещиваются два противоположных процесса: с одной стороны, коммуникативное формирование легитимной власти, которая рождается в свободном от всякой репрессивности процессе коммуникации политической общественности, а с другой — такое обеспечение легитимности через политическую систему, с помощью которой административная власть пытается управлять политическими коммуникациями». Таким образом, Хабермас указывает возможные механизмы смещения, выражаясь языком Р. Барта, дискурса власти за счет построения таких социальных институтов, которые действовали бы в рамках принципа возможности интерпретации, возможности образования множества версий по отношению к тексту.

Сегодня идеология самоопределения разворачивается на материале различных социальных феноменов постсоветского пространства — в виде появления альтернативных программ и форм педагогики, искусства, регионального управления, и пр. Таким образом, на территории России сегодня осуществляются попытки переформатирования — задания иных антропологических, культурных и социальных координат, обеспечивающих возможность осуществления жизни современного человека. И это, так или иначе, процесс работы

над семиотическим пространством, попытка построения другого языка рассуждения о должных базовых категориях и процессах современной жизни.

Если говорить с этой точки зрения о процессах, происходящих в масс-медиа, то можно, опять же, упомянуть И. Засурского, который отмечал неудавшийся опыт СМИ в построении практик публичной сферы: «Конечно, по сравнению с советской системой пропаганды новая российская система СМИ отличается разнообразием точек зрения, в основе которого — конфликт интересов владельцев масс-медиа, однако «публичной сферы», в которой общество могло бы определить свое будущее через открытое и рациональное обсуждение различных проблем, как не было, так и нет. Напротив — тот, кто хочет восстановить ход событий по сообщениям прессы или ТВ, должен снова учиться читать между строк».

Таким образом, мы можем констатировать, что институт масс-медиа находится в «догоняющий» ситуации по отношению к современным антропологическим процессам. Ситуация в СМИ, конечно, несколько иная, чем с других сферах — здесь невозможно построение единой программы, как это происходит в педагогике, здесь невозможна гарантия бюджета и пр. Другой вопрос, что масс-медиа, вне зависимости от их соответствия или несоответствия антропологическим процессам, являются институтом фиксации и выращивания этой антропологии. Соответственно, их, скажем, неустойчивое финансовое положение нисколько не влияет на снижение участия в социальных и культурных процессах. И подача, интерпретация проектов и событий, действующая в другой, не традиционной парадигме, также оказывается зависящей от них. Поэтому вопрос об участии СМИ в процессах гуманитарного развития территорий России является острейшим вопросом для проектов в разных сферах, которые оказываются в ситуации зависимости от масс-медиа, их компетенции и способности качественного анализа. Собственно, сами модели освещения и продвижения этих проектов в СМИ оказываются проблематичными и неразработанными. Для того, чтобы адекватно освещать альтернативные проекты и события, нужны другие форматы, поскольку, например, невозможно освещать процессы гуманитарного развития в рамках агональной риторики и т. п.

Таким образом, проекты и процессы в области гуманитарной антропологии требуют новых форм работы с материалом, более детального изучения и проработки со стороны масс-медиа. Нам кажется, что ситуация начала XXI в. в сфере масс-медиа, в отличие от эпохи «социального перехода» 90-х гг., может быть охарактеризована с точки зрения «культурного перехода» — инициации и запуска гуманитарных проектов, разработке новых моделей и методик в работе современных СМИ, релевантных современным социальным и культурно-антропологическим процессам.

Литература

1. Барт Р. Лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Колледж де Франс 7 января 1977г. // www.philosophy.ru
2. Генисаретский О.И. Гуманитарные стратегии и практики. См. настоящий сборник.
3. Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии. www.philosophy.ru
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1994.
5. Хабермас Ю. Демократия, Разум, Нравственность. М., 1995.
6. Эко У. Пять эссе на темы этики. М., 2000.

Аркадий Цукер

КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ЭКСПЕРТИЗА КАК НОВЫЕ ТИПЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО БИЗНЕСА

Итак, предлагаю размышления, о том кто же такой эксперт и консультант с точки зрения нового поколения профессий и бизнеса. Попытаемся проникнуть во внутреннюю жизнь этих позиций. Вначале — несколько определений, может быть достаточно парадоксальных на первый взгляд. Консультант — это человек науки, но не ученный, потому что ученный добывает истины, консультант же не занимается, а скорее сотрудничает с истиной; он занимается совершенно другим. Консультант — это человек культуры, но не культурный критик, хотя в каком-то смысле искусствовед, потому что он относится к объектам
своего консультирования как к произведению искусства. Консультант, наконец, самое парадоксальное определение, консультант — это практик, не имеющий собственной практики, или практик, не имеющий своего дела, и в этом смысле консультирование никогда не является делом консультанта. И это принципиально. Консультант выходит за рамки типичного представления о профессии — делом консультанта является не его родное дело, не консультирование, а всегда лишь чужое или другое, не свое дело. И в этом смысле только тогда он консультант. Консультирование как раз и состоит в отказе консультанта от консультирования как собственного дела. И обратно, не успешность многих консультационных проектов в том, что они пытаются, занимаемся консультированием как делом.

Давайте посмотрим, что же делает консультирование и почему оно возникает. На самом деле консультирование совершает револю-

цию в такой науке или такой сфере деятельности, как управление. Почему? Потому что, управление в своем традиционном классическом варианте есть целостная схема или механизм перехода от задачи или цели через анализ ситуации к организации действия. Управленец, по аксиоме, это всегда тот, кто удерживает полностью всю деятельностную целостность. Но что же за ситуация возникает в точке разрыва этой целостности, когда управленец не может эффективно управлять, держа свою целостность, когда ему необходимо столкновение с некоторыми другими целостностями по поводу его же дела, когда ему нужно внешнее зеркало самого себя. Когда он призывает к себе авторитетного для себя другого, когда говорит ему: «Слушай, тебе там со стороны виднее. Посмотри. Ты же это тоже делал».

Возникает ситуация внешней оценки. Здесь еще нет консультанта. Здесь появляется эксперт. В середине XX в. появляется новая интеллектуальная услуга — экспертиза, независимая внешняя оценка бизнеса. Или будем говорить еще проще, внешняя оценка деятельности управления. Кто оценивает? Специалист, который тоже управляет подобным же делом, и поэтому может оценить, и говорить: «Слушай, а у меня было не совсем так» Такая экспертиза, такая внешняя оценка позволяет управленцу открыть для себя новые горизонты. В ситуации экспертизы управление впервые выталкивается на рынок услуг, в качестве клиента и заказчика, оно становится в эту позицию и просит его обслужить. «Обслужите меня! Оцените, какое я там, снаружи. Как я вообще выгляжу? Насколько я эффективно», — говорит управление и призывает экспертов, платит за это деньги. А дальше возникает мировой соблазн — движения дальше от экспертной позиции. Почему? Вот смотрите, когда я эксперт, и я вижу, что ты делаешь не так, ну, или, говоря интеллигентно, не совсем так то дальше что мне хочется сделать? Подсказать. И в этом смысле я начинаю пытаться занимать позицию консультанта. Позицию подсказчика. «Слушай, тебе, если еще вот это сделать, вообще все хорошо будет». И у управленцев тоже соответственно возникает спрос на новую услугу. Если у того, кого я позвал экспертом дело идет успешнее, чем у меня, то, что надо сделать? Спросить у него совета. «Слушай, подскажи» И вот здесь возникает очень интересный момент. Соблазн консультирования как новой услуги начинает приводить к краху управления, которое просило себя проконсультировать. Почему? Да, по той простой причине, что эксперт практик никогда не может перенести свой опыт на другую практику. Опыт, не нам гуманитариям это говорить, всегда уникален и не повторим. Поэтому если еще возможно экспертно оценить другой опыт, то вонзить свой опыт в другой без искажения последнего практически не реально.

Еще момент. Экспертом может быть теоретик, который начитался или научился, наразрабатывался всяких разных теорий: менедж-

мента, маркетинга и так далее, и он говорит: «С точки зрения менеджмента вам нужно применять вот такую-то стратегию». Но понятно, что не одна теория напрямую не может накладываться на реальность. И здесь каждый раз необходима совершенно особая процедура, даже не конкретизации, а переведения теоретического знания, онтологического знания, в знание действенное. Подчеркну даже не в деятельностное, не в нормативное, а именно в действенное знание. Поскольку вся важность и глубина этой операции сначала не осознается, то консультирование начинает испытывать огромный кризис. Кстати говоря, в этом кризисе находится сегодня 90 % консалтинговых фирм в России. Теряется сама суть консультантской работы. Консультирование попросту превращается здесь в некоторое жонглирование Западными технологиями, демонстрациями блестящих штудий учебников и знания опыта. Тонкого и детального вживания в ситуацию в данных случаях, как правило, не происходит. Таких консультантов, есть такое выражение, «второй раз не приглашают».

Правда с другой стороны есть еще одна проблема консультирования, совершенно иная, а именно: проблема консалтинговой наркомании. Это же очень легко для управленца передать ответственность в руки консультанта и отказаться тем самым от своего управленческого интеллекта. В этом смысле развитие практики консультирования как новой услуги грозит двумя опасностями. С одной стороны, это резкое сворачивание бизнеса, ввиду не точности или не корректности, не профессиональности консультационных действий. А с другой стороны, резкое сворачивание интеллекта в управлении, в связи с выходом консалтинга за пределы своих профессиональных границ, поскольку интеллект, как база управленческой ответственности, если он передается, от управленца другому субъекту, то он теряется. Теряется потому, что консультант априори управлять не может, управлять можно только своим, а консультант, всегда чужой, он всегда вне ситуации.

Мой основной тезис состоит в том, что консультирование в отличие от экспертизы не возможно как услуга. Оно не может существовать на рынке услуг. В качестве услуг на рынке могут существовать образование, экспертиза, медицина, консультирование же услугой не является. Но тогда вопрос. А чем же является консультирование?

Вот здесь говорю намеком. Моя гипотеза состоит в том, что эффективное и экономически взаимовыгодное профессиональное консультирование есть всегда отношение партнерства. Консультируют не из позиции, где я исполнитель и у меня есть заказчик или клиент, консультирование эффективно только тогда, когда я как консультант становлюсь партнером управленца, равно разделяя с ним его управленческую ответственность. И в этом смысле я становлюсь эффективным консультантом, когда я также как и управ-

ленец вживаюсь в его бизнес. Вот почему «чужое» становится содержанием моей деятельности. И этот механизм вживания в чужой бизнес, партнерское и в тоже время внешнее вживание и является основой эффективного консультирования. Это основной момент.

Консультирование с этой точки зрения есть высший тип профессиональной ответственности. Потому что это не просто прийти и сказать: «Вы знаете, с точки зрения менеджмента у вас здесь неправильное штатное расписание». Это какая позиция? Экспертная. А вот позиция консультанта: я берусь стать твоим партнером, и в месте с тобой довести это штатное расписание до ума, причем сделать его таким, чтобы получить от него максимальную экономическую и социальную выгоду. Чувствуете разницу.

А теперь, второй тезис. Он заключается в следующем: такое понимание консультирования ведет к формированию нового типа мышления и нового типа личности профессионала.

Попробую теперь это обосновать, и нарисую некоторую предысторию. Я попробую это проиллюстрировать на концепте принадлежности, или нахождением человека своего «Я» в профессии. Помните марксовскую концепцию пролетария, то есть человек отчужденный от результата и смысла своего труда. Это человек, у которого нет «Я» в его профессии, то есть это человек отдавший свое «Я» другому. В его труде его «Я» нет. Он трудится не потому, что он хочет делать именно это, а потому, что интересы у него совсем иные, «Я» его хочет совсем другого, но ему для этого нужны деньги, поэтому он заработает деньги, а вот потом после труда «Я» встретится с я. Поэтому первая эпоха, эпоха пролетария — это эпоха тотального профессионального НЕ Я.

Вторая ситуация обозначенная и осознанная Максом Вебером, эпоха предпринимателя, эпоха хозяина. Именно в предпринимательстве человек обретает в профессии свое «Я», то есть предпринимательство — это обретение «Я» в профессии. Здесь же, кстати говоря, можно выделить еще один тип предпринимательства. Человек предприимчивый — это не только экономически, это не только бизнесмен, но это ведь еще и творец, человек, который творит, и для него создание конкретной действительности: картины, песни, музыки, стиха — является воплощением, реализацией «Я». Это является его предприятием, или нашим языком говоря — проектом. Если я инициирую, если я есть автор проекта, то я в труде обретаю «Я». И поэтому ситуация предприимчивости — это ситуация обретения «Я».

Следующая ситуация, ситуация эксперта. Смотрите, я не только предприниматель, но меня еще зовут на другие территории и платят деньги, чтобы я оценил другие проекты, потому что я успешный предприниматель, я успешный творец. Меня как художника приглашают возглавить жюри на выставке — это тоже уже экспертная по-

зиция**.** И эту историю в нашей терминологии мы назовем историей или ситуацией расширения я, то есть я не только обрел «Я», но и расширяю его на новые территории. Что значит расширяю? Эксперт вправе сказать: «С моей точки зрения...». Он может не только к своим собственным предметам, к своей собственной деятельности относиться со своей точки зрения, но как эксперту ему дано право это «Я» расширить на другие объекты. Он говорит: «С моей точки зрения, тут у вас все не очень» или «А вот это, с моей точки зрения великолепно». Итак, эпоха расширения.

Следующая ситуация, ситуация консультанта. А с консультантом- то, что происходит? Что возникает у консультанта? С точки зрения «Я». Вот здесь обратите внимание, возникает новый тип мышления. Консультант — это человек, обретающий «Не Я». Это человек, умеющий жить собой, сам собой. Умеющий себя переносить на другие территории. Но это еще и человек, умеющий жить не собой, умеющий жить Другим. Умеющий жить, здесь очень осторожно, жить не другим «Я», речь не идет об идентификации, а умеющий жить между «Я». Умеющий жить в «Не Я». Обретающий пространство «Не Я», и присоединяя его к пространству «Я». Смотрите. Когда я говорю «обретение «Не Я», я ведь не говорю расставание с «Я». И в этом смысле у консультанта есть «Я», но никакого отношения к консультированию «Я» консультанта не имеет. Оно сохраняется. Его «Я», смысл жизни его «Я» заключается в расширении собственного «Я» и в его видоизменении. В этом смысле ориентировочно можно сказать так, одним из основных инструментов жизни консультанта или работы консультанта есть это самое феноменологическое, герменевтическое вживание в инотекст, но при этом инотекстом здесь будет являться иной, не мой проект. В этом смысле позиция герменевта наиболее близка к тому, о чем я говорю, но только она касается не истории, она касается проектирования. Обретение.

«Не Я», или консультирование есть во многом перенесение герменевтических практик из прошлого в настоящее и будущее. Но дальше я оставляю пространство для философов, методологов, психологов, культурологов, для осмысления следствий ближайших и отдаленных данного типа мыслительной стратеги и данного типа практик.

Андрей Зоткин

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПОКОЛЕНИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Сегодня многие стали говорить о профессионализме и актуальности проблем профессионального развития. Ведутся исследования, защищаются диссертации, придумываются и проводятся в жизнь проекты, где центральное место занимает вопрос профессионального развития. Всю массу сложившихся представлений, стереотипов о профессионализме и профессиональном развитии можно сгруппировать следующим образом:

- *«Профессиография»*. Основная идея разработчиков заключается в том, что надо обосновать нормы профессиональной деятельности (которые, в свою очередь, сводятся в лучшем случае к знаниям и навыкам, а в худшем — к качествам личности), и обучить им будущих специалистов.
- *«Структурно-функциональные исследования»*. Эту группу представляют, как правило, исследователи — психологи, педагоги, социологи. Они исследуют структуры и функциональное содержание деятельности в рамках какой-либо профессии, на их основе разрабатываются модели профессиональных качеств, способностей, компетенций и прочие единицы-характеристики функционального содержания деятельности, ее структуры.
- *«Креативная природа труда»*. Представители этой группы убеждены, что деятельность становится тогда профессиональной, когда в ней проявляется творчество. Ведутся попытки найти творческий характер в самой природе профессионального труда.
- *«Личностно-ориентированный подход»*. Исследователи и представляющие эту группу, выражают заботу о развитии личности, личностном росте, как важном условии профессионального развития.
- *«Стадии»*. Группу исследований, изучающих стадии, представляют работы, в которых основной акцент ставится на определении и описании стадий (этапов) профессионального развития. Как правило, они фундируются на возрастной психологии или нормативных квалификационных категориях, которые поэтапно должен пройти человек.
- *«Акмеология»*. Эту группу представляют гуманисты. Они предполагают, что каждый человек изначально стремится к

высоким результатам деятельности и важно обозначить образы (образцы), к которым необходимо двигаться.
- *«Институты»*. Разработки, представляемые в данной группе, представляют профессиональное развитие распределенным по отдельным профессиональным институтам.

Однако, несмотря на то, что сегодня существуют многочисленные исследования и огромное количество работ по данному вопросу, проблема профессионализма остается не решенной. Почему? Меня учили так — дело в подходе. Так вот, с точки зрения подхода мне бы хотелось зафиксировать следующие границы обозначенных выше направлений исследования.

Во-первых, здесь деятельность индивида рассматривается отдельно и как отдельная, а обобщение выводится простой суммой, или, выражаясь словами Р. Будона, «агрегированием действий разных индивидов» [1]. Устоявшиеся представления о профессиональном развитии как развитии индивида не дает нам возможности вычленить понятие «профессиональное поколение», которое, как нам кажется, очень важно для гуманитарной трактовки процессов профессионального развития. Трактовка профессионального развития как развития отдельного индивида предполагает объектное, естественнонаучное представление о профессиональном развитии. Гуманитарная трактовка предполагает возможность выхода на механизмы движения человека в профессии.

Распространенный взгляд на профессию как на занятие индивида, вид деятельности обусловлен, с одной стороны, социально-экономической, а с другой — социально-психологической постановкой вопроса, когда в основу понимания социальных и экономических процессов бралась сумма опосредованных характеристик действий индивида. Опосредованные характеристики (определенные переменные, в образовании, например, успеваемость — оценки по предметам) давали возможность избежать субъективизма и говорить об объективных показателях. Суммарность позволяла соблюдать основной принцип научности — всеобщность. При этом принцип всеобщего проецировался на действия индивида. С развитием психологии, которая была призвана объяснить психические явления человека как индивида, в связи с возникновением методологии агрегирования единичных характеристик во всеобщую, деятельность человека стала объясняться как деятельность индивида, то есть как отдельного человека. Этими всеобщими методологическими проблемами науки объясняется тот факт, что онтология профессии строилась на трактовке профессии как единичной профессиональной деятельности.

Во-вторых, профессиональное развитие рассматривается в узко-практическом аспекте в рамках отдельной сложившейся практики. И в этом смысле, мы еще не реализовали в полной мере принципы теоретического постижения К. Маркса, который говорил, что критерий

истины — общественно-историческая практика. И, как указывал,в свое время Г.П. Щедровицкий, «Общественно-историческая практика — это не практика в вашем университете (или в нескольких университетах, дополняю я)… Частная практика ничего не определяет» [2]. Деятельность по своей природе культурна и исторична, хотя и воспроизводится в частных ситуациях [3].

Складывание новой научной парадигмы, в основу которой стали браться не естественнонаучные, а иные типы методологических посылок, позволяет обсуждать иной взгляд на профессию. Общим местом пересечения этих методологических посылок является то, что в них предпринимается попытка понять возможность управляемости. К этому ряду мы относим методологию К. Маркса, в основе которой лежит категория «практика», методологию М. Вебера, в основу лежит понятие «социальное действие», методологию Л.С. Выготского, создавшего новую онтологию развития, методологию Г.П. Щедровицкого, разработавшего онтологию деятельности, философию М.К. Мамардашивли, развивающего онтологию связи сознания и деятельности. Этот перечень не является безупречным. Мы отмечаем лишь только те точки, которые для нас являются опорными в понимании профессии не столько как единичной трудовой деятельности, сколько как *культурно-исторической деятельности и как социального института.*

Для обоснования такой трактовки я хотел обратиться к методологическому анализу выступлений М. Вебера «Наука как профессия и призвание», «Политика как профессия и призвание» [4, 644—735]. Вебер в своих выступлениях не дает развернутого ответа на вопрос о том, как он понимает профессию. Он рассуждает о науке и политике как профессиях, последовательно вычленяя ключевые моменты. Несмотря на значительный временной разрыв между выступлениями, эти ключевые моменты совпадают, что дает нам возможность утверждать не случайность совпадения, а, следовательно, о том, что эти ключевые моменты являются общими в представлении Вебера о профессии. Итак, в числе таких ключевых моментов я выделяю следующее.

1. *Миссия профессии.* Термин «миссия» выбран мной на том основании, что М. Вебер в своих выступлениях большое внимание уделяет социокультурному назначению, смыслу профессиональной деятельности. Вебер говорит, что это назначение формировалось исторически и определяет суть профессиональной деятельности. Так, миссия политики заключается в руководстве, основанном на эффективном употреблении власти [4, 645]. Миссия науки состоит не столько в росте знаний, сколько в интеллектуализации общества [4, 712—714].

2. *Особый вид деятельности.* М. Вебер рассматривает политику и науку как особые виды производства. Появление такого вида

производства, выделение деятельности как профессиональной обусловлено тем, что в этой деятельности (в данном производстве) возникает и развивается особый способ решения определенного класса социальных проблем и задач. Профессиональной становится та деятельность, в которой появляется специфический, уникальный способ решения проблемы. Например, говоря о том, чем открытие ученого отличается от открытия обычного человека, Вебер писал, что наука имеет рабочий метод, позволяющий подтвердить открытие, довести его до продукта — знания, которое затем будет воспроизводиться независимо от самого ученого [4, 709]. У политиков появляется особый метод использования власти для улучшения благосостояния народа [4, 64—660].

3. *Профессия как возможность выбора профессиональной позиции и специализации.* М. Вебер выделяет различные позиции, которые может занять в социальной практике человек, осваивающей профессию политика или ученого. Политик может быть партийным деятелем, чиновником, журналистом [4, 653]. Данные позиции способствуют специализации профессионала в какой-либо области: «только при условии строжайшей специализации возможно сделать что-либо завершенное» [4, 708].

4. *Профессия определяет требования к личности.* Согласно Веберу, процесс развития, характер, качества личности определяются не столько природными задатками, сколько нормами и смыслом профессиональной деятельности [4, 709—721].

5. *Этика профессии.* Здесь я бы хотел акцентировать внимание на том, что речь идет не о профессиональной этике (соблюдении этических принципов и норм в профессиональной деятельности), сколько об этике профессии, об этическом противоречии (конфликте), которое лежит в основе профессиональной деятельности. Так, в деятельности политика этическое противоречие составляет выбор средств для достижения цели: «какая цель должна освящать какое средство» [4, 699], что выражается в полемике о том, можно ли использовать любые средства для достижения цели. В деятельности ученого этический конфликт проявляется в самоопределении между его личными пристрастиями, корыстными интересами и собственно научными интересами [4, 720].

Таким образом, М. Вебер вычленяет не столько характеристики профессиональной деятельности как деятельности индивида, сколько характеристики социальные, показывая, что сама профессия является определенным социальным организмом, попадая в который, человек должен жить по его законам.

В современной, преимущественно западной, литературе обозначаются следующие социальные характеристики профессии [5].

Профессиональные компетенции. Понятие компетенции, в отличие от знаний и умений, включает в себя определенную социаль-

ную характеристику: человек не только знает, но и имеет способность, а так же берет социальную ответственность для решения конкретных задач.

Профессиональный статус. Это понятие связано с социальным престижем профессии и с обозначением социального места субъекта в структуре общества.

Профессиональные сообщества. Сообщества выполняют функции развития профессиональных знаний и навыков, развития самого человека, профессиональной экспертизы и контроля. Профессиональное сообщество позволяет человеку реализовать потребность в защите, принадлежности, оценке, признании, самореализации и пр. В современном мире активно развиваются различные формы жизни сообществ.

Профессиональная идентификация. Профессиональная деятельность, как и любая другая деятельность, определяет различного типа нормы, ценности, знаки отличия, символы, стили. Профессиональная деятельность накладывает отпечаток на поведение человека. Все это дает возможность вычленение признаков, по которым мы относим человека к какой-либо профессии.

Эти социальные характеристики деятельности могут быть дополнены характеристиками Деятельности. В частности, Г.П. Щедровицкий в своих работах подчеркивал связь двух модусов в рассмотрении деятельности. Деятельность как всеобщая, культурно-историческая, которая представлена нормами, эталонами, знаками, смыслами — с одной стороны, и деятельность частная, реализация субъектом в новых ситуациях культурного содержания деятельности и возможная трансформация этого культурного содержания, с другой [3]. Таким образом, подчеркиваются два ведущих процесса — воспроизводство и развитие. Такое понимание деятельности позволяет характеризовать профессию с точки зрения культурно-исторической и частной деятельности.

Социальной организованностью культурно-исторического модуса Деятельности является институт профессии. Профессия как социальный институт проявляется в следующих характеристиках:

– социальная функция профессии, воспроизводимая независимо от изменения общественной структуры;

– культурно-историческая миссия профессии;

– идеология профессии (базовые представления о целях, смысловые и ценностные структуры деятельности), которая определяется содержанием развития культуры и науки;

– способы профессиональной деятельности, которые определяются уровнем развития науки и практики, социокультурной ситуацией в целом;

– наличие институтов воспроизводства профессии (профессиональная подготовка и аттестация);

– наличие форм существования профессионального сообщества (ассоциации, конференции, семинары);

– наличие форм профессиональной экспертизы (аттестации).

Основываясь на данном положении, обозначу следующий тезис: *профессиональное развитие* как процесс характеризуется двойственно:

– во-первых, *как развитие профессии* (социального института);

– во-вторых, как движение человека в профессии (частная ситуация).

Таким образом, профессиональное развитие, по моему мнению, не сводимо к изменениям в жизни отдельного человека.

Теперь обратимся к вопросу о поколении в профессии, с точки зрения нашего представления о профессии и профессиональном развитии. Как и любая социальная структура, институт профессии имеет внутреннюю стратификацию. Основания для такой стратификации различны. Например, в средние века стратификация в профессиональных сообществах задавалась иерархической структурой должностей. Например, в мастерской: ремесленной — ученик — подмастерье — мастер. В богословии: приходской священник — аббат — епископ-архиепископ — папа. В университете: студент — бакалавр — магистр — приват-доцент — профессор. Каждый статус можно было получить только за заслуги, а так же в результате испытаний (обряда инициации). С этой целью профессиональные сообщества создавали требования — нормативные предписания, которые должен был выполнить испытуемый. В закрытых системах очень часто распространяется еще и такое основание, как возраст (унаследованный от традиционного общества — принцип возрастной стратификации [6]). Это означает, что профессиональная стратификация отождествляется с возрастной. Эту ситуацию «длят» сторонники стадиальной интерпретации профессионального развития. В советский период в организационном плане этот принцип сохранялся, например, в виде доплат к окладу по возрастным основаниям. Т. е. не эффективность деятельности, а стаж и возраст определяли уровень оплаты труда.

В открытых социальных системах, характеризующихся многообразием, высокой динамикой развития, инициативностью, нигилизмом по отношению к норме (имеются в виду абсолютизированной норме, а так же к «удержанию нормы» вопреки всему), традиционные принципы стратификации в профессии перестают работать. Возрастная стратификация также перестает работать, так как, по мнению М. Мид, и старый, и молодой, оказываются в одной ситуации — неопределенности образа действия [7]. В связи с этим профессиональная стратификация проводится по принципу профессиональных сообществ. Вхождение в профессиональное сообщество — попадание в определенную страту. Отсюда профессиональная стратификация заменяется профессиональной

сегментацией. Если стратификация предполагает иерархическую связь, то сегментация, выражаясь рыночным языком, охватом региона.

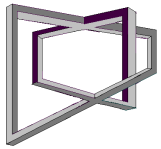
Профессиональное сообщество как сегмент института профессии предполагает принципиальное отличие в понимании базовых определений того института профессии, в который оно входит, то есть миссии, идеологии, ценностей, способов деятельности. Сообщество организует институты воспроизводства, формы коммуникации, формы экспертизы. В то же время сообщество не является статичным, оно изменяется. Изменение сообщества отражает, прежде всего, динамику смены поколений. Поколение здесь не столько возрастная страта, сколько дельта сегмента, некоторое его приращение. И в этом смысле, это приращение в идеологии, ценности, в способах деятельности и ее рефлексии.

Таким образом, поколение, на примере профессии, выходит за рамки понимания возрастных границ. Если применительно к традиционным и закрытым обществам мы можем говорить о молодом поколении и старшем поколении так, как будто мы говорим о возрастных группах (стратах), то в открытых социальных системах, уже как о поколениях смыслов и способов, идеальных форм деятельности. И в этом смысле, такое понимание поколения «вписывается» мной в рамку идеи развития — как смены идеальной формы.

В организационном плане такое представление дает возможность управлять профессиональным развитием социотехнически — создавать проекты организации деятельности профессиональных сообществ, создавать проекты воспроизводства профессии как воспроизводства профессиональных сообществ, создавать условия для появления нового (и в этом смысле, не просто молодого) поколения профессионалов. В этом плане реформе должны подвергаться не отдельные структуры профессионального развития — профессиональные учебные заведения, институты повышения квалификации, институты аттестации, реформе должна подвергаться вся сфера организации профессии. И в этом смысле, примечателен тот факт, что в 1980-90 гг. в США всерьез стали делать не реформу образования, а реформу педагогической профессии. Что было положено в ее основу? Изменение идеологии (индивидуальные образовательные программы) и способа деятельности [8].

Литература

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий ситуаций социального изменения. Пер. с фр. М.: Аспект-пресс, 1998. 284 с.
2. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций. М., 2000. С. 255—256.
3. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. Г.П. Щедровицкий, В. Розин, Н. Алексеев, Н. Непомнящая. М.: Касталь, 1993. С. 16—200.
4. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. Общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
5. Соловьев А.В. Социальная работа как профессия // Сибирский психологический журнал. 1996. Вып. 3. С. 63—67.
6. Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.
7. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
8. Шенкер А. Преобразования в профессии учителя в наших школах // Что должны знать учителя? Знания, умения и нравственные ценности хорошего педагога. Сб. статей под ред. Д. Дилла. Пер. с англ. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 286—312.



Раздел II
ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

ОЛЕГ ГЕНИСАРЕТСКИЙ: «СОБЫТИЯ РОССИИ — В РОДОВОМ И ЛИЧНОСТНОМ ВРЕМЕНИ»[16]

Многие из вас так или иначе занимаются коммуникацией и, наверное, вам знаком тезис, который приписывают Михаилу Бахтину о том, что содержание коммуникации определяется ее жанром. Поэтому мне очень важно сейчас выбрать правильный жанр, а вам тоже это почувствовать, и тогда все встанет на свои места. Я сейчас размышлял над тем, какой же жанр это должен быть, и мне вспомнилось, что в Москве в 20-е гг. среди многих-многих культурных инноваций был создан Институт живого слова. И я вот так мысленно представляю себя в этом Институте, и поэтому я сейчас буду рассказывать истории, сказывать некоторые сказы.

Вы также знаете вполне тривиальные для гуманитария различия между дискурсом и нарративом. Дискурс — это про рассуждающую, движущую мысль, про такое хорошо структурированное движение, но над ним всегда есть нарратив, то есть повествование или сказ. Вообще, человек, чем бы он ни занимался, например, писал самую крутую книгу по какому-нибудь самому крутому языку программирования, он все равно без слов естественного языка не обойдется. Потому что в книге будет написано: оглавление, итак, начнем с того, что определим понятия и т. д. Непременно, чтобы вы не делали, вы обязательно будете говорить на своем родном языке и только потом постепенно погружаться во что-то профессиональное и дискурсивно сложное. То есть обязательно будет присутствовать этот уровень естественного языка, уровень каких-то очевидностей, произвольностей движения — вот это все и относится к миру нарратива и сказа. И я вот тут, в воображаемом Институте живого слова, русского

[16] Авторский вечер О.И. Генисаретского, состоявшийся в Томске 1 декабря 2001 г. в рамках Антропологического Форума Поколений «Дети Декабря».

слова и буду говорить в рамках оглавления ненаписанного самим собой труда, проекта, который, Бог даст, когда-нибудь увидит свет или напишется. Будем говорить поверх. Мало того, что это коммуникация, это еще проектная коммуникация — движение слова в мире замыслов и намерений, в том числе замыслов и намерений о понимании и непонимании.

Когда я прихожу к студентам на первую лекцию, я говорю несколько вещей, одна из них такая: «Я не стремлюсь к вашему пониманию. Я буду рад, если вы меня поймете, но я к нему не стремлюсь. Мы не в «Обществе Знания» находимся, мы у меня в Институте. Поэтому мы движемся не от очевидностей, очевидностей понимания. Я не стремлюсь также к общению с вами. То есть я буду рад, если оно у нас с вами установится, но наша задача в другом: в пространстве замыслов-намерений осуществить некоторое движение, и только по мере того, как мы себя в нем почувствуем, в этом пространстве, в этом движении, как только мы с вами вступим в интерактивное отношение, то есть наши траектории пересекутся, тогда у вас произойдет понимание, а у нас общение, поскольку знания не передаются».

Вот примерно такова исходная коммуникативная установка. И я буду несколькими эпизодами рассказывать истории, что называется, из жизни. Они внутренне связаны для меня. А вы можете, я даже прошу вас об этом, после любой из них или по ходу предлагать любые вопросы про что угодно, и я готов отвечать на все без изъятия.

Помнится, когда моей младшей дочке было лет десять, я, набравшись педагогического пыла, должен был ей что-то сказать. И только я набираю воздуха, чтобы осуществить действие, она говорит: «Папа, только без фанатизма». То есть ты, конечно, делай свое дело, раз тебе положено, только вот как-то без этого. Я это очень хорошо запомнил как раз именно потому, что разной интонацией разные вещи передаваемы.

На излете застоя, лет десять, я промышлял по жизни церковным ремонтом. То есть когда в 1970 г. мне ВАК отказал в присуждении ученой степени кандидата философских наук за нарушение ленинского принципа партийности, не объяснив, правда, что это такое, пришлось жить где-то там на периферии. В Академии, в гуманитарные институты нас не пускали, поэтому очень экзотические были места работы, в том числе, и церковный ремонт. И, по счастью, нам попался совершенно гениальный бригадир. Его даже бригадиром трудно назвать, такой настоящий самородок. Видел он одним глазом на одну четверть, и именно поэтому мог за 40 минут залезть на любую колокольню. Он окончил два класса (война была), но был очень любознательный. Шел он как-то по Москве и купил по случаю собрание сочинений историка Соловьева, целиком. Интересно ему было.

Вот он читает, а мы ждем, что, мол, с ним произойдет после этого. Прочел. Сначала ходит, молчит загадочно. Мы его спрашиваем: «Коллега, ну и мораль-то какая?» Он так приосанился и говорит: «Мордва себя не оправдала». Понятно, что он имел в виду патриарха Никона, который привел страну к расколу и т. д. Вот такое странное суждение.

Ну а теперь вернемся к нашим баранам, как любил говорить Георгий Петрович Щедровицкий. Все-таки все, что происходило, происходило в стенах академически-университетских. И надо в связи с этим припомнить, что были в университете XII в. (а на самом деле, я думаю, и раньше, просто античность об этом нам мало чего оставила) свои фундаментальные права. Университет и начался, собственно, юридически, с правосознания. Итак, три фундаментальных гуманитарных права, которые относятся не только к Университету, но и к Школе вообще. Первое — это право учить тому, чему каждый считает должным. У каждой корпорации это право различно, вот и у нашей профессорской корпорации оно есть, зафиксировано и должно неукоснительно соблюдаться. Второе право — у вас, у корпорации учащихся. Это есть право учиться тому, чему вы желаете. И кроме того, есть третье право — право территориальности учебного пространства. Это означает, что никакая власть — ни политическая, ни муниципальная, ни городская, ни информационная, не может выступать в качестве таковой на территории университета, поскольку внутри всякой школы, института и университета, в особенности, действует самоуправление.

Поэтому как только возникает какой-либо вопрос, например, вопрос о поколении, то он сразу позиционируется вот в этом публичном правовом пространстве в качестве самоорганизующейся сущности. Оно, например, поколение, заявляет свое право, именно право, поскольку тут нет никаких обязанностей, никто никому ничего не должен. Это как с местным самоуправлением: жители города или поселка имеют право на местное самоуправление, но они имеют право этим правом не пользоваться. Например, они могут игнорировать выборы, не ходить на них. Или они могут обратиться на вышестоящий уровень, например, к губернатору и сказать: «Надоело нам выбирать пьяниц и бездельников, назначайте нам руководителя администрации». И я думаю, что губернатор удовлетворит эту просьбу, поскольку это право, а не обязанность и не заданное положение дел. Это возможность, право в смысле возможности.

Поэтому отсюда и был мой вопрос о мандате. Не в смысле что «покажите мандат», это никакой не экзамен. Вообще, у вашей корпорации свои права, а наша корпорация в вашу корпорацию не вмешивается. Но что это значит, что вы позиционируетесь как поколение и предъявляете это через свидетельство? Внятный ответ был бы

такой: вы можете нам верить, можете не верить, но мы свидетельствуем о том, что это так. Это такая очень пристойная фигура — предъявление чего-то, свидетельство не под присягой, как судья, а по долгу совести. «Я свидетельствую, что у нас это есть, имейте в виду — у нас это есть. Мы не знаем, как оно называется, мы не можем его артикулировать концептуально, но мы знаем, что у нас это есть, и поэтому считайтесь с тем, что это есть. И мы можем, если захотим, поработаем, приложим усилия, это выразить, если оно само не выразится в творчестве» и т. д.

Прекрасно, это тоже способ самоопределения, самопредъявления. Но при этом, конечно, вы должны понимать, что так же появится другой и скажет: я свидетельствую о противоположном. Есть либеральный тип свидетельствования и есть жестко либеральный. «Я тоже поколение!», которое сядет на мотоциклы и скажет: «Солнце только для солнцевских». И это тоже свидетельствование, но только формы свидетельствования у них будут другие.

Лев Николаевич Гумилев в своей этнологии сформулировал принцип сохранения исторической судьбы: к «этому» этносу принадлежат те, кто, во-первых, себя к нему относит, и, во-вторых, имеет волю сохранять историческую судьбу. А сохранять — это значит какие-то вкладывания осуществлять, вкладывать какие-то инвестиции. Это важно: идентичности и воля к сохранению. Следующий шаг заключается в том, что это можно делать наивно, а можно рефлективно. Я считаю это манифестом гуманитарной педагогики, гуманитарного дела. Вот что сейчас надо было бы спрашивать у любого выступающего: читал ли ты о наивном и сентиментальном искусстве или не читал? Потому что вот это различие наивного и сентиментального есть различие не рефлектированного и рефлектированного, но только в мире чувств, или эмоций. Потому что есть наивная идентичность, а есть рефлективная идентичность.

Сергей Сергеевич Аверинцев написал в свое время очень замечательную статью в сборнике по исторической поэтике на тему о рефлектированном и не рефлектированном традиционализме. Все может существовать в рефлектированной и нерефлектированной форме: традиционализм, эмоции, ритуальность, идентичности, гендер и так далее. Рефлектированный — для рассудка, если терминологически употреблять слова, а сентиментальный — значит, прочувствованный, чувственно прорефлектированный. И поэтому, коль скоро все имеет свою рефлективную форму, то есть существует с сознаванием и с произволением, то тогда все зависит не столько от воли, в смысле нахрапа, а от самообраза. Поскольку личностная рефлективная форма — это самообраз, то есть то, в каком образе я это делаю.

Вот тут мы уже к чему-то гораздо более тонкому подходим, потому что личность — это вообще фундаментальное противопоставление, самое важное различение нашего поместного, гуманитарного и вообще духовного умозрения. Это различие церкви и рода, если уж вспоминать какие-то теологемы. Символ Троицы нам говорит о том, что наш дух имеет три лица, но един по природе. Это говорит о том, что лицо и природу нельзя смешивать. Личное, личностное, то, что самовыражается через свободу — свободу воли, свободу сознания — это одно. А все, что касается природы человеческой — это другое. И природа, она дискретна, она дискретна исторически, меняется в схематизме сознания и воли. И само сознание и сама воля, согласно определению Колхидонского Собора, принадлежат Природе. И это очень важно понять, что сознание и все, что с ним связано, в том числе способность мышления, принадлежит не лицу, а Природе. А мы, как люди, являемся пользователями той природы, которую мы получили от своего рода. Быть лицом — это вопрос о том, что значит быть Человеком.

У Юнга есть одна замечательная работа, кстати, обращенная к педагогам, о непосильности личности для ребенка, школьника и современного человека. Быть личностью, быть лицом — это непосильное требование и очень не гуманное. Поэтому когда гуманитарная психология и педагогика создает школу для того, чтобы каждый из них стал лицом — это просто тоталитаризм какой-то. Требовать от человека, чтобы он стал личностью — это безумное требование. Потому что это же длинный путь тысячелетней истории. Юнг говорил, что архетипы ассимилируются и усваиваются в очень длинном масштабе времени, столетиями.

Вот, скажем, Успение Божьей Матери праведниками было зафиксировано в VII—VIII вв., когда было признано совершенно особое, ни с чем не сравнимое место Девы Марии. Она возглавила Ангельскую Иерархию. Живая, по Успению, взята на Небо, и ее предназначение — возглавлять Ангельскую Иерархию, все девять чинов. А догмат о непорочном зачатии католической церковью был принят только в десятые годы XX в. Потребовалось 1500 лет, чтобы церковь осуществила эту рецепцию, чтобы произошло осознание, чтобы этот архетип спроецировался, пронизал все мировоззрение, все сознание, чтобы это стало возможным. То есть очень долго они осваиваются. Еще более долго происходило освоение Благой Истины, Нового Завета.

Есть замечательное произведение — Словарь индоевропейских институтов Э. Бенвениста, у нас недавно переведенный, где описана история с ключевым, осевым институтом священного царя. Институт священного царя существовал за несколько тысячелетий до Нового Завета, это с самого начала письменной истории известно. На его основе потом возникли родовое священство, родовое аристократическое царство, передача всего этого по кастам, по родам. Да, мы знаем, что священство в Ветхом завете полностью было родовым занятием, привилегией отдельного сословия. Но вот неожиданно в неком тео-культуро-онтогенезе произошло странное событие. Неожиданно апостол Павел… Представьте себе, заявляется такая странная вещь (в этом-то Благая Весть и состоит). Она состоит в том, что каждый из нас, принявший крещение, является царем и священником. Потом потребовалось два тысячелетия, чтобы этот архетип, эта весть предъявлялась сначала в открытии человека во времена эпохи Возрождения, затем во времена эпохи Просвещения в формулировании прав человека. Потом в философии жизни, экзистенциализме это становится экспиринсом, опытом, и сейчас мы участвуем в тренингах личностного роста.

Я вовсе не склонен утверждать, будто Юнг считал, что Христос — это архетип самости. Рефлексивно в терминах его психологии — да, так можно сказать. Но нельзя это понимать так, что не было Богоявления, не было Пришествия Сына Божьего, а был архетип. Так может сказать юнгианец, находясь в своей гуманитарной парадигме, что, в принципе, ничего нам не говорит, ни за, ни против в становлении веры. Он просто на своем языке нечто констатирует. Он констатирует, что из этого архетипа выросло личностное самосознание современного европейского человека. А то, что мы называем личностью, — это раскрытие в европейской культуре в институциональной структуре той Благой вести, которую христианство принесло в мир. Поэтому, когда мы говорим «Европа» и имеем в виду соответствующий образ жизни и распространение его на весь мир, то это, не надо лукавить, есть автомобиль христианизации культуры и мира, что нам наши мусульманские братья очень точно фиксируют. Они говорят: «Гражданское общество, правовое государство. Вы нам под видом этих общечеловеческих ценностей навязываете то, что нашему вероисповеданию противно. Вы поэтому Библию привезли в наш Афганистан? Вообще говоря, это карается смертью».

Поэтому, действительно, дело самопроявления, культурное проявление основоположений, вероисповеданий дошло до такой грани, что дальше прикрываться гуманитарным общечеловеческим языком не удастся. Он сам развился достаточно тонко для того, чтобы через него прочитывать те вести, те мысли, которые с собой несут живые сущности под название народы и культуры. И уже понятно, что нести можно все. Есть такая шутка по поводу выражения «слушали и постановили». «Слушали: вопрос о геноциде. Постановили: геноцид в отношении всех народов и стран считать интернационализмом». Это очень точная сатирическая фиксация, потому что совсем не обязательно понимать слой общечеловеческого как непременное стирание религиозных, культурных, гендерных и прочих различий. Это с

необходимостью не следует ни из природы гражданского общества, ни из природы гражданского государства.

Короче говоря, эта личностная самоустановленность и самоустремленность, она находится в процессе самораскрытия. Ни культурогенез, ни антропогенез, ни даже теогенез не завершен. История, господа, продолжается, только обороты становятся интенсивнее ввиду этой самой глобализации, и мы находимся в определенной фазе. А фаза эта связана с тем, что то, что явилось нам под именем «прав человека» в XVIII в. в нормативной форме, как норма, как то, что надо защищать правовым образом, сейчас раскрывается в опыте, в экзистенции, и происходит процесс, который я со своей стороны называю антропологическим синтезом. То есть это складывается не в библиотеках, не в филармониях или где-то там в академиях. Это складывается внутри каждого из нас, записывается на живой основе и приводит часто к самым разным сломам, невротизациям и т. п. Все проходит по живому, на живом. Поэтому гуманитарное и стало таким знаменем во второй половине XX в., поскольку необходим другой язык, более тонкий, для промысливания, проговаривания, прогон через коммуникацию. В частности, язык должен быть достаточно прозрачным для самопроявления, для выявления самообразов.

Тот из вас, кто не чужд интересов искусствоведения знает, какой был переворот в искусствоведческом мире в XX в., когда Пикассо, не прожив и 30 лет, сменил свою манеру письма, перейдя из «голубого» периода в «розовый». Искусствоведы были обижены, поскольку они привыкли писать, что у него есть манера, и вот он в ней все время работает. И только они написали свои статьи про Пикассо, выяснили все про него, а он вдруг — «бац» и свою манеру меняет на что-то совсем другое. Вот был гнев и возмущение по этому поводу! А что произошло? Для художника сменить стиль и манеру — значит сменить самообраз, самоощущение свое поменять, то есть сыграть в другую игру или найти что-то другое.

Так же самовыражается идея непрерывного образования. Оказывается, нельзя на всю жизнь что-то один раз и навсегда узнать. Придется знания не просто добавлять, а одни выбрасывать, забывать, как-то уметь их стирать. При этом какие-то из них останутся, и ради Бога, но то место под другое.

После того, как в музеи собрали произведения со всего света, в библиотеки привезли книжки, тем, у кого письменности не было, этнографы описали культуру, появилось пространство для разнообразия. Приходишь — вот тебе плоская гравюра, вот африканская маска, а вот орнамент инков, еще что-то. И все это находится у нас в воображаемом музее, перед нашим взором. А в воображаемой библиотеке все стоит на полках. Вот я сижу, здесь у меня одна свя-

щенная книга, здесь вторая, тут Библия, тут Коран, тут Веды. Вообще говоря, книги были священные, потому закрытые, их не раскладывали. А я, который умеет читать и писать, эту почитаю, ту: «Вот смотри — противоречие!». Почему бы мне взять и не написать мое Евангелие, как Лев Николаевич Толстой, не синтезировать чего-нибудь, как Блаватская или философы и антропософы. Раз эти тексты — материал культуры, то значит это материал и для творческой работы. То есть существует не просто монологическая идентичность, а разнообразие, смена в культурном пространстве и времени.

Тут нам пришла на помощь гуманитарная психология и психотерапия со своей концепцией субличности. И, кстати говоря, у одной субличности может быть одна идентичность, у другой другая и так далее. И вообще они инсценируемы на какой-то сцене сознания, а я, как герой известной сказки Шварца, могу сказать, что гневливый я от тети по папиной линии, а нежный, наоборот, от тети по маминой. Различая в себе субличности, мы позиционируем их. Что от кого. Любимая игра американцев. Все американцы знают на несколько поколений, кто из Италии, кто из Ирландии и так далее. Такой вот этнокультурный театр внутри меня самого, такая практика, своего рода игры с аналитическим смыслами. И мы другими вопросами начинаем задаваться, например, «а что из этого следует?».

Вовлеченность человека в родовые дела. Мы знаем, что род действует в обратной перспективе. Задача рода, любого рода, состоит в том, чтобы в нем выткать святого, а потом этот святой вытащит весь род. Мы будем спасены все вместе, вкупе, если среди нас родится праведник. Итак, в обратной перспективе. Вот родился у меня в июне месяце японский внук под Вашингтоном. Я думаю, что для меня из этого следует. У моей младшей дочери родился сын, мой внук, и отец у него японец. Я по этой логике обратного времени теперь вовлечен в какой-то поток. В родовой логике произошло действие, и оно будет куда-то ввинчено, пока неизвестно куда. Потому что все эти субличностные идентичности, этно-культурные и тео-функциональные идентичности сразу помещают нас в очень сложное пространство возможностей. А это все к природе относится. Культура — это тоже особая природа, там знаки, смыслы, символы. И вот есть я со своим индивидуальным жизненным путем. Я позиционируюсь в этом пространстве, я выстраиваю свою траекторию, я должен себя в нем увидеть, как-то самоопределиться и предпринять какие-то действия. Может, вообще, скоро там самурай появится. И мне надо срочно схиму принять и что-то противопоставить в нашем родовом пространстве этому факту.

Почему это важно? Потому что сейчас стало осваиваться такое экзотическое понятие, как стратегирование, стратегическое мышление, стратегическое управление, планирование, как некий высший уровень управленческой деятельности. Вот тут как раз и выяснилось, что самое главное в этом стратегическом мире — это фантазмы, способность работать в мифопоэтическом пространстве. Вот Наполеон, насколько рациональный был человек, саблю не снимал, когда со своей Жозефиной общался. У него такая скорость мысли была, что он диктовал одновременно четырем стенографистам, и они за ним не успевали записывать. Наполеон был очень рефлективным, рациональным человеком. И тем не менее на вопрос Гете о том, что такое политика, он сказал: политика — это судьба. «Политика — это судьба». Политик такого уровня как он, который занимается стратегированием, находится в неисчислимом пространстве и времени. Он находится не в том времени работы и мысли, которое режется на часы, дни, недели, пятилетки. И не в том пространстве, которое измеряется метрами и административными округами. Наполеон как действующий политик самоопределяет себя в пространстве судьбы, то есть в неоднородном пространстве, где скорее действуют законы мифопоэтического действования, чем причинности и линейной логики. Мифопоэтическая реальность, которая для психологов есть мир фантазмов, единиц воображения, а вовсе не рассудков — вот в этом он себя позиционирует.

Почему методологи говорят о схемах и схематизмах, т. е. о том, что предшествует и чувству, и рассудку? Как писал Платон, у чувства и разума есть общий корень, этот корень — воображение. А описывается воображение символически на неких схемах и схематизмах. Поэтому, если вы про методологию, тем более, если вы про стратегию, нацеливайтесь на то, чтобы заниматься чем-то таким рубежным, как то фантазмы, мифопоэтические реальности, схематизмы.

И вообще, надо себе язык выбрать сначала адекватный. У меня был приятель, он в Духовной Академии учился и был другом Бориса Гребенщикова. Он также дружил с сыном Дж. Толкиена, и Толкиен прислал ему очередное издание о природе волшебного и чудесного — «Великие эссе о волшебной сказке». (Кроме известных романов, Толкиен еще известный филолог, кельтолог, у него масса научных работ. Но вы знаете, у Мелетинского ничего нет про Толкиена, как будто вообще этой школы не было). Я тоже с этой книжечкой встретился. Потом нахожу странную книжку — курс юнгианского психолога по Толкиену, который читался в Вест-Поинте, в Академии Генштаба США. Только представьте себе генерала Трошина, Степашина, что они сидят в Академии Генштаба, а им читают курс о Толкиене как стратегическую дисциплину. Здесь нет ничего смешного. Что такое «Властелин колец» и так далее? Это фантазии на придуманную тему, это фэнтэзи о придуманном этносе, культуре, о тонком слое взаимоотношений между разными мирами. И на этом языке написаны многие сценарии развития событий в мире, очень серьезные сценарии, потому что о том, что происходит, сначала в Карабахе, а потом в других местах, нельзя писать на языке социально-политических прогнозов. Он не про это.

Знаете, только очень наивный человек мог думать, что вот построим мы в Карабахе новый железобетонный завод или фабрику, и все этнические проблемы исчезнут. «Им просто там недодали бюджета, вот дадим еще немножко, и все будет в порядке». Не будет, это другая реальность, абсолютно другая, о ней надо думать на другом языке. И удивительно, что этим языком является не только язык гуманитарной психологии и терапии, но и эпический язык, язык волшебной сказки и так далее и тому подобное.

Я когда строил свое предыдущее выступление, отсылался к свадьбе. Это общедоступный и относительно общеизвестный слой мифопоэтического языка, на котором мы можем разговаривать. А вообще-то это надо изучать, и вполне можно об этом говорить терминологически профессионально, но это потом. Сначала должна быть некая привлекательность, созданная на уровне нарратива. Есть у нас общие сказы — можем мы рассказывать нечто на уровне события. Ну вот. Может быть, есть вопросы. Может быть, вам не этот, а вообще какой-то другой аспект интересен, ведь можно в разных жанрах о том же самом говорить.

Реплика из зала: Жанр творческого вечера.

О.Г.: Я уточнил жанр, это не творческий вечер, это выступление в Институте живого слова.

Вопрос: Олег Игоревич, скажите, пожалуйста, в чем Ваш профессиональный интерес, Ваша докторская работа какой теме посвящена?

О.Г.: Мы методологи. И я ввел в оборот методологов такой термин, как «трансфессия». Методология — это трансфессия, а не профессия, то есть это не призвание к чему-то определенному; это состояние призванности как таковое. А оно ничему не посвящено, оно посвящено самому себе. Вот и Вы призваны к чему-то, и я. Мы люди призыва, только одного или разного? Если речь идет конкретно о диссертации, то это же дело случая. В философию не пускали, пришлось в дизайн пойти. Ну, заставили, жизнь понудила заниматься технической эстетикой. Поэтому тема называлась «Гуманитарные и художественные проблемы развития проектной культуры».

Реплика: Значит, на эту тему Вам вопросы не нужно задавать.

О.Г.: Да, ради Бога, задавайте. Но это уже написано, сделано. Просто проектная культура с тех пор продвинулась достаточно да-

леко, и то, что написано мной о проектной культуре или о дизайне, сохраняет на десятую долю интерес, потому что появились другие типы проектностей — финансовая и креативно-финансовая проектность, информационная проектность, глядя на виртуальные технологии. Поэтому дизайн как то, что относится к предметной среде, сохраняет свое значение постольку, поскольку он связан с социальными вещами, с групповыми интересами, он многое проявляет. Но если заниматься дальше проектной культурой, то я бы на другом материале занимался. На психотерапии, например. В частности, самый сильный вопрос для меня — это возможны ли проекты психотехнических программ.

Можно я скажу, как я понимаю идеального педагога? Когда я учился в своем инженерно-техническом институте, у меня было два любимых учебника. Один — «Сопротивление материалов» Морозова, гениальный учебник. А второй — «Функции комплексного переменного». Но чего-то я не мог пройти. Знаете, кривая облучения идет вверх, вверх, вверх, а потом она на плато выходит. Вот я четыре раза сдавал экзамен, преподаватель меня выгонял, говорил: «Ты можешь лучше. Если хочешь, я тебе поставлю четверку, но ты можешь лучше». И снова прекрасное чтиво, изумительное читаю, ну просто красота. Но что-то внутренне, во мне, не знаю что, не пускает, не дает возможность пройти, и мне пришлось на пятый раз ограничиться четверкой. Но я убежден, что есть такой педагог или психолог, который смог бы что-то сделать такое, чтобы я сумел сдать свою сессию. Я должен сделать следующий шаг в движении, в этой предметности. Но сам я не могу, не получается. Процедуры тривиальные, типа «читаю дальше, повторяю, заучиваю, решаю задачи», все задачи решил. Ну нету шага! Наверняка возможна такая постановка дела, когда я делаю запрос какой-то системе, и какая-то команда или кто-то там, проделав со мной диагностирование или то-то еще, предложила бы, ну назовите это услугой, некий ход, который мне или группе людей позволил бы перейти на следующий шаг.

Реплика: ГОСТы, сейчас так называется образовательный стандарт.

О.Г.: Какие ГОСТы? Это же мы сами пишем, как говорил Чапаев. Фурманов спрашивает: «Василий Иванович, ты читал?». — «А зачем читать, сами пишем». Сейчас же любое можно написать. Встречаешься с депутатами, а они говорят: «Мы так наловчились в юридической технике, что можем написать любой закон». И стоит только один вопрос — а писать-то о чем будем? Какую ценность надо продвинуть? Какую ценность продвигать в образовании?

Вопрос: В какой взаимосвязи для Вас находится личность и пол?

О.Г.: Мне очень нравится феминистский лозунг, что «все люди — сестры», я его даже усилил: «все братья — сестры». Вот самость. Почему самость? Я бы так переформулировал этот вопрос: имеет ли самость пол? Но это вопрос такого же класса, как Юнг спрашивал: «А бессознательное само сны видит? Мы видим сны, когда приходим с ним в контакт, а оно? Неужели оно такое обделенное?» То же самое — имеет ли самость пол? Вы уже задали вопрос, поэтому я не могу воспользоваться своим любимым приемом. Я на лекции всегда говорю: «Поскольку известно, что полов 31, а не два, то ...» и так далее. Народ молчит, а потом занятия через два в коридоре спрашивает: «Что Вы имели ввиду, когда сказали, что полов 31?»

Это то же самое, что и про поколение. Потому что само понятие личности — очень проблематизированная вещь. А вот про пол очень мало проблематизаций. Кроме того, его теперь менять можно, очень сложным путем, но можно. Поэтому я вот на всякий случай думаю, как проблематизировать? Тридцать два — это два в пятой степени, ну один нулевой, значит, тридцать один. То есть представьте себе ситуацию, где надо размножить сущности и попытаться увидеть там какие-то движения признаков. А иначе я бы смог ответить Вам на этот вопрос, если бы мы вместе продвинули понятие пола хотя бы до такой же степени конкретности, как и понятие личности. Поскольку это не так, то сначала будет тридцать один пол, потом может и больше. А поскольку личность от природы не зависит, она будет заниматься природпользованием не двух, а тридцати одного. Поскольку она такая тотальная и целостная, то ей все равно два или тридцать два.

Вопрос: А понятие андрогенности русской религиозной философии сохранилось?

О.Г.: Это не понятие, а мифологема, к русской религиозной философии, поскольку она православная, никакого отношения не имеющая. Это мифологема греческого мифа, как известно. И до той степени, до которой миф для нас сохраняет значение, эта мифологема тоже сохраняет значение. В юнгианском контексте она уже вписана в определенные категориальные ряды. Очень классная вещь, типа того, что браки заключаются на небесах. И поскольку мы признаем, что брак — это таинство, а не институт, то его можно изучать любыми сексологическими, гендерными исследованиями, но это таинство, но это реальность несколько другая, чем те, с которыми имеет дело исследователь. И брак существует ровно до тех пор, пока это признается. Говоря на языке гуманитарном, признается как самоценность, как аксиоматическая самоценность. В этом смысле никакой «мотивации», он к определенному самообразу отсылает.

Чем дальше, тем больше люди будут делиться на «уличников» и на тех, кто склонен к домашней оседлости. Вот для вторых общение с детьми будет высшей гуманитарной ценностью. Сказано нам, что «не будете как дети — не въедете в царство небесное», значит, надо быть рядом. Еще Павел Александрович Флоренский говорил: «Я мыслитель домашний. Вот Сократ — тот мыслил на площади, на базаре. Гам, тарарам, а он ходит и мыслит. Кант холостяк, в прокуренной от сигар комнате пишет «Критику чистого разума», один как перст». «А я, — говорил Павел Александрович, — я домашний мыслитель. На кухне, среди четырех-шестерых детей. И пока я им не объясню, о чем я пишу, я ничего не публикую». Другой склад ума и души. Поэтому четвертый том его собрания сочинений — великое произведение «Соловецкие письма» — письма Флоренского детям. Ни жене, ни друзьям — детям. Где изложено все его мировидение, от того, как натуральны водоросли, до того, что такое София. Это такой склад ума, души, образ жизни.

А вся авангардная, инновационная, «рубежная» культура — она так устроена, что не предполагает существование дома, семьи, она кочевая. Когда говорят: Интернет, самолеты, мир стал такой доступный — это кочевническая точка зрения. Помните, начало ветхозаветной истории? Кто родился у Адама и Евы? Авель и Каин. Авель был земледелец, он выращивал. А Каин был скотовод и кочевник. И дальше все понятно, кто кого убил. И от кого произошли все искусства, включая градостроительные и технические. Это каинские искусства. Завет говорит об этом однозначно, что все это были потомки Каина, кочевники, которые функционально шастают по белому свету, ища места, где можно развиться. И для которых противопоказана оседлость. Так об этом думала традиция.

Вспомните Ключевского, у него описан этот феномен. Есть старцы градские, местное самоуправление, те, кто здесь вырос. А есть князья с дружинами, со стременами, которых нанимают. Такие топ-менеджеры, они охраняют, правят, осуществляют управление по найму. И в принципе контракт с ними может быть расторгнут. Но они, конечно, часто власть силой удерживают. Вот есть люди со стременем, те, которые кочуют, перемещаются, этакие глобалисты тех времен, но только на лошадях, а не на самолетах. И есть местные градские старцы, отсюда понятие физической оседлости. А Дмитрий Сергеевич Лихачев ввел термин «духовная оседлость», идентифицированный с корнями. Я не говорю, что одно лучше другого, надо ощущать, что это разные измерения чего-то одного. Примиримы ли они? Они, кажется, были примирены в фигуре священного царя, наследником которой в нашей культуре является личность. В нашей гуманитарной методологии личность — это то, что раньше называлось царственным священником.

Я занимаюсь сочинением дуанд. Есть такой жанр, такие сдвоенные суждения разрешающие мои проблемы. Этот парадокс, о котором мы сейчас говорили, разрешается такой дуандой про свободу и естественность: «свобода — это естественность движения, а естественность — это свобода покоя». Почувствуйте разницу, как говорит реклама. Естественность — это свобода покоя. Есть такой покой. Суббота, а у нас воскресенье — это день покоя. У иудеев есть девятнадцать запретов, которые запрещают иудею делать в субботу то-то и то-то. Мне очень нравится, что запрещено сновать, только там имеется ввиду ткать. Суетиться. Покой — это совершенно особый модус бытия, когда мы произносим хвалу Господу за то, что он так мудро устроил этот мир. Свобода покоя. Отпраздновали и снова за работу. Теперь другой вариант той же дуанды: «свобода — это движение лица, изменение лица, а естественность — это свобода рода». Род так же свободен, как и лицо. Как лица мы свободны что-то делать, принимать или не принимать, а род свободен как целое. Будем мы в нем, произойдет рецепция, нас туда возьмут, или мы окажемся самозванцами? Эти дуанды говорят о грани, где уже различение естественного и искусственного, свободы и естественного буквально не работает, там что-то следующее. Что? Там подлинность, совершенство, экзистенциалы другого уровня.

/Вопрос про совесть/

О.Г.: Сейчас я произнесу краткий импичмент на эту тему, и из всего этого мы сделаем политологический комментарий. Мы не доросли до самосознания, что у нас с вами к этому ученому делу есть свои классовые интересы. Мы не прослойка, у нас есть свои классовые интересы и обязанности. К этому надо подойти каким-то особым путем. Многие наверное помнят, что один из тезисов позднего марксизма звучал так: наука превращается непосредственно в производительную силу. Это сказал не ренегат Каутский или кто-нибудь еще, это сказал сам товарищ Карл Маркс. Теперь из понятной марксисткой схемы, согласно которой производственные отношения следуют за производительными силами, а надстройка — за базисом, то есть за этими силами и отношениями, как дважды два следовало, что ведущим классом современности кто должен был стать?

Реплики из зала: Ученые. Интеллигенция.

О.Г.: Ну в общем, да. Имени для этого не было, Сергей Иванович Кургинян написал манифест новой компартии с лозунгом «Когнитарии всех стран, соединяйтесь!». То есть не пролетарии, а когнитарии. Вместо того, чтобы признать, что когнитарии являются ведущей силой современности, произошло на самом деле предательство. Самое мощное предательство, которое только было в XX в. Поскольку классом-гегемоном был объявлен пролетариат, то в 29 году партии пришлось принять несколько очень сильных действий. Сначала ор-

ганизовать так называемый «процесс промпартии» для того, чтобы загнать научно-техническую интеллигенцию в «почтовые ящики» и спецгорода, чтобы она там функционально и специально работала, но никакой политической активности не проявляла. Такая своеобразная политическая кастрация мыслящего класса.

Точно в это же время происходит еще один процесс в центральном экскурсионном бюро, которое было в Академии наук и которое возглавлял знаменитый историк академик Платонов. Вы, наверное, знаете, что с 20-х годов вся страна была покрыта сетью экскурсионных станций, которые занимались этнографической, фольклорной, культурологической и всякой прочей работой, собирали статистику. Самодеятельно, в рамках экскурсионного движения, изучали страну. Страна сама себя изучала и описывала. Это была такая собственно народническая жизнь. По подозрению в немецком шпионаже академик Платонов и все движение было тоже удалено с общественной арены.

И поэтому оказалось, что есть такая прослойка, которая никаких интересов классовых в принципе не имеет. И, собственно, судьба гуманитарного дела — это возвращение назад, пусть не буквально политическое, а культурно-политическое, гуманитарно-политическое, но возвращение политического пространства того, что по русской традиции называлось интеллигенцией, будь она научно-технической или гуманитарной. Другое дело, какой формат политики подходит для этого круга гуманитарно-педагогической работы. Какой формат публичного действия в публично-правовом пространстве годится.

В том же 29 году был еще один процесс — закрытие Академии для красной профессуры. Академия была институтом очень хорошо собранным, и она не принимала к себе тех, кто, ну, никак... Надо сказать, что это право она сохранила за собой до наших дней, потому что, например, Сахарова не удалось удалить из Академии, потому что там закрытое голосование. Академия к своей чести не отдала Андрея Дмитриевича на съедение соответствующим службам. Но тем не менее, произошло перерождение, там было кое-что сломано, и появились академики Митин и Юдин, которые потом возглавляли всю идеологию. Оба красные комиссары, оба без образования, даже среднего, так сказать, потом они получили соответствующие бумажки. И вот появился феномен красной, рабоче-крестьянской профессуры. Во время Перестройки красная профессура на наших глазах мгновенно превратилась в серую, в смысле в зону серого или черного рынка. И то, что высшая школа — это зона невероятного взяточничества, коррупции и вообще каких-то хозяйственных процессов, несовместимых с природой института под названием «Университет» или «Академия», — это ни для кого не

тайна. И судьба гуманитарного дела в этом смысле — это некоторое самоочищение, и без гуманитарной политики она невозможна.

Почему я об этом снова заговорил? Вот тут мне вопрос про совесть задавали. А что представляет из себя категория «совесть» в этом мифопоэтическом пространстве? На категориальном языке можно долго и красиво выяснять, но нас же во всем опыт интересует. Почему у нас в стране были прекрасные логики и эстетики, но не было этиков, равномощных Мамардашвили, Щедровицкому или Ильенкову? Ну, что называется, время было такое, про этику по жизни не очень принято было говорить. К сожалению, ситуация не исправилась, произошло перераспределение из одного в другое. И этот феномен серой профессуры не дает особых надежд на какое-то быстрое оздоровление нации. Посему об этих марксемах и приходится говорить, о непосредственной производительной силе, о предательстве. Производительные силы — это продуктивные силы, по-немецки это тоже самое, что «творческие силы». Поэтому Маркс и считал, что художественное творчество — это всеобщий труд, это высшая форма труда. Поэтому редукция сначала к материальному производству, потом к тяжелой промышленности, а внутри нее к так называемой группе «А» — к производству чугуна и стали — это такая же интервенция долбосмыслов, как и все вышеназванное.

Короче говоря, на этой арене некоторые гуманиатарно-правовые, гуманитарно-нравственные, педагогические вопросы еще не поставлены. Присутствие гуманитарного мысли и гуманитарного дела гарантировано только тем, что мы сгоряча приняли такое международное правовое правило — примат международного права на национальным, и потому мы как бы подписались сразу под всеми Декларациями прав человека в Совете Европы, ЕС и так далее. И только сейчас мы начинаем потихонечку осознавать, в необходимость переделки чего это нас ввергает. Дело не в технологиях, которые чему-то мешают, чему-то помогают, отнюдь, а в этом гуманитарно-политическом и правовом строе современности.

Ну никак не поверит никто ни из журналистов, ни из начальства, что Пал Палыча Бородина не из зловредности толкают в Женеву. И что Пиночета и Милошевича судят не по злобе НАТО или ЦРУ, а что это мировое сообщество отстраивает новый гуманитарно-политический порядок, который основан на определенных ценностях, и что это не только политические игры, но за этим стоит человеческая реальность. В прошлом году сделан новый шаг по сравнению с Декларацией прав человека и хельсинскими документами: основные права Совета Европы теперь включают в себя такое право, как право человека на ненарушимую внутреннюю целостность, право на ненасилие. Вы говорите, что совесть — это внутренняя цельность? Да. И сегодня уже, пусть на правовом языке, но ведется рабо-

та по выявлению, по выставлению на всеобщее обозрение все более тонких антропологических сущностей.

Вопрос: Олег Игоревич, а в чем для Вас тонкость различения между сферами гуманитарного и антропологического?

О.Г.: Для меня особого различения нет: «антропос» по-гречески, «*humany*» по-латыни. Тонкость на самом деле не здесь лежит, тонкость лежит в Завете апостола Павла, что во всем надо находить различение души и духа, вот в чем тонкость. Души, то есть относящегося к природе еще, душевному человеку, то есть психологические, гуманитарно-психологические тонкости, они относятся к душевному нам, к психическим реальностям. То, что относится к психическим реальностям, и то, что относится к свободному, духовному, личностному в жизни.

Вот тут-то для нас наступает фронтир и предел, потому что если психология и терапия психическую реальность как-то концептуализировала и практик каких-то понаделала, то дальше начинается нечто, о чем мы пока говорим в смысле свободных приверженностей, самообразов и так далее. Тут еще мы не вольны, не наловчились, не оспособились в достаточной мере, чтобы это превратить в практики, в духовно-практическое, говоря языком советской психологии. Эти реальности плохо концептуализированы. А что будет дальше, это вопрос. Диалог только-только начинается. Ему всего 50 лет. Религиозно-конфессиональный диалог начался со знаменитого вопроса: «Зачем мы нужны друг другу?» Раньше религиозные стратегии строились на том, что христиане говорили «всех перекрестим», евреи — «всех пообрежем», и тогда наступит на земле благоденствие. А после Освенцима, после ГУЛАГа — «Давайте искать, зачем мы нужны друг другу». У нас общее понимание будущего, у двух богословий? Вообще все образы будущего ищут. Оно, что, одинаковое у все, или у конфуцианцев с даосами оно одно, а у мусульман другое? В глубине, архитипически разное?

Реплика из зала: В глубине — да.

О.Г.: Ну откуда Вам это известно? Неизвестно. И мне неизвестно. Мы даже не проделали еще никакой работы, не вступили в диалог, он еще не дошел до этих вопросов. Мы еще переводить не научились. Вот это вот фронтир. Здесь еще продвижение не закончено. Поставьте этот вопрос в проектном, педагогическом залоге, ну поставьте его: какие нужно построить программы развития гуманитарного образования на всех уровнях от школы до докторантуры для того, чтобы к 2017 году или к какому-то еще создать возможность диалога на тему, которая приведет к такому-то мировому состоянию. Поставьте задачу, выполните ее, и тогда, когда вы подойдете к этому моменту, мы узнаем одно и то же или разное.

Реплика из зала: Ясперс писал об этом.

О.Г.: И что? Ясперс никогда не был востоковедом, он пользовался хорошими, но переводами специалистов по Востоку. Он, Ясперс, не играет на этом рынке.

Знаете, мой учитель Георгий Петрович любил говорить: в школе и институте вас учат ответам не на ваши вопросы. Это не наш вопрос. Это не наш с вами вопрос, мы с вами не видели ни того, ни другого. Я не вжит в это искусство и не могу об этом говорить. Нет, я могу, конечно, просто я не позволяю себе этого делать**.**

Реплика из зала: Я не про искусство говорю, я про эпохи говорю. Модерн и постмодерн.

О.Г.: Я не жил ни в ту, ни в другую. У меня нет опыта, поэтому это не мой вопрос. Зачем я буду умствовать попусту?

Вопрос: Ну**,** тогда, может быть, скажете, в какой эпохе Вы живете?

О.Г.: По пристрастию или по факту?

Реплика: По факту, наверное.

О.Г.: По факту я живу в советскую эпоху. Раз у нас был социализм, у нас не было ни модернизма, ни постмодернизма. Я жил в определенном круге...

Реплика: Но Вы Деррида цитировали.

О.Г.: Ну, я цитирую, я все-таки лектор, я должен осведомленность проявлять.

Реплика: Вот это да, цитировать цитируете, а отвечать не хотите.

О.Г.: Нет, я отвечаю честно и искренне, я в этом не жил. Вот вы говорите: как поколение мы свидетельствуем... Я не могу свидетельствовать об эпохе постмодернизма, я в этом не жил. А эти ужимки и прыжки, которые кто-то делает вокруг Пелевина, ну извините, это все журналисты.

Вопрос: Олег Игоревич, а по пристрастию?

О.Г.: По пристрастию я живу в XIV веке, под Москвой, в Посаде Сергия Радонежского.

Вопрос: Сегодня, увидев Вас в первый раз, я был поражен, как легко и красиво Вы мыслите и говорите. Я, честно говоря, в восхищении. Как Вы сами сказали, в основе своей Вы получили естественно-математическое образование…

О.Г.: Да, я по первому образованию инженер-электрик.

Вопрос: И в связи с этим вопрос. Современное поколение, даже если оно реально и существует, не может так красиво мыслить и говорить. В этом смысле оно является потерянным. И в XX веке такие потерянные поколения шли одно за другим. Может быть, **и**меет не смысла его, поколение, искать?

О.Г.: Я расскажу об одной встрече. Жизнь — она отмечена встречами, да. Шесть встреч — очень коротких событий. Одна из таких

таких встреч для меня была очень важной. Это отец Станислав Добровольский, католик, францисканский монах, настоятель одного храма, очень известный в Литве человек. Между прочим, он был арестован в сороковом году, отсидел в Воркуте и оставил там о себе воспоминания. К нему туда проторенная дорожка была из России. Литва, там же хуторская система. Вот приезжаю я к нему на хутор. Там такой холм, на холме стоит костел. Отец Станислав, он что? Помимо литовского, русский, положенные классические языки, то есть аравийский, латынь, греческий. Он в Европе учился, поэтому еще французский, английский, немецкий. Рильке переводит с немецкого на свой литовский. Кроме этого, его вырезанные придорожные кресты входят в онтологию литовских крестов, составленную с самых древних веков. И еще он кует солнышки, в Литве есть такое народное дело, ковать солнышки, змейки. Ограду возвел сам, на кладбище все кресты сам сделал, григорианский хорал на органе.

Я как раз оказался у него на пасхальной неделе. Мы к нему пришли в воскресенье на службу, а он один. И представьте себе, все как положено: несет службу, играет на этом органе, поет хорал. Если в Москве хоть одну десятую его компетенций, то он уже был бы доктором наук, если по-нашему ко всему этому относиться. Я его спрашиваю: «Ну, как Вы себя чувствуете на хуторе?». Он говорит: «Ну, как, у нас такое образование было францисканское. Нас по всем субботам, воскресеньям, по всем каникулам провезли по всем столицам Европы и все, что есть, вроде бы показали. Во всех музеях мы были, все консерватории слушали и в библиотеках читали. Но ты же при этом не обязан был никем становиться. А вот после того, как ты закончил семинарию, ты и выбирай, пожалуйста: можешь идти туда, служить нестором при каком-нибудь храме или жить в городе, жениться и так далее. Хочешь служить — идешь и служишь, и вот я выбрал служение». Францисканский монах — у него обет нестяжания, это значит, что все, что ему утром принесут крестьяне, он отдаст другим, оставит себе яйцо. Сам готовит, все сам. Он чувствует себя самодостаточно на этом хуторе, и никуда рваться не надо, не надо в эти города. Вот это абсолютная самодостаточность человека, и он себя чувствует в мире культуры, знаний, искусства, он там творчески присутствует. И никакой неполноценности своего бытия. Что ему, какая неполноценность, если он оттрубил с 40 по 56-й в шахтах Воркуты, он все видел, все знает.

Мне уезжать, а он куда-то уехал перед этим. Я спускаюсь с одного холма, он спускается навстречу. У нас не было никаких проблем — ни у него как у католика, ни у меня как православного. Вот мы встречаемся, он оттуда идет, я туда, и говорить ничего не надо. Мы обнялись, троекратно расцеловались и пошли своими дорогами. Эта встреча длилась пять дней. Такие встречи структурируют внутренний опыт. То есть так возможно. Поэтому я об этом и вспоминаю. Потому что это опыт, определенный опыт. Это не речь, не навыки мыслетехники. Я думаю, есть такие вещи, когда надо видеть другого, видеть, кто как играет, кто как говорит, кто как и что делает.

А. Попов (ведущий): Спасибо большое, Олег Игоревич, мы заканчиваем.

О.Г.: Ну тогда я вам мандалу нашу отечественную нарисую и вкратце поясню. Эта мандала — движения неких свободных энергий по нашему евразийскому пространству. Вот, значит, круг. Здесь Запад, здесь Восток, Север и Юг. Вот так, по этой оси расположены все наши храмы. Мы смотрим на Восток, там алтарь, вход на Запад. Все говорят «Запад, Запад!». Запад — это куда солнце заходит, это царство мертвых. Вообще, все со словом «западное» — это все мертвецкое. Какая роспись у нас в храме при выходе, когда мы выходим на этот Запад? «Сошествие в ад». Мы когда выходим на улицу из храма, мы в ад выходим, на Запад идем. А Восток, он вот там. А если мы смотрим по оси на храм, то вот у нас царские врата, есть врата северные, есть врата южные. Что выносится из северных врат? Когда служба идет, выносится чаша, то есть сам Спаситель выходит из северных врат и потом попадает сюда. Когда у нас крестный ход, на Пасху вот так по солнцу обходим свои храмы.

Теперь посмотрим, как расположены ключевые точки в пространстве в смысле севера, востока и запада.. На северо-западе у нас находится Новгород и Петербург, Северо-Западный округ. Болота, как писал Достоевский. По тем временам северо-восток — это были Владимиро-Суздальское, Московское княжества. Внутри храма здесь находится жертвенник. Москва, поскольку она на северо-западе, она в жертвенности находится. На юго-западе у нас Киев. Киев — мать городов русских, к Киеву мы еще придем, когда за солнцем будем ходить, мы туда вернемся. Все вернется туда, в то направление. А за Киевом, туда дальше вообще прародина наша — это Охрядь. Первый славянский университет в Охряди имел 12 тысяч студентов в XI в., до всякой Болонии и всяких прочих университетов. И там был создан церковнославянский язык, литература возникла в Охряди. Поэтому мы туда еще вернемся. Зачем вы думаете, нам из Петербурга команда выписана в Москву? Говорят, вот опять петербургская команда. Она как бы на постой приехала, очеловечиваться. Я описал соответствующую нить в журнале «Архэ» под названием «Возвращение Москвы» и все это дело там изложил. Дойдем до Киева. И теперь — вакантное место юго-восточного направления, центрально-азиатское, на которое очень многие претендовали. Назарбаев считал, что Самаре надо это место отдать. Но как-то не состоялось. В прошлом году приезжали красноярцы в Москву и говорят: русская культура на рубеже XXI в. —

сибирский вариант. Приехали красноярцы, а выступают от всей Сибири. Я им говорю: господа, а вот, наверное, Иркутск не согласится, что это именно вы. Место вакантное. Я первый раз в Томск приехал, я тут никогда не был. Но поскольку сибирские Афины здесь, то может быть это Томск? А? За сим спасибо за внимание.

А. Попов (ведущий): Спасибо Вам большое. Олег Игоревич уезжает завтра, но мы всегда Вас ждем в Томске и надеемся, что мы что-нибудь сделаем, ради чего Вы сможете опять приехать.

ПОКОЛЕННЫЙ ВЗГЛЯД[17]

Корр.: Олег Игоревич, Вы впервые в Томске и приехали на Форум поколений «Дети декабря», организованный кафедрой гуманитарных технологий Томского государственного педагогического университета, в качестве эксперта и почетного Гостя…

О.Г.: Участника (!)

— И участника, конечно. Почему Вы согласились?

— Я давно знаком с изданиями «Педагогика самоопределения» и «Архэ», а также с теми людьми, которые это делают — Александром Поповым и Ириной Проскуровской. Кроме того, сама тема Антропологического Форума Поколений мне кажется очень важной. Во-первых, то, что именно поколение выбрано как единица измерения, взгляд на человеческий социальный и культурный мир. Сейчас это довольно модно: «новый молодой народ», «поколение» в прикладном смысле слова. Этакая апелляция к молодежи, ставка на нее как на политическую силу и использование энергии молодого поколения в каких-то политических целях. А здесь, на Форуме, два момента мне кажутся новыми и для меня обещающими. Первый состоит в том, что «поколение» взято во множественном числе — Форум Поколений, разных поколений. Это даже некая социальная новация, свежий взгляд. Не одно поколение передает эстафету другому, а другое принимает эту эстафету. А на сцене жизни они все по-своему равны, у каждого своя роль, и, вообще, границы между ними очень подвижны. А второе — это то, что в теме поколенности увидена гуманитарная проблема, поскольку здесь пока не совсем понятно, в чем принципиальное отличие этого взгляда от того, чтобы делить все на классы, на социальные группы или на

[17] Интервью, взятое у Олега Игоревича корреспондентом газеты «Томский вестник» Екатериной Глазуновой во время его пребывания в Томске, на Антропологическом Форуме Поколений «Дети Декабря» (1—2 декабря 2002 г.).

сообщества — местные, региональные, городские, на культуры и конфессии. Это тема социологического воображения.

— А что такое «социологическое воображение»?

— Это то, что мы видим в этом мире, какими категориями, единицами его мыслим. Вот, например, марксисты мыслят классами. Рабочий класс, крестьянство, какие-то прослойки типа интеллигенции, деклассированные элементы, священство. Кто-то мыслит социальными группами, общностями, кто-то организациями, кто-то корпорациями — все это разные социальные реальности. А вот среди них есть личность человека, среди них есть и поколения. Поколенный взгляд — это ведь вообще очень древний взгляд. Двенадцать колен Израилевых в Ветхом Завете; извечное деление человеческой жизни на четыре части — счастливое детство, прекрасная юность, зрелая мужественность и мудрая старость. Четыре поколения и, соответственно, четыре времени года — весна, лето, осень, зима. Четыре времени дня — утро, день, вечер, ночь. Так устроена жизнь, это не что-то сверхновое. Но увидеть, что границы — 25 лет, как когда-то, когда условно человеческую жизнь длиною в 100 лет делили на четыре. А сегодня уже появились «тинейджеры»…

— Это не от мобильности?

— От мобильности. Социально-культурный возраст и «размер» поколения сужается. Происходит смена моделей жизни: что-то становится динамичнее, зато другое проступает с болью, медленнее. Точно также как, вы, наверное, сталкивались с проблемой гендера, где феминизм выступает как социальное явление. Пол стал фигурой социологического воображения, энергично так — партия, движение. Библию переписываем с мужского рода на женский. В нем увидели очень важную социальную единицу. Важно и то, что на этом Форуме происходит проблематизация не утилитарного отношения к поколению, а познавательного. Философия поколений.

— В одной из своих статей Вы, рассказывая легенду о Брахмане, который живет на краю деревни и знает все, говорите о некой готовности, «готовности цеха и готовности сообщества». Что Вы подразумеваете под этим «сообществом» — поколение?

— Как одно из типов сообществ. И мне очень важно сказать, живых. Классы — это по отношению к средствам производства. Поколение — это такое живое о живом.

— А в чем должна выражаться эта готовность?

— В чем должна выражаться? Скорее, в чем могла бы. Во-первых, от общества в целом требуется признание экзистенциальной самодостаточности каждого культурного возраста. Например, детство, отрочество — это не подготовка к жизни, это сама жизнь. Это целый период жизни, который должен быть прожит в полноте. Этот мифопоэтический период, когда все одушевлено, когда все

тебе отзывается, когда мир исполнен чудесных сил. Если это не прожито, то остается как травма, записанная где-то, и ты потом всю жизнь по поводу нее мучаешься. Отроческий период, юношеский период. Раньше, Вы, наверное, знаете, обручение и венчание были два разных обряда. Сначала было обручение, оно давало право жениху и невесте всюду быть вместе, кроме соития. А потом венчание, через год — узнали друг друга, побывали в новых ситуациях. За человеком всегда оставалось право расторгнуть обручение. А сейчас этот период исчез: сдвигание границы вступления в сексуальную жизнь ликвидировало целый период, грань между отрочеством и юностью размылась. Это значит, что человек вернется к нормальной человеческой жизни в лучшем случае в 28—35 лет, поскольку он должен эту травму изжить, чтобы дать возможность внутренне раскрыться целому спектру способностей сердца, души. Поэтому этот динамизм, вся эта мобильность, с одной стороны — это возможности, а с другой, это нагрузка на нас же — на будущих детей и вообще на все — на домашнюю, семейную, человеческую жизнь. И к этим вызовам должна быть готовность

— Олег Игоревич, в течение 10 лет Вы были научным руководителем культурно-экологической акции «Возрождение». В связи с 400-летием Томска тема культурного Возрождения чрезвычайно актуальна для нашего города. И не только у нас, в самых разных городах России сейчас восстанавливаются исторические памятники, реставрируются старинные здания, храмы. Почему мы именно сейчас поняли, что важно беречь и надо ценить?

— На 80 лет мы были насильственно отрезаны от внешнего мира, от своего прошлого. Отчасти мы, а отчасти даже больше вы. Мы просто наверстываем пропущенное, восстанавливаем связи. Мы должны хотя бы знать, о чем закончили думать в мирное, дореволюционное время. Есть такой замечательный человек, Аркадий Соболев, он в Институте философии работает, пишет про личностное отношение к знанию. Он говорит так: «Понять, что такое русская философия, вам, господа, просто не дано, потому что это мировоззрение, выросшее в усадьбах, в старых дворянских родах «Войны и мира»«. В Москве точно известны те дома, те места, где эта мысль происходила. И мысль эта, во-первых, сословная, а, во-вторых, поколенческая. Поэтому за серебряным веком должен был наступить золотой (и в некотором смысле он состоялся) — второе поколение после Соловьева — те, кто вошел в жизнь в 20-е годы. Одни уехали, других убили, третьи вынужденно молчали и ощущали себя предателями, как Бахтин, который замолчал о дворянской, о православной культуре. Это был такой поколенческий феномен. Мы просто восстанавливаем связь с собственным прошлым, наивно

думая, что это просто и это возможно. Сейчас все издадут, а мы все прочитаем, и оно восстановится. Представьте себе, что после детдома вы в 20 лет узнали, что у вас есть или были родители и есть дом, откуда вас в детстве вывезли, вы поедите туда и посмотрите, где родились, постараетесь узнать о родителях или о предках. То же самое происходит и сейчас: мы просто отвечаем на вопрос «Кто мы?».

— На самом деле, ведь от знания не всегда может наступить осмысление.

— Как говорил Гегель: «По тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потерь». Говорухин очень удачно назвал свой фильм: «Россия, которую мы потеряли». Да, есть вещи безвозвратные, но нужно по крайней мере знать, что оплакать… Знать, с чем нужно распрощаться, но по-человечески. Как Соболев говорит: «Вы хоть тресните, господа, но от того что вы держите свечки в храмах, вы не войдете ни в церковь, ни в эту традицию. По психологической культуре не войдете, для этого надо было родится в Ясной Поляне. Но вы будете, по крайней мере, знать, где об этом написано и что это такое».

— Олег Игоревич, в своих работах Вы часто используете термин «экология культуры». Он имеет отношение к смыслосохранению, смыслосбережению?

— Да, имеет. Кроме того, я исхожу из того, что надо иметь русскоязычную культуру, то, что потом у Петра Щедровицкого было названо проектом «Русского Мира». В свое время Дмитрий Сергеевич Лихачев написал концепцию об этом, и для меня важно к ней отсылаться. «Экология культуры» была способом понимания, дозволенным, доступным языком, на котором можно было говорить во времена застоя о традиции, о наследии. И мне кажется, что этот этап еще не пройден, эта экологическая рамка не исчерпана. Как, знаете, у главного божества есть три функции: творение, вседержание (сохранение) и спасение. Если чего-то нет, то надо создать. Если есть, его надо сохранить. Если оно по каким-то причинам попортилось или погибло, его нужно спасти или возродить. Это нормальное отношение к жизни.

— А с чем связано явление «гуманитарного Ренессанса нашего времени»?

— Почему Кант говорил, что есть две наиболее прекрасные вещи — звездное небо над нами и моральный закон внутри нас, этика долга? Некоторые самые важные вещи мы постигаем и осваиваем через принятие долга или служения, через некую норму. Сначала что-то появляется на горизонте в словах «Я должен». Я должен, потому что не могу иначе. За чем следует раскрытие в опыте. Точно также во времена Просвещения были зафиксированы права че-

ловека на юридическом, нормативном языке, на языке долга. Нельзя относится к человеку только как к средству, как к цели, нельзя и все — табу. Потом возникает философия жизни, экзистенциализм, когда это «человеческое» становится предметом опыта, практики. Такая совокупность гуманитарных практик и знаний — художественных, терапевтических, коммуникационных, педагогических. То есть то, что сначала схвачено как долг, потом превращается в ум. Это, если буквально сказать, самораскрытие благой вести, Нового Завета. «Лис имеет норы, а Сыну Человеческому негде приклонить главу». Человеку нет места в мире. И вот сначала учреждается церковь, где ему есть место, где он должен расти и зреть. Потом Ренессанс, где его переоткрывает культура. А потом Просвещение — его переоткрывает правовая практика. А потом экзистенциализм, где человек возникает как совокупность всех гуманитарных практик. И что-то будет дальше. Это, конечно, фаза промежуточная. Потоки исторического времени все раскрывают.

— А в чем значимость гуманитарных проектов и гуманитарных технологий для России?

— По причине отрезанности от своего прошлого здесь есть такой догоняюще-восстанавливающий аспект: нам надо донабрать. В нашей истории было много чего отложено, что должно теперь быть переосвоено и включено, то есть должно произойти восстановление преемственности, актуализация в мировом контексте. Помните, у Гумилева есть такой символический счет, что этносу примерно 1200 лет, поэтому в 600 у него акме наступает. Он утверждал, что русский народ возник на Куликовом поле — 600 лет назад. Соответственно, мы — в акме. И где расцвет? Где акме? В каком-то смысле это все отложено, теперь оно должно актуализироваться. Для нас это вызов, поскольку мы должны это сделать — ввести снова все в культурный оборот человеческого общежития.

— Какое место в судьбе Сибири занимают гуманитарные проекты и гуманитарные технологии?

— Помнится, этот вопрос был задан Гефтеру в Красноярске. Он ответил: «Россия живет в мире миров. И сама Россия есть мир миров». Мир миров — это культурно, этнически неоднородная реальность. Например, на русском Севере никогда не было крепостного права. Южнорусская, украинская, казаческая культура — это другое. Центральная, усадебная Московская Русь — это третье. И дальше — колонизация по северу от Новгорода. Это, действительно, мир миров и очень разнородный. На мой взгляд, в этом разнообразии миров заключен один из мощнейших ресурсов, и то, что сейчас происходит — это региональное и мировое самовыявление этих миров. В Саратове Тамара Петровна Фокина пишет книжку «Метафизика Саратова». А в Перми Абашев — «Пермь как текст».

Ну, Москва и Петербург — понятное дело. Всюду проявляется символическое измерение региональных идентичностей. Вопрос только в том, они параллельно пройдут или как-то сфокусируются?

— В одном из своих докладов Вы называете образование «жестом века, который нам оставляет наследство». Перефразировав Мартина Хайдеггера, который говорил об искусстве, Вы выдвигаете тезис: «В XXI веке у политики нет другого содержания, кроме образования, а у образования нет другой проблематики, кроме политической». Вы используете эти слова как синонимы, объясните?

— В том докладе я проводил аналогию с современным искусством. Искусство оказалось более продвинутым, чем другие сферы, поскольку оно само задалось вопросом о своих границах. То же самое требование должно быть предъявлено и к образованию, оно должно отвечать на вопрос «Где образование и где необразование?» и «Что такое образованность?». Потому что в этом, в частности, состоит проблема человеческого капитала. Обычно получается так: образование редуцируется к воспроизводству рабочей силы, и сразу исчезает антропологический смысл проблемы человеческого капитала. Мы ищем уникальные ответы на вопросы: «А что нам говорит образование о судьбе человека? Где точки роста антропологического воображения? Где происходит целеполагание?» Итон и Кембридж — это образовательно-политические институты, поскольку там воспитывается политическая элита, которая получает там свои антропологические и человеческие целеполагания; она будет воспроизводить эту модель человека уже в политике. И применительно к вопросу о России, тут как раз большой знак вопроса, потому, что вечные жалобы на то, что у нас все «текучка», все от выборов до выборов. А на каком канале трансляции, на каком институте, на каком сообществе, на какой традиции вообще может держаться что-то долговременное? Хотя бы в масштабе жизни, где заведутся или обитают люди длинной воли? В XX веке был ответ: «В университете». Университет считался осевым институтом общества. Я так, с оглядкой на Александра Павловича Флоренского, говорю: «В санатории». Там, где происходит выздоровление, там, где идет работа с целостностью и телесностью.

— За последнее время в Томске всем вузам было присвоено звание университетов. Но от этого качество образования в них не изменилось, оно не стало более гуманитарным. И такая ситуация по всей России. Нормально ли это явление?

— Эта такая система самообмана. Сначала все стали гнаться за этим званием, потому что это давало некие финансовые преимущества. Университеты были на особом положении по сравнению с институтами. Теперь расплодилось столько академий и универси-

тетов, что теперь они преимуществ этих не имеют. Но университет — это место, где знание воспроизводится ради знания. Есть три университетских права: право учить тому, чему хочет профессор; право учиться тому, чему хочет студент; и право экстерриториальности, то есть туда любая власть — политическая, экономическая — не вмешивается. И в этом смысле у нас университетов не прибавилось, а убавилось.

— Последние 10 лет много сил вкладывается в реформирование школьного образования. Какова, на Ваш взгляд, дальнейшая судьба инновационного педагогического сообщества?

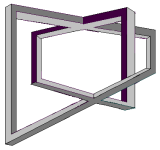
— Это вопрос о самосознании профессионального сообщества. Что дальше? Пока никакой стратегической очевидности не видать. И вообще, сохранится ли такой пристальный интерес российской интеллигенции к сфере образования? Она туда была загнана в 29-м году. Когда все площадки духовной реализации были закрыты, она ушла в музеи, в филармонии, в школы и выжила там до пятьдесят шестого и восемьдесят пятого годов. А теперь недаром из школ бегут: открылись другие сферы самореализации. Дикий дефицит учителей в Москве, потому что есть другие места преломления. И будет она «пастись» здесь или «перекочует», например, в местное самоуправление и будет там себя реализовывать, еще неизвестно.

— Олег Игоревич, вопрос как к искусствоведу. Как Вы можете прокомментировать явления, возникающие в современном российском кинематографе, в литературе и мультипликации, вытекающие в кино «Москва» или «Даун Хаус», в творчество Сорокина, в феномен «Бивиса и Батхеда»?

— Изгнанное в дверь влезает в окно. Есть такая психологическая потребность — общение с собственным бессознательным, с мифопоэтическим миром. Дети у вас не знают, что такое ангелы и бесы? Так они узнают о них в виде Бивиса и Бадхеда и какого-нибудь Покемона. Вы хотели заменить все это Чебурашкой? И ведь большая дискуссия идет в Японии: является ли Чебурашка Покемоном? Национальная дискуссия. Так его включать в пантеон или нет? Также как Юнг отвечал на вопрос: «Что такое НЛО?». Для секуляризованного сознания бессознательное является в виде тарелок. Личность не есть что-то такое единое, законченное, а нечто состоящее из частей, каждая из которых может «захватить» экран сознания и персонифицироваться. Отсюда наша многоролевая структура. Вообще антропологический синтез, собирание человека в истории вовсе не закончен. Что такое Человек? И неандерталец был Человеком, и 2000 лет назад — Человек, и сейчас Человек, и через 500 лет после нас тоже родятся Люди. Человек — это процесс. Это Юнг с Фрейдом мечтали, что «Эго» заменит вид, сознание заменит бессознательное, и тогда не останется ни темных уголков, ни предрассудков, ничего такого. Но это утопия. Островок, освещенный светом сознания, в океане бессознательного, очень мал. Наряду с такой «низовой» культурой есть еще мир фэнтэзи, воображаемые культурные этносы. Один из важнейших вопросов антропологического воображения — это антропологическая идентичность, пределы феномена Человека. Вот так, держимся, чтобы быть Человеком.

— Олег Игоревич, последний вопрос. Каким образом Вам удается совмещать научную деятельность в области искусствоведения, философии, методологии с педагогическими практиками, работой управленца? Есть ли какие-то грани, особые точки соприкосновения, которые смыкают столь широкий круг ваших интересов?

— Я принадлежу к методологическому сообществу, которое когда-то носило название Московского Методологического Кружка, где мы разрабатывали и развивали сначала теорию деятельности, а потом и много разных деятельностных практик. В каком-то смысле важно вообще отношение человека к миру деятельности, стратегии поведения в нем. А чему в данный момент будет уделено больше внимания — управленческим практикам, педагогическим, или исследовательским… Это, конечно, очень важно по жизни человека, но различия не очень принципиальные. Мы, скорее, стремимся отрабатывать навыки активного участия в мире деятельности как таковом. На данный момент человеческие потенциалы образования, действительно, считаются наиболее затребованными, поэтому сюда вкладывается наибольшее количество сил.



Раздел III. Александр Попов: «Самоопределение — это философия поколения»

ПЯТЫЙ ЧЕЛОВЕК: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ[18]

Прощание с историей, или введение с помощью Альфреда Вебера в тему

«Нам надлежит проститься с предшествующей историей. Это становится очевидным…». Так начал Альфред Вебер свою работу «Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования», вышедшую в 1953 г. Что имел в виду Альфред Вебер? Когда мы прощаемся с историей? Когда мы начинаем историю? Именно эти ключевые вопросы возникают при пересечении философского мышления, экзистенциального ощущения и социального проектирования, или социального дизайна.

«Прощание с историей» — это попытка через осмысление собственной трансценденции осуществить преодоление условий истории, осуществить изменение исторического вида существования.

Если мы держим в руках «трансцендентность» как вечность, мы начинаем «писать историю». И с этого гуманитарного момента и возникает идея Проектного Управления. Причем историчность (периодичность) становится соразмерна уже и мышлению, и жизни Поколения. Вебер выделяет три периода истории человечества: 1) 4000 г. до н. э. (конец ледникового периода) — 1500—1600 г. до н. э.; 2) 1500—1600 г. до н. э. — 1900 н. э. (великий кризис); 3) 1900—1950 гг. Эти периоды характеризуются разными этапами возникновения Человека и Земли, разными типами социальной структуры и политики, разными инструментами познания, сознания, мышления, организации орудий (техники).

[18] Доклад на II Сибирской Философской Школе «Какая философия нужна современной России?» (Новосибирск, 26—28 октября 2001 г.).

XX век — век кризиса, век прощания с предыдущей историей. В период до XX в. (1500—1900 гг.) благодаря ведущей роли Запада начинает меняться ведущий тип взаимоотношений между человеком и Землей: взамен приспособления к Земле и миру утверждается тенденция господства над Землей. Возникновение прогрессирующей науки уже к 1760 г. ведет к стремительному перевороту в современной технике. «В социально-структурном и политическом контексте это означает развитие современного капитализма, который поддерживается возникшим с 1500 г. рационализированным, современным, свободным от всяких оков, обладающим полной властью государством»[19].

На этом фоне начинает происходить преобразование вопроса о смысле бытия. Вопрос имеет принципиально новую постановку: основная его тема — отдельный человек и его включение в общество (а не посюсторонняя интерпретация бытия).

Фактически нас и интересует этот момент: не истории вообще, а истории антропологии, точнее, антропологических идей. При этом, замечу, антропологическая идеология, как одно из оснований гуманитарного проектирования, не есть некоторая объективная данность, лежащая на поверхности и закрепленная в исторических документах. Антропологическая идеология есть всегда результат многопредметной философско-методологической рефлексии и анализа текстов эпохи, правовых систем, образовательных систем, принципов коммуникации и пр.

Вслед за Альфредом Вебером мы обратим внимание на 1763 г. Ж.-Ж. Руссо, «Общественный договор»: естественное существование основывается на свободе и равенстве людей и требует для всех *самоопределения.* Это и есть для нас один из ключевых моментов. Руссо все-таки остается в поле «массового самоопределения», что объяснимо. XVIII век — век философии обобщений, закончившийся Мировым обобщением — Великой французской революцией. Руссо указывает на единственного «суверена» — «объединенный народ», предвестник Национального Государства.

Гражданская общая «свобода и воля», пока еще не «воля и разум». Это позже Гегель напишет о том, что у Руссо «общая воля должна быть скорее разумной волей». И это уже ближе к Канту, который, конечно же, для философии самоопределения играет ключевую роль, утверждая, что свобода воли есть свойство воли быть самой для себя законом. Но Руссо еще не антрополог, его интересуют процессы массовизации. Поэтому и самоопределения он

[19] А. Вебер «Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования». В кн.: «Избранное: кризис европейской культуры». СПб., 1999. С. 202.

требует от всех. (Конечно же, мы сегодня начинаем понимать, что нельзя самоопределение иметь как требование; самоопределение есть лишь принцип-рамка: сначала гуманитарно-антрпологическая, затем идеологическая, и, если получится, онтологическая).

Такой разворот на массовизацию идеи свободы и равенства, по мнению А. Вебера, и создает вслед за трансцендентальными религиями три социальных религии:

- религия США: «социальная религия свободы и равенства шансов» (тенденция к неравенству в современном капитализме допустима);
- европейская религия: «социальная религия свободного демократического социализма того или иного оттенка» (для осуществления равенства считает неизбежным преобразование капитализма);
- Россия (СССР): «выше всего равенство (как социальный эгалитаризм), а свободу отдает во власть тоталитаризма, осуществляющего этот мнимый социальный эгалитаризм средствами террора».

«Сжимающаяся планета» (состояние холодной войны), по А. Веберу, — это эпоха, в которой Земля оказалась к 1914 г. сжатая прогрессом науки и техники, физическим ростом населения, насыщенная капиталистическими и государственными властными тенденциями экспансии и новыми социальными религиями. Земля (цивилизация) вступила в эпоху кризиса существования, и как результат — две мировые войны XX в. и ситуации массового религиозного и идеологического противостояния (11 сентября 2001 г.).

Здесь важно актуализировать очень принципиальное для практик управления противопоставление идеи прогресса и идеи развития. Конечно же, история второй и третей эпох, по Веберу, — это история торжества прогресса как некоторых объективных, действительных, цивилизационных характеристик. Но этого недостаточно для практик управления. Что есть управление развитием? Этот вопрос уже не находится в области натурально данных критериев, это проблема и задача *гуманитарная.* Не следует думать, что прогресс действительно прямо-таки физически противоречит развитию. Нет, поскольку идея развития идеальна, метафизична. Но она и реальна, поскольку ценна и существенна. В этой плоскости и находится отличие прогресса и развития. Идея развития, ее предметизация есть проблема самоопределения, то есть гуманитарная проблема. Таким образом, вопросы управления развитием (и в этом смысле, антикризисное управление) требует ввода гуманитарных координат.

Наши же гуманитарные координаты связаны с антропологическими идеологиями, а идея развития с оформлением и реализацией философии самоопределения.

Поэтому для нас принципиально, возвращаясь к культурсоциологическому видению истории, что третья эпоха создает ситуацию «духовной массовизации», когда в основу кладется проектный инструмент под названием «восстание масс». «Восстание масс» в форме социальной религии равенства, наиболее простой и примитивной из трех социальных религий, стало паролем относительно отсталых по уровню цивилизации европейских и неевропейских регионов, прежде всего России, а вслед за ней Китая; следовательно, там, где никогда не было интегрированного в идею свободы человечества. А Вебер отмечал, что восстание масс может возникнуть во всех областях такого рода[20].

Может быть, сегодня можно сказать, что заканчивается и третья Веберовская эпоха?! Может быть, для нас настало время (или появилась возможность) распрощаться с этой историей? Что мы наблюдаем? Почему мы можем сказать, что «сжатие» Земли закончилось, и более того, может быть, следующая эпоха станет расширением Земли? Я, конечно, не имею в виду космическую экспансию. Я думаю, что есть возможность создания новых инфраструктур жизнедеятельности людей, связанных с *пространственным существованием,* а не линейным определением сферы жизни. Результаты науки и техники, благодаря цифровым технологиям, расширяют информационные возможности человека — возникают коммуникативные сети. Идея постнационального государства, предусматривающая корпоративные отношения, снимает принадлежность и проблему закрепления гражданства. Конкуренция приходит к такому этапу, когда выбор товара, брэнда, марки равнозначен, а ряд компаний объединяют свои капиталы. Социальные религии претерпели такие коллизии за последние пятьдесят лет, что во многом повторяют друг друга, смешиваются, теряют специфику, растворяются в восточных традициях.

«Расширяется ли Земля», в чем суть этих расширений? Что бы сегодня написал Альфред Вебер? Так, например, теория Юргена Хабермаса о «расширении жизненного пространства», как расширении горизонтов сознания, находит свое применение в гуманитарных и социальных проектах; фонды реализуют идеологию конвергенции и открытого общества, в школах формируется толерантное сознание. Какую эпоху мы переживаем? Какую эпоху мы создаем? Во всяком случае, с Антропологией Самоопределения мы связываем новый этап в наполнении такой абстракции, как человек — может быть, это будет *«Пятый Человек».*

[20] А. Вебер «Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования». В кн.: «Избранное: кризис европейской культуры». СПб., 1999. С. 204.

Гуманитарная антропология: координаты самоопределения

А) В последнее время, говоря о философской антропологии, часто ссылаются на работу Макса Шелера «Положение человека в Космосе», где как бы провозглашается эта дисциплина в философии. Мне кажется принципиальным сегодня говорить уже не просто о философской антропологии, а поднимать вопрос о появлении нового типа знания — *«гуманитарной антропологии»*.

Если мы будем пользоваться традиционной типологией Генриха Риккерта, то этот тип знания следует отнести к классу наук о духе (или наук о культуре). Такие типологии знания, как деление на «натуральное — деятельностное», хотя и считаются сегодня актуальными, но все же являются недостаточными для решения ряда актуальных проблем современности. Моя гипотеза заключается в том, что, вполне возможно, мы находимся в ситуации легитимизации нового типа знания — «гуманитаристики», и, возможно, новая логика-принцип может лечь в основание оформления «базовых понятий» и онтологем. При этом, я бы добавил, что гуманитаристика — не просто исследовательская дисциплина, это инструментарий работы с будущим. Гуманитаристика есть знание *о практиках*, а последние не существуют натурально, с одной стороны, а с другой, описываются только лишь деятельностно и технологически.

Б) В качестве гипотезы мы высказываем тезис об организации гуманитарной антропологии и производим типологию антропотехник на основе представлений о трех модусах существования бытия — «необходимости», «действительности» и «возможности». Это линия институтализации, где «субъект есть результат практик субъективации» (Ж. Делез, М. Фуко) и возможно вести речь об «интенциональной антропологеме»; линия актуализации, где субъект есть результат практик трансцедирования (немецкая классическая философия, Л.С. Выготский, деятельностная линия в антропологии) и где актуальная для той или иной деятельности способность выступает в качестве антропологемы; и, наконец, линия самоопределения, где в качестве антропологемы выступают представления о человеческом потенциале, как системе знаний об антропологических возможностях.

Последняя линия связана с проработкой категории «Практика», в отличие от второй линии, где ведущей категорией выступает категория «Деятельность».

В) Практики реконструируются благодаря рефлексивным оборачиваниям предметов, социокультурным интерпретациям и добавлениям, вводом необходимых контекстов. Это невозможно в естественно-научной традиции. Не думаю, что это возможно делать, оставаясь в рамках лишь деятельностной традиции. Объектами гуманитаристики (даже не объектами, а сферами и пространствами)

являются не явления (феномены) и сущности, а обусловленности (версии) виртуального характера. Гуманитаристика — это знание о практиках организации виртуальных реальностей и практиках их существования. Для обозначения категории «практика» интересны размышления современного немецкого феноменолога и философского антрополога Петера Шульца. Он активно привлекает греческое философское наследие, конкретно, «Никомахову этику» Аристотеля, где обращает внимание на то, что:

- практика осуществляется в процессе нетранзитивного действия, и «по реализации» нет никакого «внешнего» сделанного объекта;
- осуществление жизни, а также сама жизнь, рассматривается Аристотелем как практика;
- сущность личности ярче проявляется в том, что описывается Аристотелем как человеческая практика, чем в производственном процессе с «производственными результатами»;
- посредством практики человек определяет и осуществляет свое бытие.

В нетранзитивном типе действия субъект *распоряжается своим собственным бытием,* оно становится целью человеческого внимания. П. Шульц связывает автотелеологическую, то есть имеющую цель в самом себе, структуру человеческого действия с самоопределением («*Selbstbestimmung*»).

Г) Постмодернистский разворот.

Итак, самоопределение можно рассматривать как действие нетранзитивного типа, направленное на определение и осуществление человеком своего бытия, то есть как практику. Причем все-таки возможно говорить о «результате» практики как о формировании реальностей виртуального характера.

Одной из первых работ, «оправдывающих» виртуальную реальность, была работа Я.Э. Голосовкера[21] об имагитивной (воображаемой) реальности, символической природе образов, идей и смыслов. Он указывает: «Этот мир не только открывает свое неизвестное и скрытое, но и создает новое — создает будущее». Это для нас принципиальный момент. Виртуальность — это современные способы существования практик, современный способ, инструментарий оформления практик будущего.

Во многом, как отмечает В.М. Розин, этот инструментарий символичен, и мы наблюдаем такие яркие постмодернистские примеры в российской культуре, как произведения братьев Стругацких, искусство «Митьков», «Аквариума» и БГ, фильмы Андрея Тарковского. Думаю, что к этой традиции в русской философии можно отне-

[21] Логика мифа. М., 1987.

сти и феноменологию Мераба Мамардашвили. Весь этот ряд, по моему мнению, повлиял на становление нового российского гуманитарного поколения. Поколенческими произведениями являются те, которые запускают практики оформления *символов будущего*.

По всей видимости, в России есть своя «формула» постмодернизма. Спецификой русского постмодернизма является своеобразное разрешение противопоставления между культурной сущностью (Борхес, «Сад расходящихся тропок») и постмодернистским существованием (Кортасар, «Игра в классики»). Русская идея требует современного антропологического оборачивания — современной интерпретации идеи вертикали, идеи восхождения.

Проблемной пока остается идея Государственной Антропологии, которая должна разворачиваться в рамках представлений о современном служении как основных формах прикрепления к Российскому и Федеративному.

Литература

1. Борхес Х.Л. Вымышленные истории. СПб.: Амфора, 1999.
2. Вебер А. Третий или Четвертый человек/ В кн. Альфред Вебер. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1998.
3. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре/ В кн. Культурология. XX век: Антология. — М., 1995.
4. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива// Иное. Хрестоматия российского самосознания. М., 1995.
5. Генисаретский О., Носов Н., Юдин Б. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения// Человек. 1996. №4. С. 5—22.
6. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алатейа, 1998.
8. Кант И. Критика чистого разума/ Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1.
9. Мамардашвили М.К. Возможный человек / В кн. Человек в зеркале наук. Л., 1996. С. 6—18.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3—4.
11. Переслегин С. «Также не знают и пользы своей»/ В кн. Стругацкий А., Стругацкий Б. Сталкер. Машина желаний. Чародеи: Киносценарии. СПб.: Terra Fantastica, 1998.
12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1996.
13. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре/ Избранные сочинения. М., 1961. Т. 1.

14. Совершенный человек: теология и философия образа. М.: Ин-т востоковедения РАН; Валент, 1997.
15. Тертерян И. Главный роман Хулио Кортасара / В кн. Хулио Кортасар. Игра в классики. М.: Художественная литература, 1986.
16. Туровская М.И. Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. М.: Искусство, 1991.
17. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: «Университетская книга», 1997.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 2000.
19. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
20. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992.
21. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
22. Щульц П. Философская антропология. Введение для изучающих психологию. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996.

В ПОИСКАХ АНТРОПОЛОГИИ: МЕЖДУ МЕТОДОЛОГИЕЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ[22]

Введение

В этих лекциях мы с вами попробуем обсудить крайне важные для ваших будущих специальностей представления о процессах самоопределения человека и понятии «самоопределение».

Очевидно, что именно с этими процессами как базовыми вам придется работать в будущем, поскольку можно считать, что человечество вступило в новый антропологический концепт — эру самоопределения. И реализация этого концепта все более становится массовой возможностью. Я не буду останавливаться на правовых понятиях, политических и даже психологических аспектах этого явления, скорее попробую выделить сущность понятия и процесса самоопределения, оставаясь в рамках философско-методологического рассмотрения. Но будем двигаться по порядку.

Принято различные кризисы охарактеризовывать с точки зрения тех объектов, которые прежде всего попадают в этот кризис. Например, одна из концепций развития кризиса в России заключается в том, что сначала произойдет кризис хозяйства, затем кризис управления, а потом кризис, связанный с человеком или связанный с образами жизни. Но аналитики пока утверждают, что кризис, связанный с образом жизни еще не наступил, еще не та ситуация, когда можно об этом говорить однозначно. Но так или иначе, мы находимся в предверии этого кризиса — кризиса образа жизни.

В данном случае, под кризисом понимается невозможность употреблять старые схемы, представления, взгляды, убеждения. Это значит, что мы просто не можем найти образы и образцы, необходимые для того, чтобы быть успешными. Я не буду конкретизировать где быть успешными, а вообще по принципу быть успешными. Мы с вами не можем однозначно указать на ту или иную схему, например, построения карьеры, и говорить, что это верно и что, если мы сейчас станем на этот путь, то мы действительно чего-то добьемся.

Эту ситуацию конечно можно связывать с неустойчивой экономикой, с неустойчивой политической ситуацией, с кризисом управления, но, с другой стороны ее можно связывать и с такой глубинной вещью как кризис образа жизни. У нас нет картины, образа самих себя и деятельности. И, в этом смысле, нет рамки, из которой возможно строить самих себя. Следует, конечно, заметить, что проблема, которую мы фиксируем, во многом обусловлена и появившимися массовыми возможностями, например, «появлением демократического онтологического принципа человеческого равенства» (К. Мангейм).

[22] Цикл лекций, прочитанный на факультете психологии Новосибирского государственного университета в декабре 2000 г.

Зачастую случается так, что в эти периоды, периоды кризиса образа жизни, а они периодически случаются в истории культуры, люди начинают строить себя и свою жизнь на различных «культурных ошметках» — не поддержанных ничем стереотипах, мифологиях. Вот, например, является ли высшее образование или тот канал, который оно открывает, легитимным средством построения нормального социально-успешного образа жизни. Мы не будем обсуждать ситуацию, связанную с высшим образованием, я лишь хочу заострить внимание на том, что данный кризис уже присутствует. Прежде всего, его начинают чувствовать люди молодые и те, которые вынуждены сегодня самоопределяться или выбирать образ жизни, начиная с мелких вещей — стиль, поведение, и заканчивая крупными — деятельность, и еще более крупными — жизнедеятельность и практики. Это первое, что определяет дальнейшие размышления.

Второй момент, который возник в науке. По всей видимости, возникает та ситуация, когда старые научные представления о самом человеке во многом неупотребимы. Невозможно перенести ряд представлений о человеке, которые существуют в науке и культуре в современные проекты, т. е. невозможно, например, с помощью традиционной философской антропологии начинать проектировать успешные педагогические практики, невозможно, например, с помощью разных социальных представлений о человек начинать строить социально-общественные или социально-политические практики. Так, например, в философии педагогики возникает новое направление — «антипедагогика», т. е. та педагогика, которая не занимается подготовкой человека к определенной жизни, а создает образовательные поисковые полигоны, внутри которых человек может найти себя или, говоря профессиональным, языком может найти место для своего самоопределения. Заметьте, в отличие от традиционной педагогики, когда мы знали как перевести ребенка из «точки А» в «точку Б», эти антроподромы организуют совершенно другие системы. Т. е. эта ситуация характеризует еще и кризис классической педагогики и кризис классической философской антропологии.

Но если говорить по большому счету, то кризис философской антропологии с моей точки зрения связан с появлением или необходимостью появления так называемой гуманитарной антропологии. Гуманитарная антропология прежде всего претендует на то, чтобы человек имел право или имел возможность на траекторию, траектория пока тоже метафора, или на индивидуальную траектория, на свою в этом смысле как традиционными научными способами опи-

сать индивидуальную траекторию человека? Где тот инструментарий и механизм, чтобы это, во-первых, понимать, а, во-вторых, описывать.

Вопрос: Сейчас были положены, зафиксированы некоторые разрывы. Если раньше было возможно старыми методами описывать некоторые объекты, то сейчас появляются новые объекты, соответственно средствиальное «опаздывание» не переоформляется. У меня такой вопрос: в связи с чем появляются новые объекты и сферы?

А.П.: Часто еще задают вопрос насчет первичности: что первично, а что вторично. Стараюсь уходить от этого вопроса. Но по большому счету меняется эпоха, по большому счету можно начинать вести разговоры о постиндустриальной, постмодернистской эпохе, в рамках которой появляется совершенно новый институт — это институт человека. Институт человека до сих пор фактически не существовал, институт человека начинает возникать на рубеже конца XX в., а соответственно старые средства, которые были разработаны, прежде всего, в науке, не позволяют с этим материалом что-то делать.

Заметьте, что если мы так ставим вопрос, что XXI век — это время создания института человека, то мы должны тогда признать, что ряд существующих сегодня институтов должны просто исчезнуть или измениться. Институт школы должен стать другим. Правовые институты должны стать другими, должно возникнуть другое право. Институты поддержки, психологического сопровождения должны стать другими. Абсолютно понятно, что высшая школа должна стать другой. Инфраструктуры, обеспечивающие образ жизни человека, должны стать другими. И это очень важно. Эти социальные машины должны быть устроены по-другому. Например, появляются же сейчас Интернет-магазины. А зачем мне идти в простой книжный магазин, книг столько много, что я их все равно не смогу все посмотреть, я их могу посмотреть в Интернете. В эту штуку надо не столько вдумываться, сколько вчувствоваться, что начинают происходить глобальные изменения.

Например, этот процесс может быть связан с развитием индустрии, но зачем нам ответ на этот вопрос, если мы еще ничего не собираемся проектировать, если мы пока обсуждаем фокус философской антропологии. Это эпоха такая, эпоха которая многое поменяет. На формирование новых институтов в ставшей форме и перевод их в форму классических и легитимных уйдет, я думаю, 60—80 лет. А мы с вами находимся на старте.

Новый институт человека уже начал строиться. Если посмотреть на историю философии конца второй половины XX в. мы уже можем видеть, что философские основания и предпосылки для нового ин-

ститута человека там начинают возникать в работах Мишеля Фуко, Жиля Делёза, Мартина Хайдеггера, Михаила Бахтина, Мераба Мамардашвили. Но, одно дело генерация идеи, а другое дело превращение ее в ставшую, легитимную, т. е. признанную, институциональную форму.

Вопрос: Вы говорите, что сейчас возникли представления о человеке совершенно новые, но средства, все наше жизненное окружение не соответствует этим новым представлениям. Не соответствует вузовское образование, и мы ходим в вуз по привычке. А антропология — это как раз то рамочное облако, которое нам позволяет двигаться в этой ситуации несоответствия. Правильно я поняла?

А.П.: Да. Одно дело связано с теми социальными институтами, в которые мы включены. А другой момент — это наши размышления собственно о человеке, философской антропологии, и о собственных внутренних способах самоорганизации. Философская антропология отвечает за внутренние способы самоорганизации. Если у нас нет этих внутренних способов самоорганизации, тогда к чему создавать конфликт с существующими структурами.

Надо заметить, что в начале происходит процесс идеализации, то есть эти способы самоорганизации начинают существовать в философских текстах, в размышлениях. Затем эти размышления переносятся отдельной группой на способ своей самоорганизации, а затем через ряд различных процессов, в том числе социальных эти способы самоорганизации начинаю создавать социальные организованности. Потому что накапливается критическая масса в культуре — люди больше не могут жить с этими способами самоорганизации в существующих старых социальных системах. В начале это происходит в форме опережающих проектов (типа ШГО), где, например, легитимизирован другой тип самоорганизации человека, другой тип отношения детей со взрослыми. Но в закрытом пространстве накапливается критическая масса, появляются такие проекты, которые разрушают старую культуру: пока они становятся конр-культурой, они окружаю старую культуру, накапливается критическая масса, и... Происходит институализация, когда становится ясно, что эти институциональные формы с помощью политики, прежде всего, должны быть основными. Этот переход неоднозначен. Я думаю, что сейчас стратегия реформ развития страны должна быть связана с выращиванием контр-культур, с накоплением критической массы.

Вопрос: Все эти изменения, происходящие в разных сферах и связанные с переоформлением ситуации, некоторого социокультурного поля. Как можно обозначить у них в этом поле базовый процесс? Есть ли какой-то базовый процесс, не смотря на то, что это ситуация неопределенности и т. д.? Если есть какое-то базовое поня-

тие, то тогда можно ли понимать как можно простраивать траектории и т. д. есть ли версия о том, какой процесс будет базовым в новых современных условиях?

А.П.: Таким базовым процессом можно назвать самоопределение. Самоопределение не как однажды случившаяся вещь, самоопределение как образ жизни. Конечно, самоопределяться постоянно невозможно, но это действительно будет базовым процессом. Наступит эпоха, эпоха антропологий человека.

Меня не устраивает логика вынуждающей ситуации. У молодого человека встает вопрос о том, как распорядиться собственным ресурсом: молодость, энергия, ум. Как распорядится — это один вопрос. Но можно же этот вопрос задавать по-другому: что делать в этой ситуации. Или в другой логике это звучит так: как мне из своей жизнедеятельности сделать проект. В этом и есть свобода. (Представьте себе, что вы себе говорите: так на этих выходных я буду думать о новом источнике доходов).

Самоопределение — это ответ на вопрос «что есть свобода в XXI веке». Свобода в разные эпохи по-разному была презентирована и по-разному была реализована. Я думаю, что свобода XX века была связана с освобождение от экзистенциальности и переводом экзистенции в ресурс, а свобода XXI века связана с освобождением от деятельности и возможностью конфигурирования деятельностных систем.

Вопрос: Правильно ли я понимаю, что свобода, если рассматривать ее из рамки антропологии, является базовой точкой, базовой категорией, базовым состоянием, через эту категорию можно схватывать самоопределение?

А.П.: Да, но в чем напряжение вопроса и этой ситуации. Порой мы устроены детерминистским образом, так, что все закономерно, что все обусловлено и все взаимосвязано. Но ведь, на самом деле, принцип системности — это искусственный принцип. В этом смысле системой может стать то, что я пожелаю сделать системой. Весь вопрос в том, где мы проводим контур — границу практики или сферы. Мы же сегодня обсуждаем антропологический контур.

§ 1. Новое системное рассмотрение человека, или Человек как искусственно-естественный объект

В ходе рассуждений мы будем обращать внимание на тот или иной аспект системомыследеятельностной антропологии, поэтому несколько примечаний по этому поводу.

В одном из исследований[23] выделялись несколько антропологических контекстов СМД-подхода:

базовые представления о мышлении и деятельности, касающиеся изучения интеллектуальных функций человека: мышления, понимания, рефлексии;

организационно-практические работы реально выращивали новые формы соорганизации людей, коммуникаций, способы понимания, организации работы сознания и т. д.;

принципы одновременного существования множественности парадигм в методологической установке, которые требуют «новой рациональности: мышления и действия, которые регулировались бы категориями Многого, Разного, Гетерогенного вместо категорий Единого, Всеобщего и Универсального». Хотя эти контексты и были интенционально направлены на антропологический вопрос, но при этом все-таки «само антропологическое» не являлось предметом рассмотрения.

«Действительно, онтология деятельности (так же, впрочем, как и онтология мыследеятельности) не позволяет помыслить «внутренние» свойства человека иначе, чем отождествив их с некоторой структурой деятельности, внешней по отношению к индивиду, или указав, какое место в этой структуре они занимают»[24]. Тем не менее, внутри Московского методологического кружка существовала идея так называемого «свободного индивидуального развития» (Г.П. Щедровицкий), и механизмом такого развития выступает индивидуальная рефлексия, свободная приобретать любые формы и втягивать любые средства. Данная линия уже реализуется в рамках программного подхода. С этой линией мы и связываем развитие антропологии самоопределения.

Если обобщить историю философской антропологии, то мы там можем увидеть очень интересный парадокс: в философской антропологии обычно на вопрос «что есть человек?» отвечали в логике — «человек есть это». Например, человек есть существо, созданное по образу и подобию божьему. И фактически не одна из традиций не указывала, что человек есть принцип, а не объект, человек есть возможность, а не вещь. СМД-подход противостоит подобным интерпретациям. Говоря о СМД-антропологии, мы намекаем на рефлексивное знание о практиках организации человеком себя. Через системный анализ этих практик и возможно исследовать человеческую природу. Но это уже линия на развитие гуманитаристики. За-

[23] Табачникова С.В. К постановке вопроса о СМД антропологии // Вопросы методологии. 1991. № 2.

[24] Данилова В.Л. Антропотехника как проблема методологии // Вопросы методологии. 1995. № 1—2. С. 49.

метьте, я не говорю «гуманитарной науки», потому что большинство гуманитарных наук сегодня построены как естественнонаучные науки. У них та же операционная база, такой же ход определений, такое же аксиоматическое устройство дисциплин: это есть это, значит это есть то. И в том числе очень многие психологии построены по такому принципу. Даже некоторые философии построены по такому же принципу.

Натуралистический подход, собственно говоря, придает вещи ее предметное значение: вещь есть это. Там правда есть маленькая хитрость — в таком системном подходе вещь возможно рассматривать с разных аспектов или с разных предметностей. На этих аспектах строятся системные представления об этом объекте. Совокупность этих системных представлений дает представление об объекте в целом. Таким образом, натуралистический подход вводит еще и свои представления о системности.

Гуманитаристика вносит совершенно другие системные представления. Система это есть наш инструментарий, мы можем сами задать системные представления о будущем объекте. У нас нет объекта, но мы сами можем задать системные представления. Как мы это будем системно мыслить — это наша проблема, потому что до появления объекта у нас с вами уже есть цель и контур его употребления. И когда наш объект попадает в наши, заранее выдуманные системные представления мы начинаем его интерпретировать. И метод интерпретации в отличие от метода объективного наблюдения и объективных ощущений разворачивает гуманитарные представления. Мы интерпретируем, мы не знаем, что на самом деле и не собираемся таким образом проникать в суть вещи, а пытаемся интерпретировать, и далее начинаем работать с интерпретацией. Но если это признать, то это фактически переворачивает ряд дисциплин. И тогда уже не существует гуманитарных наук, а существует поле интерпретаций.

Если мы сейчас с точки зрения гуманитарного подхода начнем относиться к человеку, то следует признать пока на обыденном уровне, что никаких «людей вообще» нет, а есть отдельный человек. Люди друг от друга отличаются, ровно настолько, насколько отличаются от животных. Человек отличается от животного, это понятно, но вот каждый человек от другого настолько же сильно отличается...

Если мы примем, что человек способен к интерпретации, то надо признать, что это совершенно особого рода существо. И это существо невозможно описывать на языках тех объектов, которые мы описывали до этого. Человек — совершенно особенное существо, его нельзя приговаривать к чему-либо. Есть ценность, из рамки которой можно приписать человеку, что он может выращивать на себе новые

качества, то есть человек выступает как возможность быть тем, чем он хочет быть.

Если мы признаем, что человек есть существо не естественное, а человек есть существо может быть и не искусственное, а искусственно-естественное, то что это значит?

Естественными объектами в методологии принято называть те объекты, которые нам действительно даны, или те которые нам объективно даны: те объекты, которые не зависят от нашей воли, от нашего мышления. Искусственные объекты — это те, на которые мы можем влиять, воздействовать и их переделывать, конструировать, создавать.

Но есть более сложные системы. Представьте себе всадника, который скачет на лошади... Какая это система? С одной стороны лошадь, которая выступает для всадника естественным объектом, потому что у нее есть свой нрав и свои прихоти, но с другой стороны он ей может в каких-то границах управлять. Всадник и лошадь — такая естественно-искуственная система.

Теперь возникает вопрос: как рассматривать человека?

Если мы представим, что человек является искусственно-естественным объектом, т. е. у него с одной стороны есть естество, привычки, характер, а с другой стороны у него существует возможность и других функций: функция воли, энергии, самоорганизации и самоопределения.

Возникает вопрос: каким образом это может быть?

Еще одно средство, которое необходимо будет ввести, было введено в работах Г.П. Щедровицкого, в частности, в работе «Мышление по схемам многих знаний». Если использовать эту методологическую матрицу по отношению к понятию индивидуальности, можно сделать вывод о том, что это понятие можно трактовать дважды. Первый раз, со стороны исследователя. Этот взгляд является исследовательским, внешним взглядом, где человек может рассматриваться как конфигурация разных врожденных форм или систем знаний. Это значит, что если мы признаем эту схему и начинаем так смотреть на человека, то мы можем его описывать, интерпретировать с точки зрения схем, представлений и знаний, мы не может ему что-то однозначно приписывать. Причем над объектом (человеком) порождены разного рода рефлексии, то есть что человек сам о себе думает (рефлексии его собственные). Исследователь должен фиксировать эти рефлексивные формы по поводу того или иного объекта, самого себя.

Но если взять другой фокус, фокус внутренних или субъективных представлений о себе, то следует заметить, что индивидуальность — это категория всегда искусственная. Она не только искусственная для ее исследователя, но она искусственна и для самого

носителя. В этом смысле, принцип схем многих знаний может выражаться в том, что индивидуальность является одновременно и материалом субъектности и источником этого материала. В этом смысле, я искусственно могу создавать на собственном материале этот новый фокус или эту новую организованность, которая называется индивидуальностью. На самом деле, если действительно в это поверить, то это какая-то антропологическая революция: человек начинает выращивать на себе новую инстанцию.

Если мы можем сказать, что человек может стать институтом, то возникает вопрос, а где, собственно, источник построения этого института. И мы заходим в интеллектуальные «дебри» по поводу того, что источником этого института являемся мы сами. То есть приходится вводить помимо понятия индивидуальности еще и понятие *субъекта индивидуальности*, или такого современного «душеприказчика».

Итак, в XXI в. человек имеет возможность выращивать на своем теле индивидуальность.

По всей видимости, это верх торжества идеи о том, что человек является искусственно-естественным объектом. С моей точки зрения, это действительно победа гуманитарного подхода, причем, совершенно материальная. Это значит, что появляется новая инстанция — субъект индивидуальности, которой до сих пор не было. Например, для того, кто начинает проектировать индивидуальную образовательную программу и который начинает к себе относиться как к ресурсу чего-либо. В этом смысле, это и есть антропологическая революция — изменение способа организации. Например, в тот момент, когда юноша попадает в ситуацию отсутствия ярких социальных зеркал, где нет четко заданных вариантов поведения и мнений, он начинает сам выстраивать свою линию, сам становится своим зеркалом. Или, обратный пример постмодернистской мозаики, где море «глянцевых» образцов и очень трудно остановиться в переборе.

В этом смысле, мы говорим о той антропологии, которая может быть исходной точкой, когда возникает ситуация в которой мы понимаем, что этих зеркал нет, либо мы понимаем, что их недостаточно, либо их такой переизбыток, что они для нас уже перестали существовать.

Ситуация такая, что если есть зеркала, то их надо «разбить», чтобы создать ситуацию самоопределения. Если есть зеркала, то ситуация самоопределения не состоится, надо их разрушать, отодвигать, но оставлять на заднем плане — «за кулисами» — как мир по отношению к которому следует дифференцироваться.

Процесс самоопределения не может быть первичным в образовании человека. Самоопределение всегда выстраивается по отношению к проблемной ситуации. В этом смысле, проблема или проблемная ситуация является той точкой, из которой начинает вырастать самоопределение. Если я сам не могу обозначить проблему, то возникает вопрос, есть ли у меня ситуация самоопределения или нет. По всей видимости, ее нет. Надо очертить контур ситуации, в которой мы находимся, ведь ситуация это тоже категория, которая объективно не дана. Для одних есть ситуация, а для других ее нет или есть другая ситуация.

Нельзя на ровном месте создать школу самоопределения, потому что если у нас нет организации этой ситуации самоопределения, нет того с помощью чего мы можем с этой ситуацией самоопределения работать, то ситуация самоопределения просто может не состояться.

Итак, тогда, по всей видимости, мы можем говорить, что для того, чтобы сегодня системным образом начинать рассматривать человека, в рамках СМД-подхода мы должны вводить особые представления о человеческой морфологии, о сущности человека как об искусственно-естественном объекте. И должны выделять такую базовую функцию как способность к самоопределению. Заметьте, о самоопределении можно говорить лишь только из рамки искусственного, но относительно к человеку.

Идея моего тезиса заключается в том, что ситуация самоопределения есть плата за свободу. Понятие свободы для нас, то есть в конце XX в., наполняется идеей самоопределения. Мы платим за свою свободу тем, что попадаем в ситуации самоопределения, в отличие от предыдущих антропологических эпох. Свобода там бала связана с религиозным, духовным восхождением. Свободнее был тот, кто был ближе к богу во всех смыслах, в социальном, этическо-нравственном, экзистенциальном.

Я привез с собой одно эссе, кое-что из него хочу зачитать. Оно принадлежит стажерке ШГО (у нас есть люди, которые уже закончили Школу, но еще стажируются, работая со старшеклассниками). Оно такое мифопоэтическое. Это — текст, который написан изнутри. Эпиграф к нему такой: «Образование по своему существу не может быть никогда завершено». С.И. Гессен «Основы педагогики».

Итак, самоопределение — процесс энергоемкий, мучительный и тяжелый. Самоопределение — рисковое дело, всегда есть риск сломаться, испугаться. Плюнуть на все. Остановиться. И тогда смерть. Покой. Но даже тогда самоопределение не заканчивается, длится всю жизнь, пусть не осознанно, почти не заметно. «Незнание законов не освобождает от ответственности за поступки».

А кто сказал, что жить должно быть легко. Сам себя определяешь», — и дальше она играет словами. — «Определиваешь. Задаешь пределы существования, границы, ограничиваешь? Сам себя учишь летать. Сам себе даришь свободу. Если нет САМО, есть только ОП-

РЕДЕЛЕНИЕ, то это зависимость и не важно от кого или от чего. Если не ОПРЕДЕЛЕНИЕ, есть только САМО, то это гордая, сумасбродная и глупая, потому что не осмысленная идея, без смысла, это независимость».

Далее вот такое интересное рассуждение: «Самоопределение — это движение в пространстве свободы, в пространстве пустоты, в пространстве эхо». Вот такие забавные, метафоричные размышления. И еще: «Их было много, этих ощущений, за последний год, в том числе и в ШГО. И прорывы сознания через мышление, и прорывы чувств через осмысление, и прорывы понимания через прочувствования. А эти новые, никогда раньше не слышимые, ощущения. Слышишь звуки, которые раньше не слышал: ритмика капель, музыка улиц, мелодия тишины. Все это есть — я это слышу. Видишь то, чего раньше не видел. Идешь по улицам родного города — город другой, люди другие, я другая. Я та самая, что была год назад, что была вчера, и я другая вместо этого. Самое главное — не бояться пространства Пустоты».

Мне, кажется, что вот в этом эссе хорошо схвачена идея того, что в отличие от человека предыдущего, человек самоопределяющийся попадает не в пространство общения с кем-то или чем-то, например, с Богом, а он попадает в пространство, действительно, Пустоты. Когда я говорю пустота, имею ввиду то, что мы начинаем сами определять. Пустота — промежуточное состояние. Пустота — это метафора. Состояние, в которое мы по возможности, контекстуально, можем положить другое пространство, можем ввести другой контекст, переобозначить. В этом смысле, пустота не есть постоянное состояние, а это есть возможность постоянно переобозначать, чистая ситуация, это возможность переоформлять. До этого, как мне кажется, таких возможностей не существовало, невозможно было переоформлять, потому что мир был устроен как канон.

Мне кажется, что вполне возможно, необходимо и вполне реально в представления о человеке самоопределяющемся вводить еще одну рамку, еще один подход — *феноменологический.*

Второй рамкой, которая достраивает наши системные представления об антропологии — это рамка феноменологии или рамка состояния**,** где и возможно будет описывать события перехода (Б.Д. Эльконин). Как раз эта рамка указывает нам на морфологию человека, на его внутреннюю сущность в момент самоопределенческих переходов, если хотите, на чистую потенцию. Но чтобы мне сейчас начинать вводить представления об этой рамке, я бы прежде сказал несколько слов о схеме мыследеятельности. На этой схеме зафиксированы и различены процессы мыследействия, мыслекоммуникации и чистого мышления. Переходы от одного процесса к другому и их взаимосвязь обеспечиваются за счет процессов рефлексии и понимания. «Г.П. Щедровицкий утверждал, что данная схема является предельной онтологией, поскольку все, что существует в мире — от дебатов в парламенте до обработки почвы и решения математических задач, — является мыследеятельностью, тем или иным ее типом, тем или иным редуцированным случаем ее» (Ю.В. Громыко).

Мы с помощью категорий мыследействования, мыслекоммуникации и чистого мышления как бы фиксируем движение, но мы не можем выделить морфологию, сущность. В том смысле, что нам очень трудно выделить состояние, поскольку человек здесь выступает как материал, особым образом уже организованный.

Заметьте, рефлексия — это тоже движение, фиксирующее переход, преодоление границ деятельности. В этом смысле, мыследеятельностный подход **—** подход, связанный с движением, с развитием. Нам не хватает рамки, которая бы останавливала это все. Не ясно, что тут происходит сущностно.

Отсюда и традиционное описание ситуации самоопределения: ситуация самоопределения — это ситуация перехода из некоторой натуральной ситуации в собственно маркируемую ситуацию. Хорошо. Допустим, это переход. Но что такое человек самоопределяющийся? Мне кажется, что рамка феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер, Мамардашвили) уместна, и тогда мы можем говорить о самоопределении из рамок двух подходов: мыследеятельностного и феноменологического.

Далее возникает тот эффект, о котором я говорил чуть выше. Мы здесь вводим категории искусственного — естественного, а вот, собственно, сам феномен или самоопределяющийся — это какое-то странное состояние. Это и не естественное состояние и не искусственное, а это какое-то сверхъестественное состояние. Благодаря самоопределению, которое совершенно искусственным образом (устроено), мы начинаем приобретать какие-то новые естественные параметры, у нас начинает меняться органика.

Вопрос: В каких традициях прорабатывается понятие «самоопределение»?

А.П.: Я нашел только одну диссертацию, В.И. Красикова, где автор обсуждает проблемы метафизического самоопределения человека, вводя понятие «предельных значений» как инвариантов в континууме идеальных выражений человеческой активности, своеобразные «конечные пункты» возможных рядов абстрагирований. В качестве же субъектов метафизического самоопределения у него выделяются трансцендирующие субъекты — индивидуальности, — и солидаристские группы.

На языке мыследеятельности это существует через понятие проблематизации, полагания ситуации, рефлексивного выхода из ситуации. Но это на языке деятельностного подхода. Когда мы говорим о том, что позиционер выходит из деятельности, он сам на уровне его антропологического существования — это что такое? Надо заметить, что, если самоопределение связывать с тем, что человек рефлексивно выходит из деятельности, которую он осмысляет, то это состояние, состояние пустоты или свободы — это что есть такое? Дальше мы начинаем понимать, что в СМД-подходе нет таких представлений**.** Есть понятие позиции, но это деятельностная категория, которая фиксирует этого позиционера, а что там внутренне, антропологически происходит и как это можно антропологически схватить.

Поэтому в одной из статей я ввел понятие — феноменальная единица эмпирии («фея»). Я ввожу ее в рамках вроде бы СМД-подхода, но, с другой стороны, в его рамках нет феномена. То есть, по-другому говоря, мы можем закрепить движение, например, рефлексивного выхода, но мы не можем никак закрепить состояние, не можем никак это состояние описать и схватить. А дальше начинаются интересные вещи. Мы ставим задачу ученикам: опишите свои ситуации образовательного события и опишите свои образовательные интересы. Что мы имеем? Мы имеем тексты, написанные мифотворческим языком, и это продолжается уже несколько лет. Возникает вопрос — почему?

Ответ очень прост. Когда он вышел в это состояние пустоты ему на каком языке там самому с собой работать? Если нет языка, то, значит, мы эту практику самоопределения, на самом деле, развернуть не можем, а если и можем, то только по отношению к деятельности, а если по отношению к деятельности, то надо признать, что мы опять совершаем редукцию.

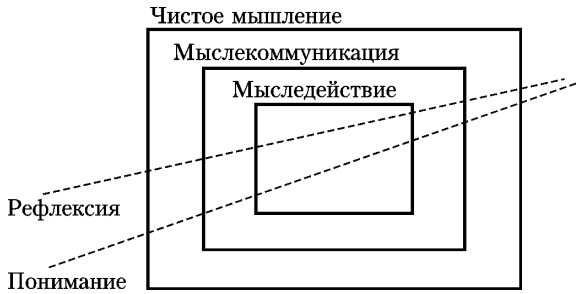
Вот откуда, собственно, проблема представленных размышлений.

Дальше, вводя схему мыследеятельности, фиксируем, что тут тоже нет представлений о состоянии. Если с точки зрения СМД-подхода мы можем говорить, что существуют для субъекта нормы, которые он преодолевает в ходе самоопределения, что там существуют рамки, которые он преодолевает в ходе самоопределения, то, например, что может существовать с точки зрения феноменологии, что он сущностно преодолевает, потому что нормы и рамки это не его образование. А что он в себе преодолевает? Что меняется в его органике, когда происходит преодоление норм и рамок?

Далее надо будет ответить на вопрос: как мы фиксируем появление субъекта индивидуальности. Например, через поступки, как некоторые аномалии нормативного действия. Ведь все разговоры о самоопределении тесно связаны еще с понятием «индивидуальности». А там возникает вопрос: с помощью чего мы схватываем «следы индивидуальности». Более того, достаточно этого языка или нет, чтобы это схватить.

§ 2. Самоопределение как процесс

Итак, надо понимать, что, в отличие от деятельностной онтологии, или от деятельностного подхода, мыследеятельностная онтология — это расширенное употребление понятия деятельность, но расширенная настолько, что она интерпретируется как мыследеятельность и конкретно рассматривается как совокупность и связь пяти процессов: коммуникации, мышления, мыследействования, понимания и рефлексии. (Эти процессы принято относить к так называемой «коллективной мыследеятельности».) Схему мыследеятельности иногда еще изображают следующим образом:



При этом за бортом остаются *процессы понимания и рефлексии.* Потому, что процес понимания должен изображаться перпендикулярно этому изображению, то есть это не рядом положенные процессы. Процесс рефлексии обеспечивает процесс хождения между этими слоями. Т. е. надо понимать, что процесс рефлексии и процесс понимания качественно другие по отношению к остальным. Заметьте, мыследеятельность, и часто так говорят, соразмерна коллективной мыследеятельности и это принципиальный момент. Лишь только в коллективной мыследеятельности мы можем наблюдать всю полноту перечисленных процессов. В этом смысле, онтология мыследеятельности является той минимальной единицей, клеткой, из которой выводятся все остальные процессы и организованности.

То есть, по-другому говоря, представления о мыследеятельности, после того как мы приписываем этой категории статус онтологической, начинают переорганизовывать все, что происходит вокруг как процессы этой самой мыследеятельности. Т. е. мир мы начинаем интерпретировать как мир мыследеятельности. Для нас, в этом смысле, ничего не существует, кроме как мыследействование,

коммуникация, мышление, рефлексия и понимание. Это очень принципиальный онтологический ход. Он не только имеет отношение к СМД-подходу, но он имеет отношение и к другим подходам. Это значит, что если мы взяли предельную онтологичекую категорию, то дальше мы с ее помощью начинем интерпретировать весь мир и весь мир становится для нас такой своеобразной картиной мыследеятельности.

СМД-антропология строится через *три плана существования человека.* Первый план — план индивида. В этом смысле, этот план есть элемент и функциональное звено мыследеятельности. Грубо говоря, когда мы существуем как часть какой либо мыследеятельностной машины, то мы выступаем как индивиды или реализуем свои индивидные функции. Соответственно, существует и план индивидуального. План индивидуального рассматривается через циклы жизнедеятельности человека, рассматривается через процессы индивидуализации мыследеятельности. Как мы присваиваем себе мыследеятельность? И, в этом смысле, план индивидуального работает, прежде всего, с индивидуальной историей, с историей того, как мы присваиваем себе процессы мыследеятельности.

В том числе здесь существует и план личностного. Его следует рассматривать через единство личной «территории» и поступка. Личная «территория» имеет отношение к тому фрагменту, который мы замыкаем в мыследеятельности, и, в этом смысле, в разных формах представленности мыследеятельности, например, в социальных и политических формах. Это есть наша «территория». Наша «территория» — это место формы мыследеятельности, которую мы занимаем, и поступка, который мы на ней осуществляем. А поступок уже находится в перпендикуляре по отношению к схеме мыследеятельности. Это такой своеобразный несанкционированный прорыв. Вы понимаете, что машины мыследеятельности существуют не только вот так — на доске, они существуют еще и в разных деятельностных, т. е. социальных формах.

Это представление СМД-антропологии — вещи уже известные. Мы уже сейчас начали прояснять кое-что про индивидуальность, индивида, брать источники, нарашивать содержание.

Вопрос: Как можно «поймать», зафиксировать индивидуальную историю?

А.П.: Вопрос серьезный, на самом деле, а как эту историю можно описать, фиксировать. Дальше надо восстановить онтологию мыследеятельности, далее надо понимать про то, как устроена рефлексия, понимание, мышление, коммуникация и мыследействование, и через их устройство фиксировать

новообразование ученика. До тех пор, пока у нас нет представлений о рефлексии, коммуникации, мыследействии, до этих пор мы, соответственно, мы не можем написать историю своей индивидуальной образовательной программы.

В этом смысле, когда мы говорим об СМД-педагогике и по описанию учениками своей индивидуальной образовательной программы они нам должны логично задавать вопрос: из какой рамки, они должны брать и описывать свою историю отношений с рефлексией, с коммуникацией, с пониманием и т. д.

Следующий ход. Программый подход к такой системной представленности человека, требует выявления *зоны ближайшего разития человека* и зоны развития его мыследеятельностных функций, или его движения в рамках этой зоны. То есть, говоря другими словами, когда мы начинаем использовать идею развития человека, в данном случае через программный подход, то мы должны думать о механизмах развития его мыследеятельностных функций. Вот здесь реализация такого подхода и таких установок, позволяет говорить об антропонике, как о технике и практике вырашивания этих мыследеятельностных функций.

Вопрос: Это человек сам делает или это внешние воздействия?

А.П.: Мы сейчас не обсуждаем технологию этого процесса. Я думаю, и сам и внешнее воздействие. Но это уже технологический вопрос. Об этом чуть позже.

Вопрос: Если антропоника занимается выращиванием мыследеятельностных функций, то что это за базовый процесс? До этого было сказано, что в рамках СМД-подхода человек обсуждается как возможность самоопределения по отношению к различным процессам от мышления до рефлексии, далее говорится о том, что представления о человеке складывается из трех разных планов.

А.П.: Я сейчас проговорю еще один кусочек, и от этого твой вопрос изменится.

Наверное, самоопределение не следует рассматривать по отношению к миру мыследеятельности, а самоопределение осуществляется в рамках мира мыследеятельности.

Вопрос: Вы сказали, что реализация программного подхода в системном представлении о человеке позволяет говорить об антропонике как о технике выращивания мыследеятельностных функций в поле ближайшего развития человека. Какой процесс, исходя из этого, обеспечивает выращивание мыследеятельностных функций? То есть это действие по выращиванию мыследеятельностных функций какой процесс обеспечивает? Исходя из этого, можно понимать, что есть человек в мыследеятельности.

А.П.: Антропоника имеет дело с процессом развития человека, наращиванием его потенциала — потенции как спектра возможностей.

Функции мыследеятельности не должны присваиваться и, по всей видимости, они не присваиваются репродуктивным методом. Функция мыследеятельности должна выращиваться на самом этом материале. Нельзя обучить рефлексии — «запишите: рефлексия есть это, это, это, теперь рефлектируйте». Надо создать специальные условия, где можно выращивать, а не пересказывать. Выращивать эти функции надо на человеке. Но просто на людях этого делать нельзя и появились тематические образовательные мероприятия. Нужен тематический материал. Как только появляется ситуация темы, сразу появляется идея школы. Потому что ребенок в школе не только получает антропонические способности, но и осваивает материал. Причем практика показала, что материал в антропонических системах осваивается ребенком по сопричастности. Кстати, дети в таких системах начинают быстрее учиться — быстрее осваивать.

Сейчас я хочу зафиксировать ту проблему, которую мы начали обсуждать вчера. В тот момент, когда мы говорим, что антропоника есть техника выращивания мыследеятельностных функций на искусственно-естественной органике человека, возникает проблема, связаная с возникновением и организацией антропопрактик. Общее представление, которое существует в СМД-подходе о самоопределении, заключается в том, что якобы есть тот, которого можно назвать «определяющий», и есть то, что он определяет, как бы «марионетка». П.Г. Щедровицкий справедливо замечает, что здесь существует так называемая онтологическая неравновесность или онтологическая децентрация, они не равноположены. Определяющий не равен марионетке и они не соразмерны. И возникает вопрос «где он? а где я?». А каким образом создается эта ситуация? Есть третий фрагмент, аспект — это то, по отношению к чему происходит самоопределение. Самоопределение не происходит в пустоте, оно происходит по отношению к чему-то. На одной из тьюторских конференций я попробовал описывать это поле, откуда пришли «эти двое», это поле я назвал «субъект индивидуальности». Но тогда я допустил ошибку, я стал говорить о субъекте индивидуальности как о третьем, которого нет, но его надо изобразить. Теперь я понимаю, что это ошибка, что о субъекте индивидуальности говорить надо, но не в рамках СМД-антропологии, а в рамках феноменологии. Вот с этого момента и начинается другая традиция.

В этом смысле для СМД-антропологии ситуация самоопределения изображена, вот она. Действительно, есть тот, который определяет, есть то, что послали определяться, есть то, по отношению к чему происходит самоопределение.

Но возникает проблема, которую я фиксирую: где та инстанция, которая всю эту картинку держит и представляет? Такое ощущение, что если ограничиться только этой картинкой, то происходит исчезновение себя.

П.Г. Щедровицкий пишет, что самоопределение связано с освобождением от деятельности. В некотором смысле, самоопределение связано с отказом от себя. Он приводит пример греческого театра, который больше чем сама жизнь походил на жизнь, потому что он был связан с масками. Вот они эти маски, эта жизнь, отсюда и особое внимание этого автора к работе Л.С. Выготского «Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира»: «Гамлет — это онтологический мир, это человек, в котором борются и сталкиваются две природы — индивидуально-психологическая и культурно-историческая сущности человека»[25].

Итак, Человека самоопределяющегося здесь нет. Здесь есть определяющий и марионетка. Это предельная схема. Мы же находимся в поиске приблизительно того, что М. Хайдеггер именовал «онтическим «делом» присутствия».

Можно понять так, что есть люди, которые не самоопределяются, то есть те, которые не делают усилия на доставления «марионетки», а те, которые постоянно, натурально, естественно занимают эту позицию или отождествляются с ней.

Возникает вопрос, а есть ли этот субъект индивидуальности, который держит всю эту схему. Потому что мне кажется, что эта схема онтологически не полна. Потому что мы не можем с вами понять, как же эта схема присваивается человеком, как же она появляется. Как же у Гамлета появляется идея о раздвоениях, в какой момент, почему. Человек не рождается с такими представлениями об организации своей жизни. Здесь вчерашняя проблема усиливается. Возникает новый натурализм. Я бы его назвал натурализм движения или натурализм процесса.

Как только мы этой схеме приписываем самостоятельное онтологическое значение, мы попадаем в новый натурализм. Если хотите — это «натурализм процесса». Если до этого мы натурализировали объекты, запрещали интерпретации, говорили, что мир объективно данный, то теперь мы натурализируем процесс. И наш человек — это человек бегущий.

Этой схемы достаточно для представления о самоопределении как о процессе.

---

[25] Щедровицкий П.Г. Культурно-историческая концепция как философская антропология / В сб. Наш понедельник. Новосибирск, 1998. С. 108.

Проблему возможно сформулировать по-другому: а в какой момент и благодаря чему эта схема начинает быть использованной, в какой момент наступает ситуация самоопределения, почему она наступает у одних и не наступает у других. Это проблема для практика потому, что тот, который организует практики самоопределения, он по отношению к этой схеме выступает в рефлексивной позиции. Ему необходимо, чтобы эта идеализация развернулась в действительности. Как она может быть присвоена другими? Почему это вдруг они возьмут ее за собственный инструментарий? Мне кажется, что ту проблему, о которой я говорю, можно зафиксировать только из поля антропопрактик, т. е. рефлективного поля по отношению к этой схеме. Мне кажется, что эту проблему можно снимать через представление о самоопределении как онтологии. Если эта схема рассматривает самоопределение как процесс, то нужно для снятия проблемы рассмотреть самоопределение как онтологию.

§ 3. Самоопределение как онтология

В качестве предположения можно высказать тезис о том, что практики самоопределения существуют как практики оформления реальностей. Собственно, такие практики оформления реальностей можно называть гуманитарными практиками или практиками свободы. В этом смысле через процессы самоопределения должны прежде всего фиксировать новые типы реальностей. Но если говорить феноменологическим языком, то надо говорить, что фиксировать бытие. Причем фиксировать это бытие не просто из онтологической рамки, а бытие как определенное понимание и ощущение. Необходимо учитывать, что феноменальная логика — это логика отдельного или логика особого. И в этом смысле феноменальную логику используют при описании сознания или вернее явлений сознания, потому что сознание описать невозможно как таковое, а возможно описать явления сознания.

В СМД-подходе существует тезис о том, что самоопределение связано с освобождением от деятельности и от мыследеятельности, и там это связано с современной интерпретацией феномена свободы. Но свобода не дана всем и сразу. Есть какие-то явления в нашей жизни, которые индивидуальны и уникальны. Явление экономического кризиса всеобще, а явление свободы индивидуально и уникально. В этом смысле свобода является феноменом.

Таким образом**,** *свобода* как феномен должна появиться до самоопределения как процесса, до деятельности и мыследеятельности, т. е. до проектирования, до социального действия. Феномен свободы есть как бы своеобразный до-акт по отношению к теории управления самоопределением в СМД-подходе.

Человек должен овладеть феноменом свободы, он должен его знать, ощущать. Вот как раз это описание феномена свободы или ощущение феномена свободы дает нам исходный субстрат для самоопределения. И дает нам в том числе исходную теорию самоопределения и, следовательно основание для проектирования исходных антропопрактик или антропоник. Дает контекст для обсуждения самоопределения.

Далее я сделаю следующее различение. Самоопределение можно рассматривать динамически, процессуально и статически.

В первом случае мы имеем дело с мыследеятельностью, а во втором с сознанием. Проблему сознания можно рассматривать через такие статические, т. е. стоящие формы, как например, язык человека, на котором он говорит, знаки и символы, и что самое главное события. Событие вообще само по себе не происходит, событие — это то чему мы придаем статус события. И это очень важно для описания индивидуальных образовательных программ и индивидуальных образовательных траекторий. Потому что когда педагог в антропонике просит ученика описать индивидуальную образовательную программу, он просит его описать образовательные события. Историю индивидуальности можно описывать лишь на языке событий. Потому что, если индивидуальность рассматривать как процесс индивидуализации функций мыследеятельности, то теперь индивидуальность можно рассматривать как историю событий по присвоению функций мыследеятельности. Если мыследеятельность для нас событийно оформляется и остается в памяти, то для нас это и является нашей индивидуальностью. Это есть соединение процессуальной и статической теории самоопределения.

После того как мы с вами вводим категорию события и накладываем как бы теорию деятельностного самоопределения, появляются необходимые для практики «проектные опоры». Событие это как бы «дыра в мире», через которую мы можем почувствовать ощущение бытия.

Сознание связано с такими культурными формами как язык, символ и событие. А событие — это совершенно гуманитарная категория. Событие появляется только через наши интерпретации. Индивидуальная образовательная программа — это как бы программа проектирования события. Программа доактирования, т. е. программа оформления собственной свободы. И это все до самоопределения. Дети не должны рисовать себя как значок позиции. У них доактовое состояние. В этом смысле ШГО, конечно, школа, построенная в СМД-подходе, но это не означает, что мы должны натурально использовать те схемы, которые там существуют. Мы проектируем из рамок СМД-подхода, но дети могут не догадываться об СМД-подходе.

Второй момент, который касается того, по отношению к чему происходит самоопределение. Я бы это облако связывал со структурой сознания, по-другому я бы его назвал «экран самоопределения». Если нет такого экрана самоопределения, мы можем сделать вывод, что нет интерпретаций, нет расчищенных версий по поводу того, к чему надо самоопределяться. Чтобы построить этот экран надо построить версии и интерпретации. Если нет этого экрана, то нет поля свободы. И, следовательно, опять возникает объективизм и натурализм.

Таким образом, следует признать, что самоопределение как процесс и самоопределение как онтология эмпирически не расчленяются, т. е. в жизни на самом деле, в нашем опыте они не расчленяются, их только теоретически можно отличать. Но в проектировании практик, например, педагогических, они должны быть выделены относительно друг друга. Если одна есть практика движения и устремления, то другая есть практика оформления и обозначения. Феноменологический подход дает оформление и обозначение. Обе эти практики и формируют то пространство, которое мы называем история или индивидуальность.

Вопрос: Правильно ли я понимаю, что история индивидуальности есть единица СМД-антропологии?

А.П.: Да. Отсюда метод интроспекции как основной исследовательский метод у нас в школе. Подходы нужны для проектирования, а реализацию мы осуществляем из жизни. Это у нас в голове подходы. А практика, она целостна.

Лекции по философии должны быть вызваны прежде всего практическими проблемами. Невозможно читать лекции по философии, не занимаясь инновационной практикой, той, которую раньше не осуществляли и, может быть, никто не осуществлял.

В гуманитарных технологиях мы сейчас переносим фокус с самой деятельности на то что я называю пространство, ощущение. То, что существенно, но что мы не можем выделить заранее. Феноменологический подход в этом смысле является открытым подходом.

Вопрос: Нет ли опасности педагогической логикой, в некотором смысле деятельностной, задавать пространство человека?

А.П.: Мне кажется, что в антропонике этой проблемы не существует. Установочный доклад на наших сессиях совершенно не то, что установочный доклад на ОДИ, где задается определенный вектор дальнейшего движения. На нашей сессии доклад читается для того, чтобы сбить стереотипную нацеленность, векторность, линейность; задать возможность для протсранственных логик.

Вообще мы лишь актуализируем для юношей доакторную картину, и никакого самоопределения они у нас, в буквальном смысле не

получают. И в этом смысле нет никакой педагогической рамки. Вообще подобное направление на Западе называется «Антипедагогика».

Вопрос: То есть тьюторство в данной ситуации — это сопровождение по полю дактового самоопределения.

А.П.: Или создание доактового самоопределения. Актуализация. Задача тьютора создать антроподром. Устроить эту зону, причем люди здесь могут делать совершенно какие-то обыденные действия. Сама ситуация должна быть тьюторской.

Вопрос: Можно ли описать феноменальное доактовое поле, какие у человека ощущения и как это описывать?

А.П.: У М. К. Мамардашвили есть одна работа — «Психологическая топология пути», построенная на основе анализа произведения Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Там много философских размышлений как раз по поводу феноменальных состояний человека. Но проблема действительно есть: в каком языке мы должны проектировать и в какой традиции описывать антропопрактики?

Литература

1. Бахтин М.М. К философии поступка// Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984—1985. М.: Наука, 1986.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Громыко Ю.В. Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского. К идее мыследеятельностной антропологии. М., 1996.
4. Данилова В.Л. Антропотехника как проблема методологии // Вопросы методологии. 1995. № 1—2.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
6. Красиков В.И. Метафизическое самоопределение человека. Автореф. докт. диссертации. Томск, 1995.
7. Мамардашвили М.К. Естественно-историческое описание явлений сознания // Вопросы методологии. 1992. № 3—4.
8. Манхейм К. Эссе о социологии культуры. Москва-Спб.: Университетская книга, 2000.
9. Новая потсиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
10. Табачникова С.В. К постановке вопроса о СМД антропологии // Вопросы методологии. 1991. № 2.
11. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социологос. Вып. 1. М.: Политиздат, 1991.
12. Хайдеггер М. Время и Бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. (Мыслители XX века).

13. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальное средство теории деятельности /В кн. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995.
14. Щедровицкий Г.П. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры. Психология и педагогика игры дошкольника. М.: Просвещение, 1966.
15. Щедровицкий Г.П. Томские лекции по управлению. Томск, 2000.
16. Щедровицкий Г.П. Материалы к программе построения системомыследеятельности антропологии. М., 1999.
17. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994.

ПЕДАГОГИКА КАК «ДИЗАЙН-ПРАКТИКА»[26]

«…педагогика, по крайней мере, в прошлом дискретна, в то время как воспитание непрерывно. Существовали народы, у которых, в сущности, не было педагогики; она появилась лишь в более поздние исторические времена. В Греции она появилась после Перикла, с появлением Платона, Ксенофонта и Аристотеля. В Риме же она почти не существовала. В христианских обществах значительные труды по педагогике появились только в XVI веке, но ее развитие замедляется в следующем веке, чтобы вновь обрести свою мощь в XVIII веке. Дело в том, что человек осмысляет свою практику не всегда, а только когда в этом возникает необходимость. При этом условия для подобного осмысления не всегда и не везде даны».

Э. Дюргейм

«Они не бегут во Флору, они образуют Флору. Вообще они бегут не «куда», а «откуда». От нас они бегут, из нашего мира они бегут в свой мир, который и создают по мере слабых сил своих и способностей. Мир этот не похож на наш и не может быть похож, потому что создается вопреки нашему, наоборот от нашего и в укор нашему. Мы этот их мир ненавидим и во всем виним, а винить-то надо нам самих себя».

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Организация полноценной практики предусматривает проектное оформление различных сфер и уровней предполагаемой в результате реализации практики реальности. Различные практики отличаются различным уровнем сложности — это обозначает увеличенное количество рефлексий, необходимо удержанных для реализации и существования практики. Так, например, художественная практика — это один уровень сложности, обучение ей — другой, а организация влияния художественной формы на сознание людей — уже третий и т. д., но на самом деле все не так линейно просто, а гуманитарно сложнее.

Педагогические практики, представленные через образовательные оболочки, являются одними из самых сложных в культуре. Педагогика — это всегда ход на расширение любого пространства существования. В практику педагогики может оформиться то, что имеет возможность расширяться по глубине и количеству контек-

[26] Эссе подготовлено в июле 1998 г., Прин (Бавария).

стов, соразмерных человеку, входящему в эту практику (как «сущность» у Бредбэри). Конечно, педагогика вторична по отношению к первичному праксису, но у нее есть и новая функция — расширение до любых практик как возможностей существующих в ней субъектов. Поэтому Дюргейм прав, когда пишет, что «почти все великие педагоги — Рабле, Монтень, Руссо, Песталоцци — революционные умы, восставшие против обычаев своих современников. Они упоминают о старых и существующих системах лишь для того, чтобы осудить их, чтобы заявить, что у них нет основы в природе. Они их почти полностью разрушают и стараются построить на их месте нечто совершенно новое»[27]. Это есть функция расширения, на которую я указываю. Педагогика есть по принципу новатика, но при этом новатика, претендующая на комплексность обеспечения жизненного цикла уже с привлечением и употреблением первичных практик: религии, философии, науки, политики, экзистенциологии и др. Интенция на расширяющуюся открытую новатику и есть атрибут педагогического праксиса. Отсюда и многообразие видов деятельности в педагогическом проекте. Например, в проекте «Школа гуманитарного образования» это и непосредственная работа с детьми, и теоретическое проектирование, и метафизический поиск и его философское оформление, и исследовательская работа, и социально-общественные проекты, политическая активность, региональная институтализация и т. п.

Другой интенцией представляется редукция педагогического до закрытых линейных систем, что уже не является педагогическим хотя бы потому, что не обеспечивает новое поколение средствами для жизнедеятельности.

Итак, редукция педагогического не является педагогическим. И тогда ясно, что конфликт практик очень часто не существует: есть конфликт между педагогикой и ее редукцией, между педагогикой и ее отсутствием, между сущностью и пустым местом.

Система полноценной практики включает в себя такие уровни своего существования и организации, как концептуализация, идеологизация, регионализация и проект (логизация).

В деятельностной культуре осуществляется своеобразное вертикальное восхождение человека по этим уровням, что задает смысл антропологического бытия в этой культуре.

Если же создаются практики нового типа, то следует «выращивать» каждый из этих уровней либо на материале хроники одного жизненного цикла (поколения), либо, программируя деятельность так, чтобы последующий уровень закономерно был выращен усилиями других.

[27] Дюргейм Эмиль. Природа и метод педагогики. М., 1996.

* * *

Следует учесть, что будущая педагогика — это не педагогика объектов наличного мира, это «виртуальная педагогика». Для своих образовательных режимов мы специально создаем новые социокультурные объекты и «на них» строим образовательные эффекты. Итак, «виртуальная педагогика», потому что мы не работаем на «специальных детских макетах» ситуаций (подобно тому, как в школе иногда с детьми играют в некую страну), а втягиваем реальные жизненные ситуации или создаем их сами.

«Он же сам все это организовал. Вынужден был организовать… Странный и страшный поступок, не спорю. Но не оставалось Ему иной трибуны, кроме креста» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом, или сорок лет спустя»).

Настоящая образовательная система обязательно должна удерживать ряд функций, среди которых социальная инженерия преобразований и организация будущих альтернативных форм человеческой жизни. Необходимо самим создавать новые социальные пространства и осуществлять в них жизненные поступки.

Настоящие Учителя не учат, они Живут свою Жизнь. *«Да перестаньте вы, в самом деле. Ну, какой я вам терапевт? Я самый обыкновенный пациент» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом»).* «Своя жизнь» человека возможна через вхождение и оформление региона самоопределения — это и есть образовательная ситуация и для человека, и для региона. Регионализация связана с культурной идентификацией и индивидуализацией. Не находящимся в этой образовательной ситуации вполне подходит из Стругацких следующее: *«…им по-прежнему неизвестно, для чего они существуют на свете. Как будто это тайна какая-то…»*

О превращении события в культуру, или жизнь на истории

«Происхождение второй рукописи загадочно — столь же загадочно, как и ее содержание. …Он сказал, что эта рукопись … способна вывести меня из плоскости обыденных размышлений. …Ни имени автора, ни названия на папке не значилось, были только две большие буквы синими чернилами: О и З.» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом»).

Каждый из нас в разных местах, наверняка, видел художественное изображение библейских историй. Увидев росписи и картины во дворце Людвига II (Бавария, Chimsee), где переплетались религиозные образы с образами земных страждущих, я вдруг четко и ясно стал понимать, что наличное социальное событие может быть превращено в культурное через особый тип проектирования и отношения к нему. Культурная идентификация (вход в поле и тело культуры) происходит через полагание социального события как истории.

Индивидуально на человеческом «теле» (субстанции) такое полагание реализуется в форме исповеди (сейчас не важно, кому, зачем и почему; я думаю, исповедь организуется собой и для себя). Далее на другом «теле», например, социальной истории, это может существовать в сказаниях, притчах, анекдотах, романах, наконец, проектах. Таким образом, проект — это не есть лишь социальная форма организации события. Это способ организации социальной материи, ее превращения в культурную форму.

Идентификация себя со «страждущим» на религиозном изображении позволяет не просто осознать свое греховное существование, но и вывести его в план некой культурной истории (история по определению культурна), где и возможно искупление. А далее происходит метаморфоза поступка и события в тело культурной истории. В результате этого превращения событие (индивидуальность в данной логике мыслится также событием) еще в проектном залоге становится культурным. При этом, заметьте, не так уж важны размахи, объемы, количество.

«Г.А. не стал с ним спорить. «Десять задумавшихся — это совсем не так мало, — сказал он примирительно. — Дай бог каждому из вас на протяжении всей жизни заставить задуматься десять человек. Не к народу ты должен говорить, — продолжал он, возвысив голос с иронической торжественностью, — но к спутникам. Многих и многих отманить от стада — вот для чего пришел ты ... Откуда?» Никто не знал, и Г.А. сказал: «Ницше. Это был большой поэт. Однако ему весьма не повезло с поклонниками» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом»).

Но опыт показывает, что с PR-кампаниями истинно культурного события проблем, как правило, не бывает. *«Как было приказано, он оставил стражников на пороге, а сам вошел в дом. Все сидели за столом и слушали Рабби ... Войдя, он сказал, как было приказано: “Я пришел, Рабби”, и Рабби, ласково освободившись от рук Иоанна, поднялся и подошел к нему, и обнял его, и прижал к себе, и поцеловал, как иного сына целует отец. И сейчас же в помещение ворвались стражники, а навстречу им с ужасающим ревом, прямо через стол, вылетел Иоанн с занесенным мечем, и начался бой» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом»).*

Задача «PR-мэна» заключается лишь в предъявлении самого события.

А далее культурно идентифицированное событие (то, которое «строит» историю) поддерживается символикой смыслов интерпретаций (заметьте, как много Г.А. в «О. З.» цитирует). И объяснения, то есть деконструкция и реконструкция, могут быть произведены через вхождение в семиотику идентифицирующей культуры. Культурное событие (в случае антропологического материала это

есть «индивидуальность») через рефлексивную самообращенность и интерпретацию предстает как порождение истории (может быть, это и можно назвать «гуманитарными технологиями»).

«Виртуальная» педагогика создает новые социокультурные объекты, которые являются пространством рефлексий и интерпретаций, «чистой» возможностью публичного явления культурного тела и горизонтов онтологий. В истории культуры всегда были такие пространства, специально обустроенные, например, проповедь и религиозный диспут, Агон, площади Древней Греции, научная дискуссия, в советское время — организационно-деятельностные игры и т. д. В настоящее время такое пространство начинает задаваться политическими практиками: «Политика — это возможность говорить правду» (Бурдье). Для нас, гуманитарных проектировщиков, такое пространство должно задаваться практиками культурной политики.

Как только исчезает такая рефлексия и отсутствует способ и типаж интерпретаций, событие «выравнивается в горизонталь». И тогда наступают другие интерпретации, линейного типа, даже и не интерпретации, а, скорее, информационный обмен версиями «здравого смысла», которые, по существу, нивелируют культурное восхождение.

Игра на понижение

«Мы пришли в гороно ... Г.А. иронии не принял. «Ты хорошо представила себе, как это будет? — спросил он. — Этих мальчишек и девчонок будут волочить за ноги и за что попало и швырять в грузовик, их будут избивать, они будут в крови. Потом их перешвыряют на платформы, как дрова, и куда-то повезут. Тебе это ничего не напоминает?»

Она (Ревекка Самойловна Гинсблит — типичная заведующая гороно) несколько побледнела и построжела, но тут же возразила, что Г.А. сгущает краски, все эти ужасы вовсе не обязательны, все будет проделано вполне корректно и в рамках человечности» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. «Отягощенные злом»).

Линейные интерпретации не предусматривают наличия того, что не входит в горизонт интерпретирующего. Они не предусматривают различных способов и типажей самоопределения. Понятие «открытое» здесь не проходит. Но если сегодня очевидно, что законы квантовой (нелинейной) физики иные и предусматривают понятие «вероятность» в отличие от классической физики, то социальный и личностный мир до сих пор может быть представлен как нормодетерминированный. Отсюда и природа репрессивных институтов, которые имеют самые различные виды в сегодняшней России.

Отсутствие идеологии «открытости» как понимания того, что социальный баланс возникает в коммуникационных техниках диалога и

практиках «общественного договора», приводит к невозможности решить гуманитарные задачи, а следовательно, и к невозможности справиться с социальными проблемами. Так, «Флору» у Стругацких легче избить и убрать, чем начать работать с ней как с социокультурным явлением. Гуманитарное решение предусматривает понимание как главную функцию, с помощью которой возможно осуществить интерпретацию Другого.

Постмодернистская регионализация

Для последующего рассуждения принципиальной является сама проблема представленности праксиса. Следует указать, что до сих пор категория «практика» слабо разработана в традициях философского субъективизма[28]. По существу, проблема представленности праксиса есть проблема представленности человеческой сущности и бытия. Педагогическая же практика относится к практикам «рефлексивных надстроек», разворачивающих тот или иной праксис как образ реальности. Для педагогики самоопределения таким «полигоном реальности» выступает «регион самоопределения», причем педагогика самоопределения для своих агентов выполняет еще и функцию возможности конструирования пространства существования, которое не является ни учебным, ни игровым, ни имитационным, а реальным.

Педагогика самоопределения задается постмодернистским культурным поворотом, где происходит реконструкция и интерпретация культурных содержаний.

Традиционно ситуацию в России в период 80—90-х гг. характеризуют как кризисную с акцентом на экономический и социально-политический аспекты. Рассматривая социокультурную общественную материю как некоторую смысловую и одновременно художественно-семиотическую реальность, Россия представляется пространством разворачивания постмодернистских эффектов на границе, казалось бы, традиционных процессов: освобождения от власти тоталитаризма, преодоления сциентизма, перехода к нелинейным экономическим схемам, простроения межпоколенческих ценностей, демократизации форм социальной коммуникации, формирования фокуса индивидуального поступка и др.

Здесь я не буду останавливаться специальным образом на описании этих процессов, мое внимание привлекает постмодернистская переориентация, к которой, думаю, вполне возможно отнести такие социокультурные явления, как «Митьки», «Аквариум», Андрей Тарковский, братья Стругацкие, СМД-философия, российская феноменология (М. Мамардашвили) и «педагогика самоопределения».

[28] Эта статья не место для подобного анализа, хотя автор в своей работе постоянно удерживает эту проблему как параллельную задачу.

Вполне возможно, что на Западе это направление существует в рамках так называемой «критической педагогики» (Дж.Кинчлоу, Р. Рорти, Р. Аркима), критикующей позиции картезианско-ньютоновской эпистемологии в образовании, утверждающей, что реальность проблематична и искусственно сконструирована. Так, Р. Рорти ввел представление о двух типах образования: приобщение к культуре и эдификация — осознание истины о самом себе.

«*Edification*» у Рорти есть герменевтический дискурс. «*Edification*, — признает Рорти, — всегда паразитирует на нормальном дискурсе, она всегда является отходом от хорошо понятой нормы. Попытки переинтерпретации знакомого нам окружения на новом языке наших открытий выводит нас из переросших себя, чтобы помочь нам стать новыми».

Педагогика самоопределения в своем постмодернистском контексте переоформляет институциональные формы педагогического существования.

Здесь следует ввести ряд основополагающих представлений. Я исхожу из того, что педагогика как социокультурная практика имеет формы существования, или организованности, которые задают в социальной среде разворачивание того или иного процесса. При этом основным объектом выступает социально-исторический институт. Например, в религиозных практиках таким является церковь, в педагогических — школа. Некоторые исследователи отмечают, что школа в истории была своеобразным прототипом основного социального института, типа коммуникаций, типа познавательного и онтологического отношений. И в этом состоит вторичность характера педагогического дискурса и педагогического праксиса в целом.

Следует заметить, что педагогика самоопределения меняет само отношение вторичности педагогики, однако при этом не стоит приписывать ей переход в так называемые первичные практики. Дело не в этом. Суть — в изменении вида вторичности. Педагогика самоопределения меняет ориентацию на другой прототип, например, на коммуникации и способы онтологического полагания. А в целом это и есть специфика явления «российского постмодернизма», способного удерживать явление «сущности» и «существования» одновременно. В той же объективной ситуации как бы меняется фокус рассмотрения реальности. Так возникло яркое явление русского постмодернизма — русский рок. Казалось бы, привнесенная традиция объективно должна была оформить русофицированное содержание, но в результате мы имеем уникальное явление, которое уже само по себе есть саморазвивающийся культурный феномен, захватывающий рок-н-ролл, русскую поэзию, эстрадные формы разного рода андеграунда как средство своего существования.

Постмодернистская логика по-иному определяет уровень «регионализации» педагогической практики — педагогика не поддерживает ставший и функционирующий регион, она провоцирует новое региональное оформление на фокусе индивидуальности как точке сборки.

Технологии педагогики самоопределения на уровне регионализации превращаются в средства культурной политики, поскольку, во-первых, возникают образовательные регионы как рефлектируемые точки сборки, искусственные поля («зоны») становления и оформления человеческой сущности. Это своеобразные «касталии», которые в современном мире являются уже не пригодными пространствами, а основными и определяющими жизненно важные события в современной бытие-антропологии. «Касталии», сравнимые по мощности культурного влияния с институтами монастырей и университетов средневековья, но в сегодняшнем постмодернистском виртуальном состоянии.

Во-вторых, регионы индивидуальности (и индивидуализации) станут зоной необходимого желаемого проникновения. Эти регионы несут функцию смыслового проникновения как способов индивидуального самоопределения. Подобное было и в религиозной традиции (способы спасения). Но они были «культурными», потому что были массовыми; здесь же иная логика: «культурное», поскольку индивидуальное. «Фигуры идентичности» как фигуры самоопределения определяют регион существования, процессы регионализации задаются траекториями индивидуализации, и вся регионалистика будет разворачиваться через подобную «фигурность».

В-третьих, регионализация происходит и через рефлексивную объективацию. Например, Сибирь как Земля русской новатики, открытости, «бунтующего» самоопределения, новой ресурсности и т. д. Региональная рефлексивная объективация — это культурологическая предметизацию, формирование Духа и Образа Земли. Регионализация предусматривает рефлексивное «выворачивание» объектов мира и необходимую предметизацию, позволяющую употреблять в практике мир наличного бытия, то есть выводит все процессы самоопределения в трансцендентную сферу.

И, наконец, в-четвертых, регионализация осуществляется через многослойные стяжки-сети, что представляет собой уровень регионализации в практике. Сети — это управляемое средство удержания способов самоопределения и индивидуализации. Сеть является той объективно виртуальной основой, тем ресурсом, на котором и должен развернуться следующий уровень практики — проектология.

Именно так представлен для практики педагогики самоопределения уровень регионализации, в который мы сегодня входим. Поэтому закономерно, что вопросы регионалистики актуальны, прежде всего, для тех, кто запускает практики индивидуализации и реализует практику педагогики самоопределения.

«БУДУЩЕЕ ПРОСТО ШЛО СВОЕЙ ДОРОГОЙ»[29]

1. Будущее и Миры

Этот цикл лекций можно назвать «Основы философии самоопределения». Он подготовлен мной по мотивам исследования двух произведений братьев Стругацких. Одно из них называется «Туча», а второе — «Гадкие лебеди». Для нас с вами материалом рассмотрения будет текст киносценария «Туча», а в качестве объекта я предполагаю выделить способы представления Будущего. Должен сказать, что освоение разного типа гуманитарного знания вещь сама по себе очень проблемная. Как можно его осваивать? Существуют разные способы освоения людьми физики, химии, биологии — это хорошо делается в школах. Но вот освоение гуманитарных дисциплин очень затруднено, поскольку связано со специфическими методами понимания.

В своем курсе я не ставлю задачу литературоведческого, критического характера по отношению к тексту «Тучи». Я, скорее всего, даже не буду рассматривать сам текст. Для меня текст не принципиален, поскольку для меня «Туча» есть сценарий, а в сценарии интересен прежде всего текст образов, некий видео ряд. И поэтому я буду строить отношение к воображаемому фильму, который уже прокручен в моей голове и называется «Туча». То есть фактически, за время подготовки к этим лекциям я как режиссер, снял эту «Тучу», я ее смог увидеть. Я буду работать с картинами и образами, как бы рассказывать про фильм, которого нет.

Надо заметить, что эксперименты Стругацких, связанные с кино, не новы. Аркадий Натанович и Борис Натанович написали несколько сценариев по «Пикнику на обочине», а Андрей Тарковский поставил в свое время фильм «Сталкер». Тот, кто смотрел фильм «Сталкер» и читал «Пикник на обочине», мог заметить и понять, что Тарковский создал совершенно свою версию произведений братьев Стругацких. Он вложил в фильм те смыслы, которые, может быть, и не маячили в «Пикнике на обочине»; он, по существу, превратил его в некоторое экзистенциальное произведение. Я говорю это лишь для того, чтобы показать, что, может быть, у кого-нибудь в современном мире еще существует подозрение, что Стругацкие — это такая поп-культура,

[29] Цикл лекций, прочитанный в Школе гуманитарного образования в марте 1998 г. (Барнаул).

которая сейчас переиздается и т. д. Но я глубоко убежден, что произведения Стругацких являются классикой XX в.

К сожалению, жизнь и люди, особенно в нашей стране, устроены так, что в течении жизни общество не оценивает по достоинству заслуги и смыслы, которые были вложены в культуру тем или иным человеком. Но вот что странно: очень многие люди, включая поколение моих родителей и ваше поколение, говорят, что росли на Стругацких. Это очень примечательный факт. Поэтому мое обращение к произведениям Стругацких и, в частности, к произведению «Туча», оно для меня не случайно.

Итак, поскольку я уже остановился на Стругацких, я хочу рассказать небольшую предысторию, связанную с этими двумя их произведениями.

Произведение «Гадкие лебеди» написано в 1967 г. Это было принципиально новое произведение в творчестве Стругацких. Оно не было написано в той романтической традиции фантастики, к которой все привыкли. Оно очень долго ходило по редакциям, на него писалось много рецензий, но оно не издавалось. Случайно, то есть не по воле авторов, может даже тайно от них в какой-то степени, оно попадает во Францию и США и там издается. Конечно же, следует скандал: издание за рубежом! В СССР же оно ходит «в списках», то есть переписанное, распечатанное на машинке. Я даже это помню. Я захватил те времена, я тогда был студентом. Перепечатанный на машинке, соединеный скрепочками, текст передавался в общежитии из комнаты в комнату. Была даже целая очередь, кто за кем читает. Для нас это было своеобразным глотком не столько свободы, сколько мышления о свободе. Впервые «Гадкие лебеди» в нашей стране были опубликованы только в 1987 г. в журнале «Даугава» под названием «Время дождей». Здесь, в самой истории произведения, заложен некий авторский «выворот», некоторая авторская интрига. Дело в том, что в 1984 г. Стругацкие пишут «Хромую судьбу», и в ней существует повесть «Гадкие лебеди». «Хромая судьба» устроена следующим образом: одна глава как бы из нее, а другая из «Гадких лебедей», и они между собой чередуются. Тем не менее, исторически мы должны фиксировать существование трех произведений. Это: «Гадкие лебеди», которое было написано в 1967 г., «Хромая судьба», написанная в 1984 г. и включающая «Гадких лебедей», и произведение «Туча» — киносценарий по отношению к «Гадким лебедям».

Я решил начать с примечательного разговора с одним из учеников Школы гуманитарного образования. Он меня спросил об одной вещи, которую я перед этими лекциями решал для себя как проблему. Он спросил, еду ли я рассказывать про «Гадких лебедей» и «Тучу», или же я еду делать что-то другое. Я думаю, что все сами в состоянии прочитать текст. Поэтому, конечно, мне хочется сделать

нечто другое. Я попытаюсь построить философско-методологический ряд по поводу ситуации человеческого самоопределения.

Итак, вернемся к нашей теме. Как я уже сказал вначале, объектом нашего рассмотрения является весьма необычный объект — Будущее. Является ли Будущее хронотопом? Мы привыкли слышать: вчера, сегодня, завтра. Что есть Будущее, в этом смысле? Есть ли это хронологическая фиксация того, что будет завтра, или это нечто другое? Давайте сначала попытаемся разобраться с языком мышления о Будущем. Посмотрите, то, что случилось вчера, оно ведь было, существовало, имело место быть, и в этом смысле, оно есть, хотя и в прошлом. То, что происходит сегодня — оно тоже есть. А того, что будет завтра — его нет. Вопрос: разнокачественно ли это все? Дело в том, что когда мы перейдем в завтра, Завтра станет Сегодня, а само Завтра уйдет дальше. Завтра никогда не наступает. В этом смысле Будущее странный объект. Его нет.

Вопрос: Можно ли сказать, что человек живет одним днем?

А.П.: Как раз дальше я и хотел через отношение к Будущему положить понятие Жизни, а потом показать, зачем я читаю этот курс лекций, опираясь на произведениях братьев Стругацких. Я думаю, что само понятие Человека сопряжено, связано с понятием Будущего. Понятие Будущего есть то, что определяет собственно человеческую суть. И строительство, формирование себя (о чем мы часто говорим), с моей точки зрения, можно осуществлять только через разные отношения к понятию Будущего.

Итак, я поставил проблему: что есть Будущее? Достаточно ли его мыслить как простой хронотоп, который фиксирует, что Будущее — это то, чего нет сегодня, но что произойдет завтра как некоторое стечение обстоятельств? Это ли есть Будущее?

Здесь возникает вопрос о том, что, может быть, Будущее не есть нечто, что существует для всех одинаково, в одинаковой мере. Когда мы говорим «Будущее», то это ведь не вещь. И поскольку Будущее нам не представлено, не дано как вещь — одинаково объективная для всех, тогда получается, что Будущее есть совершенно специфический и уникальный объект в особом смысле слова. Это индивидуальный объект. И если продолжать рассуждения, то можно прийти к выводу, что Будущего как объекта нет, а есть лишь разные способы представления о самом себе, о своем собственном будущем. Мы не можем обсуждать Будущее абсолютно. О нем невозможно говорить, как о некой норме, неком правиле, которое существует для всех одинаково. Будущее переживается нами поразному, если, конечно, мы мыслим себя разными.

Таким образом, возникает утверждение, что Будущее осуществляется как какой-то внутренний акт. Оно не осуществляется вооб-

ще, всегда, везде и для всех. Оно осуществляется как нечто внутреннее в-себе-происходящее. Даже чисто психологически мы можем заметить, что иногда в нашей жизни бывают такие странные моменты, когда мы с кем-то долго не видимся или куда-то не ходим очень долгое время, и когда это случается, нам кажется, что это было только вчера. А бывает наоборот. Мы где-то находимся очень часто, интенсивно работаем, мало спим, и нам кажется, что за три дня прошла целая вечность. Будущее есть некоторая внутренняя динамика, внутреннее движение, внутренний акт.

Вот с этих рассуждений о Будущем, с моей точки зрения, и возникают представления о человеке. Существует версия, что вообще-то говоря, все дисциплины и все науки о человеке — это есть дисциплины и науки о культуре. Еще Макс Шелер в 1926 году, когда выдвигал основания философской антропологии, говорил, что на самом деле все науки о культуре есть науки о человеке. Наши размышления о человеке — это есть размышления о мире, в котором живет человек. Я бы даже усилил и сказал во множественном числе: размышление о мирах, которые он себе представляет. Вот отсюда возникает наша тема. Под «Будущим» теперь я уже имею в виду некий уникальный и специфический, индивидуальный способ размышления о себе, ощущение себя, представление о себе. И жизнь в этом контексте — это усилие по формированию представлений о Будущем, очень непростое усилие.

Мне кажется, что произведение Стругацких «Туча», построенное на материале «Гадких лебедей», во многом стимулирует размышления о Будущем, то есть размышление о самих себе. Эти произведения демонстрируют, показывают ситуацию человеческого движения к формулированию проблемы Будущего. В этом смысле, произведения Стругацких очень онтологичны, поскольку в них обсуждается проблема Реальности и Разных Миров.

Итак, на мой взгляд, «Туча» есть онтологическое движение, где определенным образом заданы множества миров, которые взаимодействуют между собой, и все это заканчивается определенным взрывом, где финал повторяется несколько раз. Это можно сравнить с броском камня, когда этот камень постоянно ускоряется, а потом идет много кругов по воде, и самый последний круг — самый спокойный. Но на этом я попробую остановиться, когда буду говорить о стратегии написания произведения.

Итак, для меня «Туча» — это некоторое движение Миров, или (я возвращаюсь к теме) представлений о Будущем. Мне кажется, авторы очень ярко и четко продемонстрировали понимание стратегий мышления о Будущем, понимание способов мышления о Будущем разными людьми. И я должен сказать, что это произведение о людях, о том, как они себе представляют Будущее. Именно так я вижу это

произведение и именно в такой логике буду его обсуждать. Но поскольку мне кажется, что такие темы надо обсуждать с теми людьми, для которых существует проблема Мира и проблема взаимодействия онтологий (миров), то я избираю именно молодежную аудиторию.

Я хотел бы обратить ваше внимание на проблематику Будущего в коллективном залоге. Язык — это вообще потрясающе сферная и предельно онтологичная вещь. Если вы помните, то в произведении есть такой момент, когда в первый раз появляется Ирма. Она залезает через окно и говорит: «Здравствуй, папа! Ты *нам* нужен!». Когда мы говорим «мы», мы уже определяем сферу, где мы есть, мы уже указываем на нечто, что нам позволяет говорить «Мы», на то, что нас объединяет. Ирма говорит: «Ты *нам* нужен». Будущее, или мышление о Будущем, может реализоваться лишь в некотором пространстве «мы», но реализуется оно лишь единственно возможным, уникальным способом. «Мы» — это место. Поэтому так: пространство «мы» необходимо для того, чтобы реализовать свою попытку исполниться, а уж попытка — дело индивидуальное.

Почему должны быть размышления о Будущем, а не просто о Мирах? Да потому что возможность признания Будущего (индивидуального и уникального) есть признание человеческого. Возможность того, что я признаю, что у кого-то есть Будущее, есть фактически моя фиксация того, что Он есть Человек. Отказ человеку в Будущем может звучать и формироваться разными способами. Он может осуществляться через общество (и мы видим примеры тоталитарных отношений); он может осуществляться через запрет отдельных людей, просто заключаться в сложившейся социокультурной ситуации, когда человеку отказывается в праве двигаться в других пространствах. Когда мы говорим о Будущем, мы признаем, что у Человека есть возможность создать свое уникальное Будущее. В этом смысле размышления о Будущем, вообще-то говоря, есть гуманитарный ресурс для определения себя в качестве Человека сегодня. Это есть признание права и возможности на самоопределение.

Когда у меня спрашивают про идеологию Школы гуманитарного образования, про педагогическую концепцию, я всегда говорю, что она, так или иначе, заложена в произведениях Стругацких. «Возможности», «потенция» — это и есть для нас идеология, то есть признание того, что у молодых людей есть возможность реализации будущего. Это как пружина, которая может развернуться. А потенция (как сила), она, вообще-то говоря, изначально не дана человеку, она им формируется через сомнение в том, что этот мир устроен правильно и я должен спокойно жить в этом правильном мире. И, кстати, в произведениях Стругацких это является ключевой линией.

Я долго размышлял, зачем Стругацкие вводят детские персонажи, ведь ими написано достаточно много вещей, в которых их нет? А потом вдруг «Гадкие лебеди», «Хромая судьба», «Отягощенные злом». Ведь Стругацкие не были педагогами, и, как мне кажется, не держали педагогической рамки. Это видно по их произведениям. Они нигде, как вы заметили — ни в «Гадких лебедях», ни в «Туче» — не показывают, коммуникацию между мокрецами и детьми. Там таких взаимодействий не показано, а только лишь обговариваются некие контуры. В «Отягощенных злом» есть некие разговоры педагога со своими учениками: он им дает задание, и они разговаривают. Помните примечательный момент, когда они стоят в лицее, и лицей забрасывается камнями, он окружен полицией, что-то там сверкает… Моя версия состоит в том, что детский персонаж для Стругацких — это образ, в котором скрыта некоторая программа будущего, программа, которая может развернуться. Эти образы ребят им нужны как образы будущего или, говоря жестче, как материал, на котором Будущее может реализоваться.

2. О понятиях анализа

Сейчас я попробую задать некоторую схематику того, как можно работать с разного рода деятельностями и коммуникациями. Сразу надо заметить, что если мы хотим получить какой-то смысл, то мы должны создать ситуацию деятельности и ситуацию коммуникации, взаимодействия. Поэтому в контексте нашего с вами обсуждения мы должны понимать, что мы не можем просто так подойти к произведениям, поскольку они для нас не будут представлены ни в какой деятельностной ситуации и ни в какой коммуникации. Что я имею ввиду, говоря о коммуникации читателя произведения? Речь не идет о натуральной коммуникации, разворачивающейся между разными людьми. Совсем не обязательно, чтобы вы с кем-то обсуждали прочитанное. Читательская коммуникация — это коммуникация моих внутренних голосов между собой, внутренних позиций по работе с произведением. Так, например, при чтении «Града обреченного» Стругацких я, как читатель, могу занимать до пяти различных позиций. Полисистемность или многоплановость произведения для меня продуктивна.

Существенен вопрос о том, как происходит акт понимания, и какой смысл для нас с вами имеет само произведение. Я выделил, как минимум, два типа работ, которые могут происходить над художественным произведением: первый тип — это построение ноэмы; второй тип — построение топоса.

Первый тип работ связан с тем, что когда мы рассматриваем произведение, то при этом как бы накладываем уже имеющийся у нас опыт представлений и работы с произведениями на тот материал, который лежит перед нами, то есть на конкретное произведение. В результате этого у нас возникают смыслы. Это как бы смыслы первого порядка, когда мы понимаем это произведение.

На втором этапе мы берем эти понятые смыслы и начинаем их для себя оформлять, пояснять. Я как-то приводил пример с произведением М.Ю. Лермонтова «Мцыри». «Мцыри» — это произведение о некоторой истории или ситуации, но это произведение не о нас с вами, не о нашей свободе. Читатель может в своем анализе дойти до такого уровня, когда он уже будет рассматривать не саму сюжетную линию, не те смыслы, которые присутствуют в этом произведении, а начнет понимать и ощущать тот дух свободы, который он сам же для себя создает. Он уже будет думать не про Мцыри, а про себя. Этот этап я назвал этапом создания топосов, или собственной картины жизни. Таким образом, я сказал, что читать книгу, смотреть художественную постановку не имеет смысла само по себе (мы же не литературоведы), а только в том случае, когда мы можем как бы оживлять эти произведения для оформления своего Мира, Мира, в котором мы хотим или собираемся жить. Жизнь — это ведь некоторая программа, некоторый способ, который на нас не падает «с неба». Жизнь сама не приходит к нам. Мы должны ее создавать. Как мне кажется, вы не собираетесь существовать в чужих мирах, вы не собираетесь проживать не свои, чужие жизни. Как мне кажется, вы озабочены проблемой создания того Мира, или того Дома, в котором будете жить именно вы.

Исходя из традиций немецкой классической философии принято разделять два типа категорий — конститутивные и регулятивные. Конститутивные категории являются мыслительными средствами полагания, установления. Они указывают на наличие объекта и произносятся в залоге «это есть». Конститутивные понятия указывают на существование, например, сознания. Оно есть. Оно само себя полагает. Регулятивные категории — это те, с помощью которых мы может организовывать что-либо. А что можно и нужно организовывать в философском смысле? Свое мышление. То есть регулятивные категории связаны со способами мышления или с приемами и методами того, как надо мыслить. Иначе говоря, регулятивные категории отвечают на вопрос «как делать».

Почему я обсуждаю эти категории, почему они, с моей точки зрения, необходимы в нашем разговоре?

Дело в том, что, на мой взгляд, характеристикой «Тучи» как произведения являтеся такое понятие, как *онтологическая фантасмагория* (под словом онтология я имею в виду его предельное значение — мирополагание). Мы с вами знаем, что этой истории никогда не было и что такая история вообще не возможна. Так не бывает, чтобы город захватила какая-то черная стена, да еще водя-

ная, которая называется Туча. Анализируя текст, мы видим, что каждый раз авторский переход осуществляется не через реальную ситуацию, что конец каждой части или начало следующей есть совершенно фантасмагорическая вещь.

Первая часть для меня заканчивается в тот момент, когда Нурланн поднимается над Тучей на вертолете и видит затопленный город. Ему отвечают, что это просто какая-то воронка и все, ничего больше нет. А вообще-то говоря — пустыня. Мы часто смотрим на одно и то же и видим разное. Это очевидная авторская фантасмагория. Кстати, жанр фантасмагории присущ не только фантастике, и даже наоборот, может быть для традиционной фантастики он как раз и не присущ. Традиционная фантастика просто описывает другую реальность. Что же делает фантасмагория? Она переворачивает реальность. Так не бывает, что нормальный человек Нурлан и нормальный летчик смотрят на одно и то же и видят разное. Так не бывает. И вот каждый кусок в романе заканчивается такими фантасмагориями.

Кстати, там есть один совершенно потрясающий момент, когда в комнату в гостинице, где сидят взрослые и идет разбирательство «почему вы так обращаетесь с нашими детьми», вводят мальчика. Все оборачиваются к нему лицом, разговаривают с ним, но Нурланн его не видит и не слышит. Такие элементы также можно интерпретировать как определенные онтологические фантасмагории. Мне кажется, что в произведении постоянно полагаются новые миры, новые реальности, и авторы постоянно с ними играют. Авторы как бы смеются над читателем, играют с ним, поскольку все каждый раз переводится в новую реальность. Например, Нурланн только что общался с военными. Для них ситуация абсолютно ясна. Туча — это обыкновенное природное явление, стихия, с которой надо бороться. И тут все переворачивается. Мы вдруг понимаем, что, вообще-то говоря, туча — это не туча. И дети — это не дети. А если вспомнить ситуацию, когда мы только что привыкли, что туча — это некое непонятное явление природы, и вдруг из нее раздается голос… Нас дурачат. Но одновременно нас не дурачат. Авторы постоянно манипулируют с мирами. Только они покажут один мир, и читатель привыкает к этому миру, как появляется другой. Причем, появляется совершенно сумасшедшим образом: с помощью какой-то совершенно фантасмагорической вещи просто меняется рамка. Мальчик, которого не видит Нурланн, или Туча, которая для всех разная. Смена Миров происходит фантасмагорическим образом.

Теперь о том, что это произведение есть для меня с точки зрения смысловой интерпретации. Для меня как читателя и смотрящего фильм, это история освобождения человека, или история перехода из одного мира в другой. В этом смысле это произведение является демонстрацией акта самоопределения. Человек участвует

в процессе движения онтологий, то есть движения Миров. Это движение его захватывает, и, в конце концов, с ним что-то происходит. Он начинает уже не насильно перебрасываться из одной реальности в другую, а начинает двигаться по некой, не то что собственной воле, но по некому внутреннему ощущению, по внутреннему голосу. Но для того, чтобы рассматривать это произведение как историю самоопределения, я должен ввести понятие самоопределения, а далее и все остальные регулятивные категории.

Итак, самоопределение в самом предельном, в самом обобщенном смысле является переходом из одного мира в другой, из мира того, какой он есть в мир должного, в мир того, каким он должен быть. Значит, если я это произведение рассматриваю как историю самоопределения, то я должен ввести такие регулятивные категории, с помощью которых мы сможем эти миры описывать, как-то их схватывать.

Итак, первая категория, или первое онтологическое понятие, которое уже обсуждалось — это понятие *места*. Место — это не только то, где в данный момент географически, физически находится человек. Это смысл, исходя из которого он что-то видит. Таким образом, место можно охарактеризовать дважды: первый раз — то, где он находится, а второй раз — то, исходя из чего он видит, воспринимает. Но надо понимать, что когда мы говорим философским языком, мы имеем ввиду не географические или физические места, а те места, которые порождает сам человек. Например, место человека по отношению к смыслу, или к понятию Будущего. Место — это ответ на вопрос «Где я?» и «Кто я?».

Второе понятие — понятие *пространства* — характеризуется, как правило, качественным прилагательным. Пространство — это характеристика того, в какой реалии находится человек, в какой реальности в данный момент он себя мыслит, чувствует, ощущает. И при этом он сам отвечает для себя на этот вопрос, фиксирует, в чем находится и что вокруг него является существующим. Например, иногда люди говорят: «Ой, какая у вас теплая обстановка!». Они имеют в виду некоторое комфортное психологическое пространство. Поэтому понятие пространства может относиться к любой реалии, не только физической или социальной. Могут быть различные смысловые пространства, например, пространство математического знака.

Я уже говорил, что задумывал этот курс не столько как рассказ про произведения Стругацких и ввод философских понятий, сколько как обсуждение тех средств, которыми молодой человек может пользоваться для организации собственной жизни. Так вот, ответ на вопрос о том, в каком пространстве я нахожусь — это ответ на вопрос, связанный с собственным существованием. Если человек не фиксирует это, то, надо понимать, что он человек управляемый. Им управляет все, включая ситуацию, в которой он находится, по-

сколько управлять — это же не обязательно давать кому-то какое-то указание напрямую. И мы прекрасно понимаем, что, например, реклама управляет нами в очень большой степени, создавая для нас пространство интерпретаций.

Итак, вопрос про пространство — это вопрос про реальность, в которой я себя мыслю и в которой я нахожусь. Место — это ответ на вопрос, кто я такой в этой реальности, где я в этой реальности, какая картина разворачивается передо мной из этого места.

Следующее понятие — это *топика*. Топика есть совокупность мест, в которых человек себя мыслит, и которые могут находиться в разных пространствах. Кстати, интересно, у Мераба Мамардашвили есть такое понятие — психологическая топология пути, я про это еще скажу.

Еще одна группа понятий — это понятия *онтологии* и *рамки*.

Онтология (если буквально с греческого переводить это слово) — это учение о сущем, или ответ на вопрос о том, как устроен мир на самом деле. Однако выражение «на самом деле» имеет очень тонкий смысл — не что есть мир с единственно правильной, авторитетной, общей для всех точки зрения, а что есть мир для меня на самом деле, как я сам мыслю мир, чему я приписываю статус существования. Вообще здесь классический философ мог бы меня существенно поправить. Он бы мог сказать, что понятие онтологии относится не к человеку, а к культурной традиции. Но дело в том, что в XX в. понятие онтологии стало употребляться и по отношению к сознанию отдельного человека, поскольку возникло предположение, что современный человек может быть носителем и даже гарантом определенных онтологических представление. Онтология и место — это разные понятия, они не рядополагаемы. Онтология — это то, что возникает в ходе осмысления, что есть мир. Но это осмысление, конечно, потом уже связано с местом, которое человек начинает занимать.

Рамка, или главный онтологический принцип — это указание на первичную онтологическую единицу. Первоначальная онтологическая единица есть понятие, фиксирующее «клеточку», из которой может развернуться весь мир и на основе которого даются основные ответы про этот мир. Для некоторых философских школ такой единицей является понятие Социума: благодаря социуму все происходит, человек живет в социуме, человек есть существо не божественное, а прежде всего социальное. Для других школ такой единицей является понятие Космоса: космос все создал, человек есть существо космическое, обладающее космическими связями, все живет по законам Космоса.

Когда я говорил, что произведение Стругацких «Туча» есть онтологическая фантасмагория, я имел в виду, что в нем авторы по-

стоянно меняют онтологические рамки. Помните, нечто похожее было и у Булгакова в «Мастере и Маргарите»?

Вопрос: Чем отличается место от позиции и чем отличается место от онтологической единицы?

А.П.: Аристотель в свое время написал работу «Топика», где ввел понятие о месте. Этим понятием мы пользуемся до сих пор. Топика по Аристотелю — это общие исходные пункты для изложения темы. Вообще нужно сказать, что часто понятия деформируются в истории культуры. Кант, например, под местом понимал пространство возникновения понятий. Он говорил о том, что есть места, в которых возникают понятия. А я в настоящий момент обсуждаю место как то, где находится человеческое: проблема человека — это проблема его места. Но я как бы обсуждаю это в стиле М.К. Мамардашвили, то есть как «мое место, которое я определяю». Мое место как мой Дом. Кстати, образ Дома очень часто имеет место быть в литературных произведениях.

В «Мастере и Маргарите» был такой персонаж по фамилии Бездомный. Это же не даром. И не даром то, что Виктор Банев из «Гадких лебедей» и Нурланн из «Тучи» живут в гостиницах. У них нет в этом произведении Своего Места. Нет места у Нурланна — он его ищет. Нет места у Виктора Банева — он его тоже ищет. Кстати, главный герой «Степного волка» Германа Гессе тоже снимает квартиру. По-другому говоря, место для человека есть некоторое пространство свободы. А пространство свободы есть пространство собственной самости. Именно это я и имею в виду, когда употребляю понятие места, рассуждая о Стругацких. Виктор Банев и Нурланн бездомные не только потому, что живут в гостиницах. Это поиск.

Мераб Мамардашвили однажды прочитал цикл лекций (а недавно вышла книга) под названием «Психологическая топология пути» на материале произведения Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Так вот, этот текст про людей, про внутреннее человеческое, про места. Кстати, еще один яркий для моего поколения пример — это фильм Алена Паркера «Стена» («The Wall») как видеоряд одноимённого альбома группы «Pink Floyd».семьдесят девятого года. Там главный герой не просто ищет место, он двигается в разных пространствах. Поиск топологии пути — это, пожалуй, одна из главных тем искусства и философии XX в.

3. Авторское топирование[30] или Стратегия произведения[31]

Надо помнить, что все, что я говорю — это мои версии, связанные с видеорядом и с делением текста «Тучи» на периоды. Причем эти версии возникают из того обстоятельства, что я это произведение определяю как историю переходов, и уже исходя из этого я определяю периоды в этом фильме.

Кстати, в художественных фильмах эти переходы делаются так, что там одна картинка вдруг сменяется другой, и мы чисто физически не замечаем, когда один кадр сменяет другой. Например, в фильме «Брат» я увидел один очень интересный режиссерский ход. Когда заканчивается один кусок фильма, то картинка тушится до темноты, а потом из темноты плавно возникает другая картинка. То есть там так делаются авторские режиссерские отбивки. Одна часть прошла — и для зрителя все потухло. Потом начинается другая часть. И можно сказать, что современная режиссура пользуется уже другими, я бы сказал, сверх-художественными средствами, в данном случае — видео-средствами.

В произведении «Туча» таким художественным средством отбивки, или перехода, как мне кажется, являются фантасмагории, ситуации некоторой ирреальности. И авторы задействуют эту фантасмагорию в том момент, когда им нужно изменить пространство. Только что зритель был в одном пространстве, заданном авторами, а потом он вдруг переходит в другое пространство. И на вопрос, почему он переходит, я отвечу, что у него нет другого выхода. И заметьте, что само произведение тоже заканчивается фантасмагорией, когда мы видим зеленую траву, часовню, молодых ребят на лошадях, падающий снег, встающих из травы людей. Мы же понимаем, что эта ситуация полностью символична. Стругацкие заканчивают свой фильм не только фантасмагорически, они его заканчивают символически. А дальше они уже перехода не делают. Они уже как бы научили зрителя делать эти фантасмагорические переходы … и здесь конец фильма.

Произведение не заканчивается реально, оно заканчивается ирреально. Стругацкие выступают для нас как Учителя в том смысле, что они учат нас переворачивать пространство. Они как бы уже научили своего главного героя это делать. Они «протащили» его сквозь это вместе с нами, зрителями. И теперь они оставляют нас. Теперь мы должны сделать это сами. Фильм заканчивается. Но все только начинается. Когда заканчивается фильм, для нас все только начинается.

Итак, о стратегии произведения.

[30] Загадочность места самих братьев Стругацких в этих произведениях.

[31] О том, как разворачиваются пространства в «Туче», как, в каком порядке и каким образом они полагаются.

Я уже сказал, что периоды в произведении характеризуются особым вывертом. Было одно пространство и, в этом смысле, нам были явлены одни миры, одни онтологии, а потом, благодаря фантасмагории, идет какой-то выверт, своеобразная рамочная игра. Я бы сказал, что идет постоянная провокация. Авторы нас постоянно провоцируют, как бы переводят нас из одной логики в совершенно другие.

При этом, заметьте, те проблемы, которые описаны у Стругацких, не решаются в логике того пространства, которое они сами описывают. Проблема этого города не решаются средствами этого мира. Когда Нурланн приезжает в город, когда они только едут в машине, там есть один очень интересный момент, связанный с методом. Нурланн стоит с военными и говорит: *«Я полагаю ударить сюда. Для начала рассечем ее пополам. Если повезет, мы сразу накроем активную зону. Здесь проходит магнитный меридиан. Вот по этому проспекту».* Т. е. Нурланн едет к Туче со своей логикой, со своим представлением об устройстве мира этой Тучи. Он еще не знаком с этим миром, но он убежден, что так, в такой логике можно работать с этим миром. И во всем произведении демонстрируется с помощью этих выворачиваний в разные пространства, что нет логики этого мира, мира этого города, чтобы решить проблему Тучи. Не решается проблема Тучи с помощью Бога. Не решается проблема и социально — дети ведь уходят. Не решается проблема дождя, он идет и идет. Не решается проблема тем, чтобы выпытывать что-либо у этих детишек, они не разговаривают. Они говорят: *«Вы все равно этого не поймете».*

Заметьте, ведь дети в этом произведении молчат. Они говорят: «Вам это не надо». Или не отвечают вовсе. Они как бы демонстрируют собой, что логика этого мира не решит проблему с Тучей. А ведь логика как средство задается представлениями о мире.

Проблема логик — это очень важный вопрос. Ведь логика есть способ — способ мыслить, способ чувствовать, способ жить, способ любить, способ готовиться к Будущему. Эти способы задаются миропредставлениями, которые существуют у человека. А внутри миропредставлений, существуют и представления о самом человеке. Кстати, в произведении есть один замечательный момент. Нурланн говорит: *«…Не так все это просто. Никому еще пока не удалось придумать, что подобает человеку, а что — нет. Я лично думаю, что ему все подобает. Такая уж это обезьяна с гипертрофированным мозгом».* Он, конечно, смеется. Но заметьте, это он говорит не про себя. Нурланн все-таки герой Стругацких, традиционно сохранивший градус рефлексивного отношения к миру.

Теперь о кризисе миропонимания. Если говорить про наш сегодняшний реальный мир, то на примере с экологическими пробле-

мами это очень хорошо видно. Не могут быть экологические проблемы решены теми средствами, которые сегодня в основном апробируются. Экологическая проблема не решается социальными штрафными санкциями. Нужно новое миропонимание, в котором есть понятие Природы. Вот тогда человек начнет относиться к природе по-другому. Должно быть другое миропонимание в педагогике, чтобы появился человек другого типа. А сейчас нам зачастую в качестве примера инновационной педагогики приводят образовательные программы, большей частью построенные на старых, простых поведенческих, бихевиористских моделях. Эта модель когда-то была актуальна и работала. Но разве можно на этой модели воспитывать человека, который будет жить в XXI в., когда будут разворачиваться совершенно другие процессы! Эта модель удачна в том случае, когда мир устойчив, когда человека надо научить стабильным действиям: если у тебя будет вот это, то ты должен поступать вот так-то.

Поэтому, мне кажется, что не только у современного молодого поколения ситуация личностного кризиса по поводу собственных путей, но это ситуация массовая. Юношеский кризис (кризис молодого поколения) совпадает с мировым. Произведения Стругацких, как мне кажется, ставят именно эту проблему. Они не дают ответа на вопрос, какую логику, какое миропонимание нужно избрать, но они проблематизируют уже тем, что показывают: логик бывает, как минимум, две.

Итак, я продолжаю разговор о периодах произведения. Я выделил пять периодов и три финала, и внутри первого финала — четыре рефлексии.

Первый период — это период первого явления мира Города. Заметьте, что первый период начинается с ситуации Нурланна, с того, как он едет в своей машине. Но, тем не менее, этот период — период явления мира Города, поскольку Нурланн и Город неразделимы. И прямое указания на это есть в тексте, когда Нурланна спрашивают о том, правда ли, что он из этого города. Он отвечает, что это правда и, показывая пальцем на карте города места, говорит: *«Здесь я родился. Здесь я жил. Здесь я венчался»*. Вначале Нурланн принадлежит этому городу. Он и Город — нечто общее и единое.

Интересно заметить, что явление Города нам, еще до появления Города как такового, начинается со следующего отрывка: «Под низким пасмурным небом, под непрерывным сеющим дождем по мокрому асфальтовому шоссе движется колонна машин: длинный лимузин впереди и три огромных автофургона следом. На мокрых брезентовых боках фургонов знаки «опасный груз».

Что будет, если это все представить визуально? Для меня, например, этот момент отождествился со сценами про Вьетнам, которые я

видел в фильме «Форрест Гамп». Там постоянно было темно, шел дождь и, при всем этом, была война. Дождь и война. Фильм «Туча» начинался бы с пасмурности, с дождя. Это начало конфликта, демонстрация конфликта. Конфликт показан здесь как приближение гибели. В этом первом этапе-фрагменте мы видим не только пасмурность, но еще и въезд в Город. Здесь я обсуждаю Город как некоторый символ, и этот символ имеет свой конкретный знак. *«Граница города обозначена гигантским медным барельефом городского герба: обнаженный богатырь с ослиной головой поражает трезубцем гидру о трех головах — две из них мужские, третья женская»*. Это символика города. Город начинается с удара, с поражения. В этом фрагменте показано и отношение к инородному явлению. Это отношение совершенно свойское, отношение, в котором не дана возможность быть Другому. Нурланн говорит: *«…распространяют легенду, будто Туча — живое существо. Это вздор. Туча — это аэрозольное образование довольно сложной и не вполне понятной структуры»*. Это значит, что он уже знает ответ на вопрос, что же такое Туча. В этом его миропонимании туча может быть только этим. И этот первый период, как уже говорилось, заканчивается фантасмагорией — бесшумными ударами молнии. Фантасмагория Стругацких позволяет нам перевернуть предыдущие представления. На этом заканчивается первый период. Напомню, что каждый период будет заканчиваться подобным переворачиванием.

Второй период — это период, когда мы уже недоумеваем по поводу Тучи, а дальше нам уже является ее загадочность. Но надо заметить, что загадочность Тучи является не сама по себе, а по отношению к другим людям. В этом периоде мы наблюдаем, как к Туче относятся разные люди, как они ее понимают. Мы наблюдаем здесь тех, кто в произведении получил название «Агнцев Страшного Суда» — Бруна, адвоката-проповедника. И этот период опять заканчивается фантасмагорией. Молния попадает в человека. Самое интересное, как говорил Брун, что это совершенно безвредно. При этом человек что-то ощущает, ему нечто является, а дальше он просто встает и идет. И Нурланн все это наблюдает. Он едет по Городу и видит все это. А затем все это заканчивается ударом молнии в человека, который встает и идет дальше. Какая ситуация теперь у ученого, который приехал бороться с природной стихией? Возникает некоторая интрига по поводу природы Тучи, но о мире Тучи пока нет никаких представлений. Туча еще пока нечто такое, что существует в этом мире.

Третий период — это период первого столкновения между миром Тучи и миром Города. Но столкновение не явное, а опосредованное. Это столкновение происходит через детей. Дети выступают некоторыми посредниками, поскольку они одновременно пребы-

вают и в мире Тучи, и в этом мире. Этот мир в третьем периоде представляет Нурланн. И столкновение с детьми происходит на нем. Первое, что происходит — это явление дочери. Именно так только и можно назвать ее появление. Она говорит потрясающую вещь: *«Папа. Ты нам нужен»*. В этом смысле словом «нам» она отделяет себя и кого-то еще от Города. Нурланн-то ведь приехал, потому что он был нужен Городу. А тут кто-то говорит: «Ты *нам* нужен». Есть кто-то еще. Кроме стихийного бедствия есть еще «Мы».

Итак, первый период я охарактеризовал как явление Мира Города. Второй период — как полагание Мира Тучи, но со знаками вопроса. Во втором периоде начинает полагаться Второй мир. В третьем периоде начинает возникать столкновение Миров через детей-посредников. Причем, если первый и второй периоды заканчиваются яркими фантасмагориями (в первом периоде — замешательством Нурланна перед разным явлением Тучи разным людям; во втором периоде — Нурланн видит пораженного молнией человека, с которым после этого ничего не случилось), то третий период явной фантасмагорией не заканчивается. Он заканчивается разговором Нурланна с ребятами в гостинице. Но на самом деле, для Нурланна некая фантасмагорическая — проблемная — ситуация явлена, потому что он видит детей как тех, которые несут идеологию Другого мира. В некотором смысле он удивлен, но в то же самое время он еще сопротивляется им. Вспомним, например, разговор про естественное и неестественное.

Теперь я думаю, почему авторы не выворачивают эту ситуацию как фантасмагорическую или, вернее, почему я как зритель, этот период заканчиваю на разговоре с детьми в гостинице. Это, как мне кажется, происходит потому, что если изначально мы все переходы рассматривали как фантасмагорические, то здесь мы уже можем дойти до такой степени ясности, что нам уже не нужно осуществлять фантасмагорический переход. Нам нужно понять столкновение Нурланна с детьми как нечто реальное. Они уже на понятийном уровне обсуждают, что естественно для человека, а что не естественно. Это настолько мощный диалог, что уже нет необходимости вводить фантасмагорический момент.

Четвертый этап можно охарактеризовать как проявление онтологии Города. Нам являют Город в еще одном приближении, но это уже не простое приближение, а приближение на основе взаимодействия двух Миров. Ключевым моментом этого периода является диалог между Нурланном, Хансеном и Бруном. Они начинают обсуждать Тучу не как Тучу. В этот период появляется некоторый элемент сомнения. А когда появляется элемент сомнения — это значит, что начинает происходить полагание Другого Мира. И полагание мира Тучи начинает делать пьяный Хансен. Здесь нужно особо подчеркнуть слово «пьяный», но не в том смысле, что Хансен — алкоголик, а в том, что к нему относятся как к пьянице, а что с пьяного возьмешь. Это как бы бутафория. Пьяный что-то там говорит, и к этому нельзя относиться серьезно. Итак, первое полагание мира Тучи происходит несерьезными устами, устами пьяного человека. Это тоже какая-то игра.

Мы сейчас не разбираем персонажей, но надо обратить внимание, что Брун не простой персонаж, он из КГБ. Он только прикидывается санитарным инспектором, а на самом деле он еще в застенках пытая людей, понимал, что такое Туча. Брун глубоко убежден, что Туча — это не туча. Но для нас это пока еще не явлено, поскольку этого откровения Брун пока не делает.

Фантасмагория в этом периоде двойная. Первую фантасмагорию вводит Хансен. Хансен вводит версию появления Тучи. «— *Да, муниципальная площадь, — соглашается Хансен. — Но плохо вы знаете историю родного города. На этой самой площади: тринадцатый век — восстание «серых», за день отрубили восемь сотен голов, в том числе сорок четыре детских, кровь забила водостоки и разлилась по всему городу; пятнадцатый век — инквизиция, разом сожгли полтораста семей еретиков, в том числе триста двенадцать детей, небо было черное, неделю падал на город жирный пепел; двадцатый век — оккупация, расстрел тысячи заложников, в том числе двадцать семь детей, трупы лежали на брусчатке одиннадцать дней... Двадцатый век! А бунт сытых в шестьдесят восьмом? Две тысячи сопляков и соплячек под брандспойтами, давление пятьдесят атмосфер, сто двадцать четыре изувеченных, двенадцать гробов... Сколько все можно такое выдерживать? Вот и лопнуло*». Вот и появилась Туча. Пьяный Хансен делает какие-то нереальные для Нурланна версии появления Тучи. Он как бы говорит: «Мы ее породили». Но все равно Хансен обсуждает появление Тучи, исходя из собственного мира. Онтологически он тоже не идет до конца. Он не может представить, что Туча может быть сама по себе.

И именно в этом периоде Нурланн садится на вертолет, летит над Тучей и смотрит вниз. Если говорить о видеоряде, то тут можно сделать красивое операторское решение — дать два плана. Первый план — Нурланн смотрит на Тучу сверху вниз и видит затопленный город, море, из которого торчат церковь, ратуша… . Потом камера поворачивается в сторону пилота: *«А что видите Вы?»*. Вот тут камера уходит вниз и можно дать тот план, который видит летчик. Он видит другое. Можно представить, что происходит со зрителем. Туча — это не туча. Зритель начинает недоумевать. Это одна из самых ярких фантасмагорий произведения.

Пятый этап — последний, потому что логика движения онтологий в моем понимании здесь заканчивается (хотя потом будет четыре финала). В пятом этапе происходит взаимодействие между миром Города и миром Тучи. Это взаимодействие происходит на Нурланне, потому что именно Нурланн видит во время обстрела Тучи детей. Больше их никто не видит. Если в четвертом этапе воздействие через детей было опосредованно, то здесь Нурланн бежит за детьми, он их видит. В этом смысле повесть как движение разных Миров друг к другу, к их взаимодействию и столкновению, окончена. Это произошло. И этот последний этап заканчивается фантасмагорией, когда самого Нурланна поражает молния и когда ему дается знак. Знак в форме его видения. Туча дала ему знак — это конечное взаимодействие. Всё! Что значит это «всё»? «Всё» в том смысле, что дальше никаких насильных для Нурланна столкновений не будет. С Нурланном сделано нечто такое, что позволяет остановить повесть, потому что дальше инициатива как бы переходит от авторов к Нурланну.

А далее финалы.

Финалы — это откровения, финалы — это понимания. Эти откровения тоже даются через фантасмагории, но уже другого рода. Первая фантасмагория возникает в сознании Нурланна, когда они обсуждают детей. Он говорит: *«…Не умеем мы с ними больше ничего делать. Только убивать и умеем. Всю жизнь мы только тем и занимались, что превращали их в таких, как мы. А теперь они отказываются превращаться, и мы стали их убивать».* Это онтологический финал. Это как бы признание за детьми (на самом деле не за детьми, а за Тучей), наличия Другого.

Предпоследний финал заканчивается явлением Голоса. Уставший спокойный голос. И фантасмагорией-то это назвать трудно, потому что такое может произойти, Голос может раздаться. Возникает ощущение, что динамика произведения — здесь, на финалах — уже прекратила существовать. Прекратился конфликт, прекратилось столкновение онтологий, и Голос спокойно говорит: «Уходите отсюда». Столкновения нет.

В конце произведения фантасмагория используется уже не как элемент проблематизации, а как элемент спокойного полагания. Зритель уже готов к тому, что появляется этот Новый Мир. Хотя, конечно, с точки зрения того человека, который был перед телевизором два часа назад, если ему сразу показать последний кусок, то для него это будет фантасмагорией и нереальностью. Но тот, кто прошел через весь этот ряд, для них последний образ травы, молодых людей на лошадях, снега, часовни, он явный, реальный, он — существующий.

Что я попытался сделать при характеристиках этих периодов и финалов? Я как зритель, или как понимающий попробовал проследить лично свое движение, свою динамику относительно этого произведения. Зритель прошел через это «игольное ушко», и эта реальность теперь ему дана.

И в конце потрясающий текстовый финал: *«Будущее не собиралось карать. Будущее не собиралось миловать. Будущее просто шло своей дорогой».* Миры не пересекаются. В конце конфликт снимается. Если найден Свой Мир, то конфликта нет.

Вопрос: А что есть?

А.П.: Понятие «свой» указывает на понятие бесконфликтности.

Вопрос: А конфликт как что понимается?

А.П.: В данном случае под конфликтом я имею ввиду столкновение онтологий.

Вопрос: А что еще тогда кроме конфликта вызывает развитие?

А.П.: Этот вопрос интересно-символичный. А поскольку мы обсуждаем «Тучу», то я бы его отнес к ситуации, когда Нурланн выступает в гимназии перед детьми, когда они его спрашивают про прогресс, а потом о том, есть ли прогресс у человека. Через что достигается прогресс у человека? Кроме понятия развития существует еще понятие совершенствование.

Я не обсуждал персонажей. Я так и не ответил на вопрос, кто для меня главный герой. Я не строил динамику развития человека. Я не рассказывал историю людей в этом произведении. Если я бы начал строить динамику движения Нурланна, то я, наверное, выделил бы другие периоды. Я как бы попробовал рассказать все так, как будто в этом произведении нет людей. Я рассказывал свою историю как зрителя. Я говорил про динамику произведения, и в этой динамике я фиксировал конфликты между онтологиями и их столкновения. Можно и слово конфликт не употреблять, а говорить «столкновение» или «пересечение». Мне хотелось на этой динамике показать, что произведение говорит о движении Миров, мировоззрений, способов, логик по отношению друг к другу.

Вопрос: Свой мир однозначен или он может меняться?

А.П.: Само понятие «свой мир» говорит о том, что он есть. И в каждый момент (здесь я уже обращаюсь к немецкой классической философии, вернее, к неокантианству) там есть такое понятие, как «присутствие». Когда мы начинаем обсуждать человеческую динамику, то на самом деле мы начинаем обсуждать одну потрясающе интересную вещь — собственную историю. Причем специфика словосочетания «собственная история» заключается в том, что в начале стоит слово «собственная». Это слово «собственная» я рассматриваю не в смысле «имеющая отношение к моему телу и к моей жизни», а в смысле «особенная». Собственная история начина-

ется именно с особенного. Когда человек может выделять особенности в своей жизни, тогда и появляется его история. А когда не может, то тогда появляются высказывания типа «Моя история — это история государства» или «Моя история — это история партии». Вопрос про свою историю — это вопрос про историю смысловых удивлений.

Есть ли у нас наша история? Есть ли история у Нурланна? Есть ли вообще история у человека? Может ли быть у отдельного человека история? В мире Города ее быть не может — «родился здесь, женился там…». На этом этапе своих рассуждений я не выходил на историю человека, в данном случае, на историю Нурланна. Я это делал сознательно, поскольку мне хотелось подчеркнуть историю Нурланна по отношению к Мирам. Его история — это следующий этап. Если самоопределение — это переход из одного Мира в другой, то сначала надо осуществить их полагание, зафиксировать их.

Если признаваться до конца, то пять периодов — это для меня, действительно, движение онтологий, а финалы — это движение самого Нурланна. Поэтому повесть про Город закончилась после этих пяти этапов. Потом начинается уже какая-то другая история.

Антропологические итоги

Я пытался прояснить свою позицию по отношению к произведению «Туча», как к произведению, в котором заявляются различные пространства. Когда я вводил представления о периодизации, или хронологии, произведения, я взял за основу принцип движения двух Миров по отношению друг к другу. Первый Мир — это мир Города, или Город как Мир; второй мир — это Туча как Мир. Далее все пять периодов были направлены на прояснение, с одной стороны, принципов мира Города, а с другой стороны, представлений о мире Тучи. И все, что происходило с людьми Города, или с людьми Тучи (детьми), для меня не было событиями, связанными с людьми. Глядя на людей, я видел другое. Я видел Миры и движение Миров навстречу друг к другу. Этот исследовательский прием лежал в основе всего моего рассуждения, то есть я принципиально пытался не останавливаться на персонажах. Я пытался выстраивать план Миров, реконструировать мир Города и делать какие-то догадки про мир Тучи.

Может быть, у меня были ошибки. Может быть, Туча не является миром; через нее только можно проникнуть в какой-то иной мир, отличный от мира Города. Тогда мы должны понимать Тучу как некий механизм проникновения в мир Другого. Мне кажется очень символичным то, что Стругацкие не рисуют мира Детей или мира Тучи. Нет ни одной сцены, изображающей, что же происходит там внутри. В этом смысле Стругацкие поступили так же, как они поступила в «Гадких Лебедях», где мы не находим ни одной сцены

взаимодействия детей с мокрецами. Авторы, как мне кажется, оставляют возможность построения мира самими зрителями, они его провоцируют, проблематизируют, выводят из этого Мира.

В такой логике я двигался. Выше я сказал, что есть финалы. По объему произведения финалы занимают почти половину. Но ведь можно же было структурировать произведение по-другому. Почему именно так? Потому что, мне кажется, наступил какой-то момент в произведении, когда взаимодействия этих миров начинают разворачиваться уже на уровне одного конкретного человека. И, по определению, этот персонаж должен называться главным героем. Для меня таким главным героем является Нурланн. Причем у меня есть ощущение, что Туча провоцировала Нурланна пять раз. Он был каким-то очень своеобразным, избранным из этого Города. Он же живет жизнью Города, он же сам отсюда. Но Туча его постоянно провоцирует. Вспомним, например, момент, когда он видит детей, идущих в Тучу во время обстрела, а никто другой не видит.

Поэтому сейчас уже надо переходить к следующему этапу нашего разговора и обсуждать историю Нурланна, поскольку взаимодействие миров переходит в другую плоскость, в плоскость появления человека. Здесь надо отметить один интересный феномен, что сначала люди порождают миры, но потом миры порождают людей. В этом месте мы выходим на одно из ключевых понятий произведения — это понятие естественного и искусственного. Но об этом в следующий раз.

Я знаю, что вы обсуждали эти лекции, и у вас появились вопросы и суждения. С удовольствием их выслушаю.

Марина Балашкина: 1. Принадлежал ли Нурланн миру Города, и если принадлежал, то каким образом? 2. В чем основания перехода из одного мира в другой? 3. Что является источником движения человека, его динамики?

А.П.: Вы правильно заметили. Ситуация Нурланна, действительно, интересная. Он приезжает в этот Город и смотрит на все со стороны.

М.Б.: Он может этого и не знать, но занимать в Городе какое-то место. Но его место не такое, как у всех горожан, а особое.

А.П.: Да, он не разделяет ничью позицию. У него какое-то свое место.

М.Б.: Но он при этом никак его не метит.

Реплика из зала: Защита, оберегание Города, как защита своего прошлого.

А.П.: Причем интересно, что после окончания каждого фантасмагорического периода идут куски, связанные с детством Нурланна. Причем куски очень символические и однозначно понятные. Первый кусок про то, как его поймал хулиган и побил. Второй — про отца, с которым не повезло. Третий — как дети уходили —

видение-явление. Мне кажется, что те пятнадцать лет, что его не было в Городе, он ничего не делал. Да, он был профессором. Он занимался физикой и какими-то исследованиями. Да, скорее всего, он принадлежал Городу, этому миру, поскольку он использовал методы, средства и понятия именно этого мира.

М.Б.: Но в то же время — почему Туча выбрала его? Ведь она его постоянно дурачила. У других все было однозначно и все сходилось, а у него нет.

А.П.: Мне не ясно, кто кого дурачил. Здесь может быть двойная логика. С одной стороны, можно говорить, что Туча его дурачила а с другой, что Туча дурачила всех остальных. Но мне симпатичен вариант, когда для всех существует возможность проникнуть в Другой мир — и для детей, и для взрослых. Но проникают только ребята. В конце есть потрясающий момент, когда Ирма говорит: *«Папа, пойдем с нами»*.

Проникнуть в Тучу может каждый, и если именно так рассматривать произведение, то получается, что Туча — это не угроза. Туча — это возможность. Возможность состояться, возможность быть. Если ты проник в Тучу, то придется создавать свой мир. И можно сделать потрясающий вывод о том, что люди Города не имеют Мира. Они живут в ситуации разрушенного Мира, в ситуации катастрофы и могут так жить много лет. Катастрофа как катастрофа всей жизни. Тогда произведение можно рассмотреть по-другому: Туча как возможность исправить эту катастрофу, как возможность создать Мир.

Мне кажется, что Нурланн не просто принадлежит миру Города, более того, он лучший из этого мира. Лучший в том смысле, что он наиболее четко понимает принципы его устройства. Помните, как он говорил, в каком месте лучше разбить Тучу, или как лихо ставил военных на место. Он лучший в этом мире, он хорошо понимает правила игры. И, тем не менее, его выбирают, или, может быть, даже он выбирает, чтобы попадать во все эти ситуации.

М.Б.: Тогда получается, что в ситуации встречи с Будущим его затягивает Прошлое.

А.П.: Не только прошлое. Он живет жизнью этого мира, но я думаю, что его принципиально отличает от типичных представителей этого мира то, что он где-то чувствует, что вообще есть «пустое место», или возможность, и это его всю жизнь «подзуживает». Ведь не даром идут эти воспоминания о детстве.

В мире Города нет проблемы, связанной с наличием человеческого. Там человек не обсуждается, как то, что имеет место быть уникальным, отдельным образом. А Туча задает новое пространство. Все произведение можно рассматривать не как столкновение разных Миров, а как то, что в одном мире нет этого пространства, а другой мир изначально предусматривает наличие пространства для отдельного человека. То есть в Этом Мире нет места отдельному

человеку, а Туча как бы предлагает создавать мир, где это место есть.

Ко второму вопросу. Конфликт у Нурланна начинает разворачиваться тогда, когда появляется Туча. Когда Туча появляется, тогда и проблемы возникают. Что-то где-то есть у него внутри, некоторая направленность, некая возможность или некоторая обособленность. Эти все сцены из детства, которые вставлены в текст — это история индивидуальности, история становления. Эти истории из детства тем и хороши, что они очень долго стоят перед человеком. Например, история Нурланна, связанная с отцом, или история с хулиганом. Нурланн уже не держит зла на отца, он уже не держит зла на хулигана, но он, скорее всего, вспоминает те свои состояния. Он держит в памяти эти смыслы. Он понимает, что когда в детстве, и не только в детстве, случались конфликты, то их нельзя было решить при помощи нормам и принципов Этого Мира. Прав хулиган на улицах Города. Маленький Нурланн обязан был подчиняться. Он не мог ему не подчиниться, у него не было другого выхода. И все это кровоточит.

И мне кажется, что с этого сомнения о том, какой можно найти способ, начиная от отдельных ситуаций и заканчиваю жизнью, с него начинается история индивидуальности и переход к чему-то другому. В одном пространстве проблемы не решаются. Нужна возможность перехода.

К третьему вопросу. Тучу можно обсуждать как мир и как возможность, как пропуск. Это разное.

М.Б.: Я имею ввиду Тучу как мир пропусков, то есть когда человек там, у него своего мира пока нет. Туча — это возможность создания своего мира для каждого человека, правила игры в ней задаются человеком. Может, Туча может быть и миром, и возможностью одновременно? То есть Туча — это не мир, а мир миров.

А.П.: Туча — это может быть и есть особый мир, состоящий из возможностей. Здесь мы закладываем абсолютно другую природу мира: не как того, что в нем что-то есть, а как того, что в нем может быть. Тогда Туча — это мир совершенно другой природы, в нем регулятивные и конститутивные категории другие.

Представим себе, что произойдет, если слово «мир» поменять на слово «жизнь» для отдельного человека. Если рассматривать свою жизнь как возможность, а не как предзаданнность, то получается, что в Туче можно существовать. Тогда мыслить свою жизнь можно не с точки зрения того, что я уже сделал и что я есть сегодня, а с точки зрения того, какую возможность я буду избирать. Возможности лежат не вне человека, а внутри. Если человек не отвечает на вопрос о том, в каких пространствах он существует, в каких мирах он живет, то он не имеет право задавать себе вопрос,

как он будет развиваться, потому что законы развития определяют законы тех миров, в которых живет человек.

Сейчас в наших рассуждениях мы должны отвлечься не только от физических представлений о Туче, но и от тех представлений о физическом пространстве, о которых я говорил выше. Сейчас мы должны уже как-то иначе мыслить. Так что вопросы о том, что Туча — это пространство, плоскость или линия, снимаются.

В истории философии это место называлось по-разному. Например, экзистенциалисты считали, что это место имеет собственную субстанцию. Они бы на вопрос о том, что же такое Туча, ответили бы, что Туча — это пространство, в котором есть сущее. Моя же версия заключается в том, что там нет никакого сущего, а сущее, человеческая суть, заключена в траектории человеческих возможностей. Тогда здесь появляется и функция сути, и функция рефлексии. Мне кажется, что человек — объект такой природы, который не развивается, в общепринятом смысле слова. Я бы сказал, что человек осуществляется. Мы, когда говорим «развитие», сразу предусматриваем, что есть линия развития, то есть определенность и заданность. В нашем языке существует множество метафор и мифов. Один из них, в частности, о развитии человека. Мне кажется, что это не совсем верная установка для тех людей, которые принимают идею самоопределения, поскольку идея самоопределения уже изначально предполагает идею уникальности и пути. Поэтому люди, находящиеся на пути самоопределения, должны понимать, что их уникальность заключается не в том, что они занимают какие-то особенные пространства, а в том, что они способны простраивать путь, которого никогда не было и которого больше никогда не будет. Но смысл самоопределения не в том, что такого пути никогда не было и не будет, а в том, что иначе эти люди не могут прожить свою жизнь.

Я бы хотел остановиться и напомнить вам об отрывке из «Тучи», где Нурланн и ребята обсуждают, что естественно для человека, а что нет. Думаю, что для вас сегодня это ключевой вопрос.

Да, и не забывайте: «Будущее просто шло своей дорогой!». Спасибо.

«ШКОЛА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ — ЭТО АБСОЛЮТНО ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»[32]

На старте своего выступления я бы хотел остановиться на вопросе о практической организации мира. Я сразу бы хотел предостеречь

[32] Ижевск — Кемерово — Красноярск. По материалам выступлений перед старшеклассниками и студентами. 2001 г.

вас от противопоставления понятия «практическое» по отношению к понятию «теоретическое». Я не имею в виду, что есть теоретические представления о мире, а есть практические представления о мире. Я имею в виду то, что есть практика, и можно мыслить мир с точки зрения представлений о практике и об организации мира как совокупности разных практик. Именно такое представление является для нас базовым в проекте Школы гуманитарного образования.

Некоторые примечания. Вообще говоря, надо признать, что так случилось по факту нашего с вами рождения, что мы родились в то время и в том месте, где уровень гуманитарного развития не достаточен для того, чтобы человек спокойно и самостоятельно мог принимать решения в сфере своего собственного самоопределения. Огромная территория, например, от Ижевска до Южно-Сахалинска, по существу, сегодня не имеет источников или средств для того, чтобы принимать решения относительно самих себя и относительно того, как распорядиться собою в будущем. Что это значит? Это значит, что долгое время, в том числе и сейчас, эта огромная земля традиционно мыслилась как земля, на которой уже приняты все решения, земля, на которой уже понятно, кем быть и каким быть, земля, на которой уже по факту своего рождения ты принадлежишь к некоторой стратегии, некоторой программе и некоторому проекту. В этом смысле сопротивление людей такому раскладу вещей вводит их в размышления о смыслах существования на этой территории. Я бы даже сказал по-молодежному: формате существования. Под форматом я прежде всего имею ввиду формы самоорганизации.

Наш коллектив занимается философскими практиками. Но жизнь складывается так, и наша жизнь, в частности, складывается так, что невозможно в начале XXI в. заниматься философией по-кантовски. Я имею в виду то обстоятельство, что он всю жизнь провел в Кенигсберге, не выезжая оттуда ни на один день и создавая свои работы в глуши собственного кабинета. А с другой стороны, я глубоко убежден, что надо именно по-кантовски, поскольку Кант писал, что философия — это та дисциплина, которая действительно нужна людям и которая им помогает жить. Заметьте, помогает жить и принимать решения. И в этом смысле мы дистанцируемся от аудиторной философии, связанной с пересказом студентами философских текстов. Я считаю, что философия — это такая странная практика, которая, с одной стороны, должна быть культурна, а с другой — предельно личностна.

Возникает логичный вопрос: если философия личностна, имеет авторский характер, то на каких практиках, или на какой жизни современный философ должен разворачивать те или иные свои умозрительные суждения. Мы думаем, что такой практикой явля-

ются современные практики управления. И это не достижения XXI в. Еще Платон указывал на то, что настоящими управленцами должны становиться философы, правда, после пятидесяти лет. В словах Платона скрыта большая мудрость, потому что философия по своей природе есть анализ, говоря современным языком, рефлексия таких практик, которые принципиально определяют жизнь людей в ту или иную эпоху. В этом смысле практика управления сегодня должна быть, с одной стороны, пронизана философией, а с другой стороны, в основе практик управления должны лежать различные философские размышления.

Теперь вам становится понятным, почему понятие «практика» мы не противопоставляем «теории». Мы считаем, что нет каких-то там «белых воротничков» и «синих воротничков». В гуманитаристике такого разделения нет, потому что нельзя быть «белым воротничком» и просто сидя за столом, якобы порождать какой-то текст. Оснований для его порождения нет. Но, с другой стороны, нельзя быть просто менеджером, принимающим факсы, работающим на компьютере и при этом принимающим принципиальные решения. Поскольку для принятия принципиального решения, для стратегического управления нужны размышления не только о натуральной житейской ситуации; нужны более высокие размышления. На мой взгляд, в вашем Лицее[33] разворачивается одна из мощнейших и красивейших утопий — утопия «просвещенного управления». Этой утопии насчитывается не одно столетие, но в чем оригинальность хода ваших педагогов? В том, что вот этих просвещенных управленцев здесь собираются тиражировать массово, в отличие от Александра Македонского и других известных деятелей, которых выращивали по одиночке.

Итак, мне кажется, что в стенах этого Лицея живет энергетика формирования гуманитарного управленца, того, кто способен принимать стратегические решения не из существующих, наличных ситуаций. Того, кто способен задействовать разного рода культурные смыслы, основания, но при этом с учетом ситуации. Поэтому мне кажется, что кроме традиционных образовательных форм, связанных с изучением предметов в этом заведении, должна существовать энергетика принятия решений. Дальше возникает вопрос: а реально за какие решения вы сегодня несете и можете нести ответственность? Мне кажется, что это вопрос, который в педагогике ставился неоднократно: как сделать так, чтобы молодой человек, который по факту своего социального положения еще не имеет реальных форм ответственности и пока ни за что не отвечает, мог эту ответственность проиграть и научился принимать решения?

[33] Ижевский Гуманитарный Лицей, директор — М.П. Черемных.

Вопрос: Как вы относитесь к массовому выращиванию управленцев?

А.П.: Отношусь хорошо, только считаю, что... сейчас поясню на своем опыте. По данным прошлого года через Школу гуманитарного образования с 1996 г. прошло около тысячи человек. Из этой тысячи выпустилось около 20 человек. Из этих 20 мы реально имеем дело с 7—10 молодыми людьми. Т. е. это около 1 %. Я считаю, что это успех. Я считаю, что ШГО — школа массовая. При этом мы там постоянно разворачиваем тезис о том, что равенства нет. Это значит, что старт может быть у всех одинаковый, но дальше в силу каких-то обстоятельств, прежде всего, в силу собственного самоопределения людей, мы имеем совершенно различные результаты. При этом я не считаю, что те, которые не 10, оказались неуспешны, у них есть свой результат. Практика у нас развернута массовая, но если посмотреть, то получается два человека в год.

Мне кажется, что управленческое образование во многом формирует идеологию нового поколения. Она оседает на уровне идеалов, ценностей, форм организации жизни, одежды, моды и т. д. И если все колледжи, лицеи, учебные заведения открытого образования начнут формировать идеологию нового поколения — с одной стороны, а с другой, начнут выполнять функцию подготовки к чему-то — к управлению, дизайну, художественным практикам, то ничего нет страшного, что у них остается 10 человек. Поскольку они такую большую функцию выполняют. С другой стороны, такого рода проекты и программы не могут обходиться без новой идеологии. Новая идеология — это волна, которая начинает мотивировать, подогревать этих молодых людей на образование. Образования без этой энергетической волны не бывает. Поэтому к практике массового выращивания управленцев отношусь хорошо, если там есть эта волна.

На одном из наших недавних мероприятий мы обсуждали понятия «молодежь» и «поколение». Выяснилось, что это совершенно два разных понятия. Обычно под молодежью подразумевают тех, кто молод, этакая молодая поросль. А поэтому для «молодежи» надо создавать отдельные программы, желательно МЖК (это когда молодые кандидаты наук строят себе жилье и не занимаются наукой). И всю энергетику с канала социальных изменений перевернуть туда. Еще армия, это тоже такой «молодежный проект» — «школа жизни». Поэтому сначала надо побывать в армии, чтобы часть романтических ценностей у молодого человека исчезла, затем надо его засадить, чтобы он строил себе квартиру лет пять, чтобы потерял квалификацию. И когда он полностью потеряет ценности и квалификацию, его можно встраивать в общество, потому что в этом обществе главное

— это не принимать никаких решений. Ведь все решения, в том числе и относительно тебя, уже приняты.

А вот поколение — это те или тот, кто имеет некоторую идеологему движения не просто вперед, а какого-то иного движения. Это может выражаться в самых различных формах, начиная от сексуальной революции и рок-н-ролла, заканчивая новыми представлениями о собственном образовании и об организации собственной жизни. Я думаю, что последние события, которые произошли в США[34], могут иметь очень серьезные не только геополитические и военные последствия, но и идеологические. Как ни странно, это трагическое событие может повлечь за собой волну идеологических перемен, в том числе, в молодежной культуре.

* * *

Мы, конечно, не можем говорить за существующую палитру образов жизни, которая нарождается в современном обществе (я имею в виду не только российское, но и мировое общество), но мне кажется, что мы можем начинать обсуждать такое новое явление, как проектно-программная организация жизни.

Если во второй половине XX в. такие деятельности, как проектирование и программирование связывались, прежде всего, с ВПК, с организацией деятельности военных и близких к ним подразделений, то на следующем шаге проектирование и программирование стало использоваться в инженерии. Начинают появляться представления об автоматизированных системах, в том числе, об автоматизированных системах управления. Следующим шагом использования проектно-программного подхода была так называемая социальная инженерия. Социальная инженерия связана с построением разного рода общественных структур, их организации и соорганизации. Но на рубеже XX—XXI вв. с инженерным подходом начинает конкурировать принципиально другой подход — гуманитарный. Представители его тоже называют себя представителями проектно-программного подхода. Но если инженерную логику можно назвать «логикой прогрессорства», то гуманитарии начинают обсуждать идею проектирования и программирования на фокусе принятия человеком соразмерного ему решения. После того, как мы перестаем с вами мыслить деятельность в инженерном ключе (а проектно-программный подход — это подход, связанный с организацией деятельности), мы перестаем думать, что там есть ответы на все вопросы (что такое цель деятельности, каковы задачи, средства, орудия и основные механизмы).

Если мы с вами такие чистые теоретики, то мы, конечно, можем написать: «цель, задачи, средства» и наивно полагать, что если мы

[34] 11 сентября 2001 г.

отдадим кому-то эту нашу разработку, то другими людьми деятельность будет воспроизведена. Это если мы с вами наивные инженеры. Таким образом можно действовать по отношению к природным объектам и процессам. Но когда мы с вами начинаем работать с обществом, с социальной материей, с большими группами людей и отдельными людьми, то мы вдруг начинаем понимать, что наша теоретическая конструкция начинает проваливаться.

Мне кажется, что гуманитарное сознание работает, прежде всего, с тем, что по-простому можно назвать «поправками на ветер». Это подобно тому, когда мы стреляем, но знаем, что есть ветер, и пулю снесет в момент выстрела. В жизни, в ситуации реального принятия решений все, как ни странно, зависит от этих поправок. И нам с вами знаний о поправках, бывает, необходимо больше, нежели чем о самой структуре деятельности. Это имеет прямое отношение к вашему образованию. Вы 10 лет изучаете представления об основных структурах: математике, физике, химии и много еще чего. Но в 13-м классе, я имею в виду в жизни, вы вдруг начинаете понимать, что на самом деле все это хорошо, но при этом столько есть условностей, столько реальных ситуаций, что если вы будете действовать напрямую, просто очень быстро проиграете.

Представьте, что вы изучаете в солидном университете представления об организации и менеджменте, и там нарисованы все эти американские структурки, схемки, потоки и все остальное. А затем вы приходите на отечественное производство или на рынок гуманитарных услуг. Как сказал один мой очень успешный знакомый, я, конечно, схему деятельности знаю, но ее знают многие. Понимаете, искусство поправок на ветер. Искусство ориентации в ситуации. Мне кажется, что проектно-программный подход в гуманитарной оболочке все больше и больше необходим, поскольку мы вдруг выясняем, что пока мы с вами получали образование, готовились к той или иной деятельности, сама эта деятельность уже принципиально изменилась. Мы с вами идем, но вот того, куда идем — уже нет. Способность ориентации в таких ситуациях я и называю гуманитарным подходом, или гуманитарным отношением.

Если обсуждать в логике противопоставлений, то проектная культура может быть противопоставлена так называемой канонической культуре. Каноническая культура есть нечто замкнутое, существующее в жестком соответствии с законом, образом, образцом. Считается, что расцвет канонической культуры приходится на эпоху позднему средневековью, и вы, надеюсь, понимаете, почему. А проектное мышление в этот период в некотором смысле сужается, поскольку в тех местах, пространствах, где существует каноническая культура, нет большой энергетики для авторского действия. И история устроена так, что можно очень длительное время прожить без

авторского действия. Это время обеспечивается канонической культурой.

Здесь есть один тонкий момент, который для вас, как для людей молодых, должен быть важен: не надо думать, что проектирование — это абсолютно авторское действие. Проектная культура тоже «культурна», и это принципиально. Она позволяет как бы микшировать культурные образцы, то есть соединять, употреблять, использовать тем или другим образом. Кстати, возникновение проектной культуры так или иначе связано исторической ситуацией, когда человечеству перестало хватать естественных ресурсов и пришлось думать о принципиальной смене производственного цикла, технологий, образцов и даже целей.

При этом надо учитывать, что проект всегда выращивается только «на собственном теле» проектировщика, исходя из его собственной проблематики, в контексте его несогласия со своим внутренним миром. Но поскольку вы люди молодые, и на вашем теле не паразитирует так много проблем, которые бы призывали вас к проектной деятельности, то так или иначе организаторы этого мероприятия пытались вам показать на материале уже сложившихся культурных прецедентов, как возникали подобные проблемы и как происходило проектирование.

Следует понимать, что инженерный подход, в рамках которого во многом становилось проектирование, не применим к гуманитарным объектам. Он не применим к процессам человеческого выбора, человеческого самоопределения, коммуникаций между людьми, поскольку прогноз, связанный с этими процессами, невозможен.

Эта проблема начала осознаваться во второй половине XX в. как необходимость разработки и введения методов гуманитарного проектирования. Методы гуманитарного проектирования необходимы нам, если мы ставим задачу развития в отличие от задачи прогрессирования. В отличие от прогресса развитие предусматривает наличие ценностей. Только относительно заявленной ценности мы можем судить, что происходит — развитие или деградация. В этом смысле развитие субъективно, а вопрос о выборе единицы развития всегда приводит к столкновениям, а, следовательно, является вопросом политическим.

Вопрос: Правильно ли я понимаю, что в основе развития лежат ценности? Что тогда лежит в основе прогресса?

А.П.: Техногенные прототипы. Вот мы наблюдали недавно ситуацию одного из закрытых сибирских городов. Там около 70 тысяч жителей, и почти все они уверены, что хорошо живут. Недавно в этом городе построили замечательный музей в стиле модерн, подобного я в Сибири не видел, но он по выходным закрыт. Спрашиваем, почему. Отвечают: «Так выходной же у всех». Вот это и есть вопросы о единицах развития.

Мы с вами, если собираемся осваивать проектно-программный подход, конечно, должны удерживать систему представлений об организации деятельности, и прежде всего, понимать, что такое рамочная установка, или горизонт, относительно которого осуществляется дело. Во-вторых, мы должны понимать про цели и обладать способностью целеполагания. В-третьих, мы должны понимать, что такое задача. Т. е. мы должны четко представлять, что такое морфология и структура, как на ней может «жить» цель и функционал, и что такое поле смыслов, в котором это все находится. Иначе говоря, мы должны уметь присваивать разным ситуациям, объектам и явлениям статус деятельности.

* * *

В 1996 г., когда страна находилась в странном промежуточном состоянии, и было совершенно непонятно, чему и как учить детей, мы заявили необычный проект в сфере дополнительного образования старшеклассников, построенный на разворачивании ими практической образовательной задачи. Сегодня продвижение этого проекта уже закономерно, он начинает двигаться сам, и более того, идеология новых форм работы, нового содержания образования для старшеклассников, заявленные в проекте как идеология самоопределения, уже стала нормой во многих федеральных и региональных документах. Педагогика самоопределения, гуманитарные технологии, индивидуальные образовательные программы — эти слова стали сегодня на слуху. Проект встал на ноги и уже требует плотного исследовательского режима, режима, связанного с подготовкой кадров. Уже надо делать клуб (ассоциацию) выпускников привлекать их к дальнейшим разработкам. Вообще я заметил, что шестилетняя история проекта для современной российской ситуации — это уникальное явление. С 1996 по 2001 гг. в России многое изменилось. Не только Президент и политическая карта страны. Изменилась конъюнктура, ментальность. И, самое главное, происходит ценностная поколенческая реформация. То поколение учеников, которое сейчас активно входит в жизнь — это совершенно другие молодые люди нежели те, с кем мы начинали работать в 1996 г. Поэтому я обращаю внимание стажеров и аспирантов на то, что, когда мы начнем дальше проектировать Школу, мы должны исходить не из своих выдумок пятилетней давности, а ориентироваться на результаты фокус-групп, пока несколько поколений учеников и выпускников находятся здесь.

Вот эта шестилетняя история… Как в свое время сказал Шопенгауэр, «мир есть воля и представление». Так и проект ШГО держится на двух вещах — на представлении о мире, о реальности и на убежденности в эту реальность. Убежденность здесь граничит с представлением о воле. Если вы внимательно посмотрите на историю Школы

гуманитарного образования, а она довольно интересно описана во «Введении в педагогику самоопределения» (2001), то вы увидите, что в нашей истории было несколько волевых точек — точек принятия решений. Недавно мы с Ириной Проскуровской посчитали, что за последние годы мы раз пять уходили с прежней работы. А недавно на некоторые из них вернулись, но уже на других условиях. Смысл работать в государственных структурах прекращается после третьего увольнения. Просто потом люди начинают делать свой проект, прикрепляясь при этом к той или иной государственной структуре. И каждый раз получалось так, что мы крепились к более большей структуре. Сейчас мы дошли до субъектов Федерации.

Мне кажется, что за эти шесть лет нам удалось сделать самое главное — удержать те ценности, которые нас всегда вдохновляли, и те цели, исходя из которых мы каждый раз восстанавливали проект, двигали его дальше и двигались сами. Я считаю, что не существует натурального, простого ответа на вопрос «зачем вам нужен этот проект». Когда меня об этом спрашивают, я отвечаю: «Чтобы было». Культура вообще такая вещь, про которую нельзя прагматически сказать, зачем она нужна. ШГО — это поколенческий проект. Ситуацию, в которой он начинал разворачиваться, я бы назвал ситуацией социокультурного развития. Было абсолютно неясно, какая чаша политических весов перевесит, и в какую сторону будет двигаться страна. В таких ситуациях всегда очень сложно выстраивать фундаментальные, глобальные проекты. И вы понимаете, что образование относится к ряду как раз таких проектов, потому что проектировщик берет на себя ответственность за молодые поколения, и у него должна быть обоснованная версия о том, каким будет мир и какими должны быть младшие. И вот перед нами встала задача — на каком языке мы будем учить молодых людей разговаривать и видеть мир. Думаю, что мы поступили правильно — мы не учили их никакому языку.

Вслед за Павлом Малиновским я бы выделил четыре варианта, которые можно рассматривать как возможные сценарии дальнейшего развития социокультурной ситуации. Первый вариант нам достался еще из тех времен, когда на мировой карте существовали две большие державы, два Мегапроекта. Эти два мегапроекта находились в ситуации конкуренции между собой. Вы, наверное, уже не знаете, а ваши родители хорошо помнят выражение «холодная война». Поколение наших и ваших родителей жило в ситуации культурной поляризации. И для многих этот сценарий еще не закончился. Другой вариант возможного развития событий: сегодня очень серьезно обсуждается идея культурной макдональтизации, от слова «МакДональд». Это такая организация, где торгуют американской едой. При этом я к этим сценариям не отношусь ни как к хорошим,

ни как к плохим. Вполне возможно, чтобы сохранить культурные основы, нация примет вариант культурной изоляции, а различные государства будут ставить ряд культурных преград на интеграцию. И мы уже знаем такие примеры. Наконец, возможен сценарий культурного диалога, когда разные страны будут взаимодействовать на основе культурной коммуникации. Итак, четыре сценария — поляризация, макдональтизация, изоляция, диалогизация. При этом, как вы понимаете, не понятно, к какой логике культурной ситуации вас нужно готовить. Кстати, это основная образовательная проблематика, с которой столкнулось наше поколение.

Почему я называю проект ШГО поколенческим? Я думаю, что сила проекта ШГО была в том, что мы не стали гадать и не стали просчитывать ситуацию вашего будущего. Проект устроен так, что это право остается за самими участниками проекта. У взрослых (экспертов ШГО) есть лишь версия того, как будет развиваться сценарий, но эта версия — не абсолютно правильное знание школьного учителя, а лишь одна из возможных экспертных версий. Вообще, мы стараемся приглашать разных экспертов, чтобы они не были согласны друг с другом. И чтобы построить собственную позицию, ученики должны сами выстраивать коммуникации с этими людьми. Я думаю, что этот проект поколенческий ещё и потому, что его делает моё поколение, тем, кому сегодня около тридцати. Это очень принципиально. Проект делает то поколение, которое воспитывалось на произведениях братьев Стругацких, на поэзии БГ, на лирике Шевчука. Хотя для культуры это в некотором смысле нонсенс. Потому что эту функцию по отношению к вам должно было взять на себя не наше поколение, которое старше вас на 10—15 лет, а то, которое старше вас на 25—30 лет. Но если мы посмотрим на это поколение, то увидим, что так исторически сложилось, что им никогда не приходилось выращивать на себе новые антропопрактики. А вторая ситуация связана с тем, что мир просто стал мобильнее, и цели и задачи, которые были у того поколения, автоматически перешли к более младшим. Правда, теперь остался вопрос: чем же будет заниматься более старшее поколение. Но так или иначе цели и задачи переместились ниже. Заметьте, это касается не только нашего, но и вашего поколения. На вас влияет та же «волна», и вы вынуждены начинать брать на себя ответственность за принятие тех решений, которые раньше «детям» принимать не приходилось. И заметьте, ситуация образования не провоцировала человека на то, чтобы он принимал решения в таком возрасте. Я думаю, что эти решения в целом можно охарактеризовать как решения по поводу собственного самоопределения в этом мире.

Теперь следующий момент. Мне кажется, что проект ШГО отличался ещё и тем, что в то время, как вся педагогическая общест-

венность наперебой обсуждала «портрет выпускника», у нас не было четких установок, каким должен быть человек. К счастью, мы избежали этой натурализации, возможно, благодаря больше не педагогической, а философской интенции. Теперь, конечно, понятно, что мы разрабатывали новый антропологический проект. Такие «Люди «Х»«, вы наверняка видели этот фантастический фильм о молодых людях, которые обладают не обычными, а суперспособностями.

Я вспоминаю эти годы — 1996—1998, которые проходили в таком романтическом, экзистенциальном ключе. Это было наше собственное состояние и ощущение себя. Сейчас трудно сказать, чему мы пытались тогда учить детей, но что принципиально важно, перед детьми возникали люди, открытые к социальному, культурному, этическому конструированию, которые набирались окаянства осмыслять существующие нормы и строить собственные версии и мнения по отношению к этим нормам. Проект ШГО можно назвать проектом человека самоопределяющегося, человека, организовывающего мир и представления о мире. Я бы сказал образно — в безвыходной ситуации, когда плот несет по морю и не понятно, куда его прибьет, человек самоопределяющийся — это тот, кто может не просто найти выход из этой сложной ситуации, но суметь так ее проинтерпретировать, чтобы выход был. Это и есть, на мой взгляд, «портрет выпускника» ШГО.

Семен Борзов, ученик ШГО, г. Междуреченск: Я в одной книге встретил такой тезис, что государственные механизмы не потерпят в себе чего-то независимого. Вы согласны с этим? Это про то же самое, что и «Люди “Х”».

А.П.: В последнее время в ШГО мы стали обсуждать такое странное понятие, как государственная антропология. Под ним мы имеем в виду государственную позицию относительно того, каким должен быть современный человек. Мне кажется, что сегодня антропология Российского государства должна быть связана с человеком самоопределяющимся, с человеком, который может, прежде всего, организовывать ситуации собственной жизни. Другого хода у страны просто нет. И другого ресурса тоже нет. Идеологический ресурс закончился. У государства, на мой взгляд, наступила уникальная возможность (правда, чтобы ее реализовать, надо и концепцию государства сменить) выстраивать иной тип отношений с человеком: превращать его не в инструмент государственной эксплуатации, а реализовывать другой сценарий, когда человек имеет возможность выращивать на материале своей жизни новые государственные формы, иметь версию по поводу нового государства, и это будет одной из версий, которая помогает ему двигаться.

А. Скалон, эксперт ШГО: Знаете, Конфуций когда-то сказал, что у приличной жены муж — не инструмент. Вот и у приличного государства инструментов не бывает. Государство — это рамка, способ сосуществования людей, данный им в окружении других людей. Если бы вся земля стала Россией, не дай Бог, конечно, то мы бы и внутри нее выделили государство и обозначили границы. Потому что есть еще и ограничение сложности, в которой можно существовать. Советский Союз рухнул не потому, что его три человека собрались и разделили, а потому, что он был слишком сложным, чтобы существовать в этом мире. Государство — это одно, а принципы, на которых оно существует — совсем другое. Джефферсон как-то сказал, что хорошее государство то, которое не дает людям убивать друг друга и не слишком дорого для них стоит. Такое государство и имеет достойных людей.

С.Б.: Можно ли сказать, что в СССР люди работали на благо государства, а сейчас государство должно работать на благо людей?

А.С.: Знаете, если государство начнет работать на ваше благо, я вам не завидую. Роль государства не в этом. Роль государства «быть рамкой». Может ли «работать» на вас рамка картины? Да, наверное, если она подчеркивает ваше достоинство. Государство — это не слуга народа. Например, США — мощная олигархическая группа, которая всем говорит, что они демократическое государство. И там есть люди, которые думают, что живут в демократическом государстве. Но есть группа, которая понимает, что это не демократия, а правила игры. Они составляют примерно 70 % американцев. Вероятно, что и у нас сложится какая-то такая схема.

А.П.: Я вас предупреждал, что у экспертов свои, устойчивые взгляды. Но вопросы вы им задавайте. Они вас не учат, а говорят то, что думают, хотя и весьма обоснованно.

М. Балашкина, тьютор ШГО: Правильно ли я понимаю, что присваивая проблему, человек самоопределяется. Но с какой стати ваши гуманитарные карты станут моей проблемой? Что во мне должно произойти, чтобы это стало моей проблемой? Каким образом самоопределение может соотноситься с проблемами, которые на самом деле человеку не принадлежат? Я могу думать о себе, а могу вообще не думать и жить при этом прекрасно.

Мне кажется, что такого рода проблемы, связанные не с моим личным контекстом, например, Сибири, России, возникают в тот момент, когда человек начинает мыслить себя не только как внутреннюю целостность, а позиционировать себя в большие пространства. Например, пространства управления. И тогда моя деятельность сегодня должна быть соразмерна управлению этой вот мелкой единицы, а завтра должна быть соразмерна управлению

Сибирью. Человек, который думает про свое будущее, позиционируется в социальном контексте, а не только в своем личном. Он начинает претендовать на выход в большие пространства.

А.П.: Заметьте, что проблема никогда не существует объективно, как данность. И еще нужно ответить на вопрос, в какой реальности эта проблема существует. Одни видят эту проблему, а для других её просто не существует. И это нормально. Вопрос признания проблемы — это еще не самоопределение, но это шаг к нему.

Нам часто приходится заниматься вопросами управленческой переорганизации. И очень часто возникает ситуация того, что многие управленцы просто не видят проблемы и поэтому не выстраивают своей позиции. У них все хорошо, хотя на словах все плохо. В этом смысле они — никто. Разговариваем с одним управленцем в сфере образования на уровне субъекта Федерации. Спрашиваем его: «Вы кто?». Он отвечает, что он начальник такого-то отдела. «А в процессах реформирования региональной системы образования Вы кто?». С этим сложно. Заметьте, проблем объективно не существует, они в наших головах. Иногда на то, чтобы сформулировать и зафиксировать проблему, уходят годы. Порой для людей легче этого не делать. Вообще возможность самоопределения появляется в тот момент, когда мы признали, что Мир есть Проблема.

Недавно с мы Ириной Проскуровской обсуждали возможность переорганизации одного вуза, и у нас появилась очень интересная схема взаимодействия системы бакалавриата и магистратуры. Как мы решили построить высшее гуманитарно-технологическое образование? 4 года — это получение базового гуманитарного образования. А далее 2 года в магистратуре, где студент может выбрать PR, организационный консалтинг, психологию, рекламу и т. д. Заметьте, какой может интересный получиться набор — например, он менеджер, но в сфере культуры. Потому что, с одной стороны, он должен понимать про разные реальности, с другой стороны, уметь их организовывать. А сейчас как? Либо культурологи, либо менеджеры. Кто такой сегодня выпускник-культуролог? Юноша со взглядом горящим. И больше практически ничего. Культурой не надо заниматься, ее надо уметь делать в рамках культурной политики. Теперь другой крайний вариант — те, которые умеют бегать, менеджеры. В голове ни одной мысли, сделать по большому счету ничего не могут. Они могут быть хорошими исполнителями, но не могут гуманитарно мыслить, не могут комплексно простраивать и организовывать деятельность. Нет контекста, рамки и представления о реальности. У нас в стране сегодня владение компьютером и знание английского языка — высшее образование. Пик успеха. Нет, уважаемые, это всё минимальные навыки! Более того, знание основных философских и культурологических концепций — это тоже

должно быть как «чистить зубы». Самое необходимое и потому самое эксклюзивное сейчас — это практическое мышление. В скобках хочу заметить, что Кант в свое время обсуждал идею практического разума в контексте представлений об «автономной воле».

Следующий вопрос — о профессиональной подготовке. Я бы здесь воспользовался термином «транспрофессионализм». Транспрофессионалы — это люди, которые обладают такими уникальными способностями и возможностями, которые позволяют им менять материал. То есть, менять то, с чем они имеют дело. За счет чего у него возникает возможность такой смены? Мы отвечаем: за счет мышления. Мы, конечно, никогда не ставили задачу в 18 лет сделать из человека такого профессионала, но старались, чтобы состоялось некоторое профессиональное самоопределение. Прежде всего, уважение к мышлению. Уважение к мышлению — это понимание того, что ничего не случается само по себе, что дело требует усилия, воли, специальной организации и соорганизации, что без этого невозможно никакое управленческое решение. Помните про спор физиков и лириков? В каком-то смысле этот спор продолжается и сегодня, это спор между лобовой прагматикой и рефлексивным отношением к миру. Самое главное, чтобы в нашей Школе сохранялась ценность практического мышления.

А.С.: А можете ли вы сказать, на каких дисциплинах лучше всего образуются эти транспрофессионалы, из чего они легче вырастают?

А.П.: Если взять, например, журналистику, то это не дисциплина, а современная полипрофессиональная деятельность. Журналист по принципу должен обладать, как минимум, двумя специализациями: это филология и знание той практической сферы, в которой он работает. В логике дисциплины мне на этот вопрос ответить сложно. Я думаю, что для того, чтобы возникали эти самые гуманитарные транспрофессионалы и происходило подобное самоопределение, надо создавать такие «поля», на которых бы происходила актуализация уже не дисциплинарного, а практического знания. Потому что при делении мира на предметы и дисциплины путь к самоопределению закрыт.

И все-таки я знаю немало замечательных попыток, когда талантливые педагоги начинали обсуждать в старшей школе не только сами школьные предметы, но и их историю и философию. Мне кажется, что все они пытались в рамках существующей институции проделать именно этот ход: открыть пространство мета-предметности и мета-дисциплинарности, выйти в поле смыслов, и уже там открыть возможность гуманитарного самоопределения.

Я думаю, что транспрофессиональное самоопределение — это момент и условие современной свободы. Что это значит? Это неза-

висимость от принадлежности к одному профессиональному сословию, отсутствие привязки к постоянному месту работы, личная и профессиональная мобильность. Понимание, что твой потенциал есть твой индивидуальный капитал, прежде всего. Я очень доволен тем, что хотя наши выпускники ещё и не стали такими профессионалами, но они достаточно быстро движутся. Они учатся в вузах, в аспирантуре и при этом имеют свои проекты, активно работают в наших проектах. Мне кажется, что самое главное — воля, мышление, цели и ценности, эти четыре составляющих современного профессионализма, — у них есть.

И самое последнее, о чем я не могу не сказать: ШГО — это претензия на создание нового, или иного, образа жизни, попытка оформления новых структур человеческого бытия. Почему я позволил себе так выразиться? Потому что с самого начала проект ШГО была нашей юношеской попыткой совершить невозможный маневр, «выскочить» из той постперестроечной ситуации, не дожидаясь, когда линейные ценности выживания будут переведены (в том числе, и на наших телах) в массовые формы жизни и мироощущения. И не надо к ШГО относиться как к школе. Сейчас мы понимаем, что никогда не строили школу — этот социально-политический институт в советском смысле слова. Мы строили собственно образовательный институт, который теперь мы называем Институтом Человека. Но если Школа, то именно, так, с большой буквы, в древнегреческом смысле слова — как досуг, как свободное время для свободной постановки и решения целого ряда частных — индивидуальнозначимых — проблем.

А.С.: Я согласен с Александром Анатольевичем в том, что это не школа. Это такая штука для подростков, куда попадают самые любопытные. Люди, которые желают сами думать. И 1 % — это очень хороший результат для таких схем. Мне такой тип образования очень интересен и он очень полезен. Я тоже считаю, что мир не делится на физический и химический, что это человек для удобства разделил мир на дисциплины. И мне кажется, что транспрофессионализм нарабатывается там, где учат мыслить системно. А следующий важный этап — это понимание того, что существует социальный опыт, наслоения, традиции, которые передаются от поколения к поколению. Сейчас мне вдруг стало понятно, в чем смысл старости. Это мостик, который перекинут между парадигмами и поколениями. Старый человек это тот, который сохраняет ценности Шопена, пройдя через век «Битлз».

С.Б.: Можно ли, используя метафору Шопенгауэра, сказать, что если я имею волю и представления, то я буду знать, куда плывёт мой плот, и я смогу им управлять?

А.П.: Сегодня мы все находимся в ситуации фундаментальной неопределенности. Ни один культурный сценарий не явен. Помните древнекитайское проклятие «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен»? Мы с вами живем в эпоху перемен. В эти моменты и появляются разные новации в сфере образования и педагогики. Они появляются на разрывах, на проблемных точках. Мы понимаем, что находимся с вами на одном плоту. И поэтому мы не обучаем вас, а пытаемся вместе учиться. Учиться соорганизовывать мир, создавать ситуации. Но сколько прошло времени, чтобы стало возможно об этом спокойно и легитимно говорить?

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ИЛИ ОЗНАЧЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА[35]

Появление данного текста вызвано, главным образом, участием в различных проектно-програмных работах по развитию сибирских городов. Современная регионализация как стиль и форма управленческого мышления сегодня находится в стадии проблематизации. Пожалуй, главной характеристикой этой проблематизации является переход от логик целевых (проектных) к логикам программирования, связанным с формированием реальностей нового типа. Реальностей, способных оформлять целостный регион жизнедеятельности человека. В этом случае сегодняшняя управленческая проблематика заключается в трудности перехода от объектно-материальных логик к логикам гуманитарным, создающим «объекты второго рода» — объекты культуры, духа, смысловых коммуникаций. Объекты, в поле которых и возможны предельные антропологические процессы самоопределения.

Данный текст есть попытка рефлексивного описания опыта работ по оформлению гуманитарно-управленческого мышления (как командно-коллективного ресурса) в логике содержания понятий и типологии управленческих стратегий.

К содержанию понятия «образовательная политика»

Во-первых, образовательная политика интерпретируется мной как управленческий стратегический инструмент, принадлежащий к классу гуманитарных технологий, т. е. технологий, обеспечивающих, прежде всего, коммуникационную среду разного типа содержаний.

[35] Доклад на IV Всероссийской конференции «Традиционные и инновационные процессы в образовании: проблемы управления». Томск, 2—4 февраля 1999 г.

При этом гуманитарные технологии порождают так называемые «объекты второго рода» — материю культурно-виртуальных пространств-рефлексий: смыслов, семиотик, образов, ощущений, т. е. бытийно-антропологических оснований. Во-вторых, образовательная политика является механизмом оформления региона смыслов существования человека, оформляет этих смыслы, с их помощью задает среду обитания: регион культуры, регион истории, регионы самоопределения. В-третьих, образовательная политика (как и вообще любая политика) ориентирована на оформление общественного сознания, т. е. ее источник может находиться в государственном, в частном, в личном секторе, в некоем групповом, тогда как эффект образовательной политики ориентирован, прежде всего, на общественный сектор. И как любая политика, образовательная политика генерирует и использует в качестве средства такой феномен, как образ будущего, что собственно и позволяет ей работать с общественным сознанием. И, в-четвертых, отсутствие образовательной политики сегодня, несомненно, тоже есть разновидность специфической образовательной политики постсоветского чиновника.

Образовательная политика (как технология искусственного) опирается на естественные процессы возникновения человека — оформления среды такого возникновения.

Но так называемые «априорные черты» здесь не рассматриваются, задача данного текста — это показать возможные ходы современного мышления в осуществлении образовательной политики.

Означение жизненного пространства

Понятие «означение» представляется мною здесь в трех аспектах.

Во-первых, как знаковое оформление среды существования человека — «дизайна» в широком смысле этого слова — образы жизнедеятельности, градосемиотика, историко-культурологические знаки и т. д.

Во-вторых, придание значения самой жизни человека, удержанное через понятие «смыслы жизни», как задание нормы, связанной с ценностью безусловного полагания смысла. Как правило, эта функция удерживается через выделения особенностей сообщества.

В-третьих, придание значения истории жизни человека. Например, история города как история моей семьи. Ключевое понятия здесь — «история».

Итак, понятия, которые могут задавать процесс означения жизненного пространства: знак — культурный символ — смысл жизни — история человека (индивидуальная история).

Типологизация сибирских городов

Типология указывает на качественность объектов, их специфику и различность. Типологизация, по существу, есть технолого-практический инструментарий, поскольку лишь только типологизированный объект возможно использовать в практике, выращивать на нем технологии и знания. В данном случае эта процедура необходима для выделения специфик городских пространств и определения в связи с этим управленческих стратегий возможных вариантов городского развития.

Традиционно принято разделять города по количеству жителей. Для Сибири такая схема будет выглядеть следующим образом: малые города — около 100 тысяч жителей; средние — 250 тысяч; большие — более 500 тысяч жителей. Но, наверное, такой подход сегодня не актуален, поскольку количественные характеристики сегодня не всегда коррелируют с качественной спецификой объектов социокультурной организации.

И в этом случае следует искать и находить другие (гуманитарные) характеристики, на основе которых будет произведена типологизация. С другой же стороны, следует заметить, что существует и некоторая динамика развития объекта, которую условно можно описать в следующей логике: естественный объект (в нашем случае, естественная характеристика — количество жителей) — естественно-искусственный объект — искусственно-естественный объект. Если учесть, что, например, такому большому классическому городу Томску в 2004 г. исполнится 400 лет, то можно сделать вывод об условной «молодости» сибирских городов. В этом смысле их можно рассматривать как естественно-искусственные объекты, где будут коррелировать две характеристики: естественная — количество жителей, и искусственная — характер градообразующих принципов.

Тогда мы по отношению к типологии «малый — средний — большой» получаем следующие характеристики: в малых городах, как правило, существует один градообразующий принцип, связанный с развитием той или иной производственной отрасли; в средних городах градообразующих принципов может быть несколько (и они не только производственного характера; классическим в этом смысле является город Бийск); большие же города имеют тенденцию, связанную с тем, что градообразующие принципы перестают иметь свое ключевое значение, и город становится местом проживания человека.

Соответственно такой типологии можно рассмотреть содержание понятия «история». Малые города, как правило, имеют «линейные истории» — перечень фактов, связанных с формальными событиями (например, открытие шахты, комбината, ГЭС; движение переходящего Красного Знамени; посещение города «большими

людьми» и т. д.). По-существу, это даже сложно назвать историей (в смысле отрефлектированных культурных тенденций).

Средние города имеют так называемую «не проявленную историю»: ощущение историчности присутствует, но ее понимание и раскодировка не совершаются. Так, например, в Бийске, который создан 290 лет назад по указу Петра I, сама историчность города как ресурс не используется в сферах городского PR, воспитания, молодежной политики, культурного проектирования. Пожалуй, лишь только в среде местных историков и, что позитивно, в кругах предпринимателей эта идея начинает оживать.

Большие города удерживают собственную историчность в виде «разнооформленных очагов»: научное сообщество, церковь, библиотеки, архитектура, городские традиции и т. д. Здесь историчность начинает превращаться в культурно-самоопределенческий ресурс становления и существования человека. Но целостное культурно-историческое пространство и там не является оформленным и объективно заданным, главным образом потому, что отсутствуют современные позиции культурно-исторических продюсеров, организующих гуманитарные города.

Образовательная политика как означение жизненного пространства

Поиск ресурсов предусматривает наличие логик двух типов: с одной стороны, логики переорганизации (или логики экономии), с другой стороны следует признать, что управленческая соотнесенность с понятием «современность» требует выделения ресурсов нового типа. Кстати, эти две логики довольно-таки конкурентны, поскольку вторая может быть развернута только из рамки развития

Поиск ресурсов нового типа — это предпринимательская логика. Она предусматривает другой тип мышления по отношению к тому, который складывался в командно-административной системе [1]. Так, например, сегодня ресурсом нового типа может стать коммуникация (в отличие от бюрократической коррупции). Причем в критических моментах управления «большой, но старый» ресурс может быть не уместен. (Например, огромная армия педагогов в педагогических вузах сегодня не может справиться с новыми актуальными педагогическими задачами).

Поэтому когда мы сегодня говорим о «кризисе натурального ресурса», мы имеем в виду не его нехватку, а задачу по его реорганизации в культурный ресурс, то есть в ресурс развития. Такой ресурс может возникать за счет изменения управленческих стратегий, связанных с запуском процессов проектирования и программирования в регионах. Тогда основная сегодняшняя управленческая проблема

в предельном своем виде звучит так: «Какими стратегиями и способами мы можем сегодня создать ресурс культуры?».

Образовательная политика представляется мне как раз такой стратегией по формированию ресурса культуры. И только в таком случае ее можно рассматривать как политику, а «переливание из пробирки в пробирку» старого ограниченного ресурса (например, усеченных статей бюджета) уже не является образовательной политикой, поскольку не создает новых логик культурообразования.

Так понимаемая образовательная политика, соединенная с идеей типологии городов, может быть рассмотрена как образовательная стратегия означения регионов становления и развития людей.

В малых городах методами «искусственного усложнения» реальностей. За счет создания культурных предметов, порождающих индивидуальные рефлексии, образовательная политика превращается в механизм искусственного формирования исторического пространства (стратегия прецедентов).

В средних городах необходима социальная институализация культурно-исторического пространства через презентацию сомоопределенческих стратегий и смыслов жизни (стратегия лигитимизации).

В больших городах возможно построение «сетевых конфигураторов» — сетевых отношений и коммуникаций, существующих и удерживающих четкие и определенные культурные смыслы и идеи, так называемый новый тип градообразующих оснований Гуманитарного Города (стратегия гуманитаризации).

Таким образом, современная образовательная политика не есть механизм прямого влияния на человека (политика не занимается методикой и дидактикой), а есть средство порождения нового типа ресурса — ресурса культурообразования. Человек же, как субъект образования, получает возможность им воспользоваться или, что возможно, отказаться.

«ДРУГОЙ СТРАНЫ У НАС НЕТ»[36]

Корр.: Александр Анатольевич, Ирина Дмитриевна, скажите, пожалуйста, как случилось, что все ваши исследования и проекты связаны с проблемой самоопределения? Какое место тема самоопределения занимает в сфере ваших философских и педагогических интересов?

[36] Фрагмент интервью с Александром Поповым и Ириной Проскуровской, взятого редакцией молодежного культурологического журнала «АРХЭ».

Александр Попов (А.П.): Если заглядывать в самые истоки, то у меня, наверное, это было обусловлено каким-то особым ощущением себя, появившимся еще в старшей школе. Дело в том, что в 15 лет я начал профессионально заниматься шахматами. И в шахматном пространстве мне постоянно приходилось решать одну и ту же проблему — проблему соотношения между существующей нормой (правилом) и собственным индивидуальным решением. Судя по записям партий, которые я играл и которые у меня сохранились, тогда я не решил этой проблемы в пользу индивидуального. По всей видимости, дело было не в моей неоснащенности, а в некотором пиетете перед Культурой. Я боготворил Талля, но знал, что самый правильный был Капабланка.

Эту же проблему впоследствии мне приходилось решать неоднократно — в собственном образовании, в преподавательской деятельности, в философских и педагогических исследованиях, в образе жизни… А в какой-то момент проблема самоопределения стала превращаться в задачу проектирования. В результате возник проект Школы-лаборатории гуманитарного образования и целая исследовательская программа вокруг него.

Ирина Проскуровская (И.П.): У меня, конечно, своя история, и как-то на одной из сессий ШГО я попыталась публично ее реконструировать. Понимаете, самоопределение — очень странная и тонкая материя. Его нет в привычном смысле слова и о нем бессмысленно говорить в «третьем лице». Принятие рамки самоопределения «выбросило» нас в совершенно другой режим размышления, работы и даже жизни. Если коротко сформулировать его суть, то можно сказать, что мы вынуждены всегда и во всем начинать с собственного усилия — усилия понимания, рефлексии, анализа и использовать его в качестве ресурса своего движения.

Сегодня мы называем это «гуманитарным форматом» — исследования, проектирования, жизни. По-видимому, сущность таких гуманитарных форматов состоит как раз в том, что они появляются только после того, как случаются. Сначала они должны случиться, произойти с тобой, на твоей собственной социальной, культурной или, может быть, национальной органике. В этом их специфика, очень трудно объяснимая. Ты просто живешь, чего-то хочешь, к чему-то стремишься, а потом вдруг понимаешь — это был шанс. И дальше все зависит от тебя — удастся ли его перевести в исследовательскую задачу, в проект или в элемент образа жизни.

– Вы учились на совершенно разных факультетах. Как и когда сфера практической антропологии обозначилась для вас именно как профессиональная?

А.П.: Первое предположение, связанное антропологией, возникло у меня на первом курсе. Я тогда учился на физико-техническом фа-

культете Томского политехнического института, и, как оказалось, для меня это было погружением в технический предмет, который мною отторгался. Спасал только выход в пространство мышления, когда я работал с дисциплинами типа теоретической физики и математического анализа. Фактически, тогда и возник многоуровневый конфликт, где на противоположном техническому фокусу стал маячить фокус «человеческого». Попыткой разрешения этого конфликта и был уход после первого курса из политехнического института в педагогический. Почему именно в педагогический? Просто я не знал других путей, связанных с возможностью профессионально заниматься тем, что мы сегодня называем практической антропологией. А педвуз представлялся для меня тогда способом существования в проблеме по имени «Человек».

И.П.: В университете у меня был замечательный учитель — Елена Семеновна Ляхович. На философском факультете, куда я поступила, она была единственным преподавателем, который вместе со своими дипломниками двигался в теме образования и педагогики. Когда в начале второго курса наступило время выбрать себе научного руководителя, я пришла к ней и сказала: «Я хочу у Вас учиться». Она спросила, какая тема меня интересует. Я ответила, что меня интересует тема Истины. И она мне отказала на том основании, что она в этом не специалист и что мне лучше пойти к другому руководителю, который как раз накануне защитил по этой проблеме докторскую диссертацию. Я два месяца настойчиво просидела на ее спецсеминарах на задней парте. Они там как раз обсуждали платоновскую «Пещеру». Через два месяца она снова спросила меня, какой темой я теперь хочу заниматься. Я ответила: «Темой Истины». Она спросила, почему. Я ответила, что мне непонятно, как вообще человек может совмещать в себе собственное мнение и служение таким вещам, как Истина, Бог. Через много лет нашей совместной работы, уже накануне своего отъезда из России она сказала мне, что для нее это была одна из лучших образовательных ситуаций.

– А что оказалось главным на пути вашего «приближения к теме»?

А.П.: В институте я учился по индивидуальному плану. С 4-го курса начал преподавать физику в специализированном лицее на физико-математическом отделении. В то время меня захватили книги, ориентированные на ситуации личностных переживаний и проблему смысла — Бердяев, Франкл, Фромм, Бубер. Помню, что все это происходило как на одном дыхании: игра в театре (запомнилась роль в спектакле «Человек из Ламанчи»), полуночные лаборатории, выходные дни в читальном зале — в общем, сейчас остались только какие-то знаки, но почему-то память усиленно стирает то время. Странно…

Очень важная встреча произошла для меня случайно — я прочел книгу Арсения Гулыги «Иммануил Кант». Я был удивлен тем, что философ, построивший системную концепцию мышления, достаточно много размышлял о педагогике. Я не мог понять, как научный предмет соединяется с гуманитарно-антропологическим контекстом. Это только потом я прочитал кантовскую «Логику», «Трактаты и письма». Совершенно особое место в моем приближении к теме самоопределения занимают произведения братьев Стругацких. Я вообще считаю, что тексты Стругацких — это «золотая библиотека» тьютора, особенно такие их вещи, как «Град обреченный», «Поиск предназначения, или 27 теорема этики», «Подробности жизни Никиты Воронцова». По сути, это истории конфликтов, разрешающихся на фокусе индивидуального. А «Пикник на обочине» и «Дьявол среди людей» могут рассматриваться как демонстрация способов самоопределения.

И.П.: Мне очень повезло, я училась в самом первом в Томске наборе студентов-философов, и мы просто обязаны были сидеть в так называемом «спецхране» научной библиотеки и читать тексты, запрещенные для публичного прочтения. Сегодня кажется невероятным, но только там мы впервые могли увидеть тексты Ницше, Гуссерля, Хайдеггера, целого ряда русских философов, высланных в 1922 г. из России на знаменитом «корабле философов». А если говорить о наиболее ярких событиях, которые сохранились в памяти… 1987 г. — случайно обнаруженный среди поступивших в научную библиотеку университета новинок сборник со статьей Петра Щедровицкого «Очерки о непрерывном образовании». Это была первая, поразившая меня встреча с методологическим мышлением. 1988 г. — лекция Мераба Мамардашвили в Ленинградском институте социологических исследований, записанная мной на магнитофон. После этой лекции я стала искать и читать его работы, но, как вы знаете, в 80-х несколько лет Мамардашвили практически не публиковали. 1992 г. — первое участие в организационно-деятельностной игре «Образование и рынок», которую проводил в Томске Петр Щедровицкий, и слова, запомнившиеся мне на всю жизнь: «Когда некуда идти, иди «вверх». На фоне тогдашней жизни, особенно, на фоне господствовавших еще в то время советских способов «философствования», это было для меня совершенно завораживающей демонстрацией какого-то необычного, нового способа позиционирования (лучше не скажешь) себя в пространстве. И, конечно, образцом профессионального самоопределения для меня всегда являлся мой отец. Где-то я услышала замечательную фразу: «Я никогда не «воспитывал» своих детей. Их воспитал луч света под дверью моего кабинета». Это вполне могли бы быть и его слова.

– Откуда пришла идея рассматривать именно открытое образование в качестве институциональной формы для антропологических практик самоопределения?

А.П.: В ходе преподавания я пытался реализовать идею выхода из предмета (физики) в пространство организации мышления о нем. Но мне постоянно мешал сам предмет! Позже я понял, что предметная онтология очень сильна в захвате мышления. Промежуточным результатом был мой переход преподавать физику на гуманитарное отделение, где я попытался реализовать разработанную мной программу по истории философии науки. При этом я стал понимать, что занимаемая мной позиция не позволяет реализовать ту интенцию, которая привела меня в педагогику. Я чувствовал разрыв между собственными педагогическими целями и невозможностью их реализовать в сложившейся образовательной системе. Участие в организационно-деятельностных играх сформировало представление о возможности построения другого типа педагогического пространства, в котором была бы удержана связка гуманитарно-антропологического содержания (как содержания культуры), с одной стороны, и рефлексивного фокуса индивидуального, с другой. Но такое пространство не могло быть реализовано в логике обучения. Таким образом, произошел отказ не только от учительской позиции, но и от самого базового процесса, который разворачивался в обучении.

И.П.: Еще со школы я по себе знала, что освоение школьного знания любой сложности является только задачей, а не проблемой. Но что это означает для антропологической организации человека, на десять лет помещенного в этот социальный институт в положении, как выразился О.И. Генисаретский, «условно расконвоированного»? А потом на пять лет в вуз. Это значит, что у него атрофируются, как минимум, три важных антропологических качества — чувство ответственности, воля и способность к риску.

Образование не может быть «стерильным». В этом, как мне кажется, во многом и состоит идея открытого образования. Но сегодня, к сожалению, несмотря на массовое распространение различных видов удаленного (дистанционного) образования, вопрос о принципиальном устройстве открытых образовательных систем остается концептуально, идеологически, технологически и институционально не проработан. И наша позиция заключается в том, что создание систем открытого образования — вопрос не просто технический, как это часто трактуется, а вопрос антропотехнический, и, более того, антропопрактический, то есть вопрос условий и возможностей получения принципиально новых антропологических результатов и эффектов в современных образовательных практиках.

Нет слов, из открытых образовательных ситуаций, если они случаются, не выходят просто так, без изъятий, поскольку они связаны с экзистенциалами... На то они и образовательные, а не учебные. Мы считаем, что открытое образование, в отличие от традиционного обучения, строится не на «игрушечных», а на реальных ситуациях. На настоящих. Это и обусловливает ни с чем не сравнимые образовательные эффекты — антропологические эффекты. Отсюда и наша версия, связанная со сменой базового процесса в практиках открытого образования, о которой упомянул Александр. Согласно нашей версии, базовым образовательным процессом должен быть не процесс трансляции, а процесс организации, и три его модуса существования — исследование, проектирование и управление.

– А где взять сегодня для этого квалифицированные кадры, разделяющие такое понимание ситуации? Сегодня даже нет специальных курсов, посвященных системам открытого образования…

А.П.: Вы правы, с этим, действительно, есть определенная проблема. И я могу достаточно ответственно говорить о том, что в целом существующие сегодня институты повышения квалификации в сфере образования продолжают работать «по инерции». Их деятельность в большинстве случаев по-прежнему сохраняет выраженный ритуальный характер, то есть строится на том формальном обстоятельстве, что раз в несколько лет педагог или управленец обязан предоставить на рабочем месте бумагу о прохождении курсов повышения квалификации.

Но сегодня нужны иные проекты, связанные не только с системами открытого образования. Иные схемы организации проектирования и разработок. Заметьте, ход, который сегодня делается практически одновременно Институтом «Открытое общество» в рамках Мегапроекта «Развитие образования в России (среднее образование)» и Институтом образовательной политики «Эврика» очень интересный: заказ на разработку инновационных программ повышения квалификации дается не традиционным институтам, а экспериментальным площадкам и проектным группам, в число которых, конечно же, могут войти и представители ИПК.

– Как, на ваш взгляд, должна быть устроена современная система повышения квалификации?

И.П.: Я думаю, что повышение квалификации — это как бы «починка», обновление (даже не постановка, которая должна произойти в основном образовании) рамочных вещей — рефлексии и понимания. Квалификация — это и есть особый формат рефлексии пройденного пути и понимания его контекстов и горизонтов. Говоря это, я вспоминаю байку про человека, который умел только сверлить дырки и каждый день сверлил их качественно и в большом количестве, перевыполняя план. Но однажды ему сказали, что он сверлит их в днище корабля…

Или еще одна метафора. Вы знаете, что в немецком языке есть одна интересная особенность. Там чтобы понять смысл предложения, нужно ждать смыслового глагола, который стоит в самом конце. По этому поводу даже есть версия, что немцы стали нацией философов, потому что эта специфика языка сформировала в них рефлексивные способности. Так вот я думаю, что любой настоящий проект повышения квалификации — это и есть, в некотором смысле, смысловой глагол, стоящий в конце предложения.

А.П.: Дело в том, что большинство педагогических инновационных проектов, разворачивающихся в нашей стране на протяжении последних 15 лет, носили маргинальный социальный характер. Проектировщики, удерживая ряд педагогических и антропологических задач, не замыкали эти разработки на те социальные процессы, которые происходили в стране. Но, по всей видимости, в начале XXI в. образование может и должно мыслиться как первичная практика, а не только как вторичная, обусловленная экономикой, политикой, геополитикой.

Поэтому основной тезис заключается в том, что в основе и системы повышения квалификации должен лежать тот же принцип открытого образования. Я думаю, что именно открытое образование по-настоящему претендует на ту первичность, о которой я сказал. Однако для построения такого проекта, как мне кажется, необходимо дополнительно вводить ряд рамочных проектов, среди которых я бы выделил мировоззренческий, или идеологический проект, поколенческий проект, антропологический проект и организационный проект.

– Пожалуйста, расскажите коротко, в чем суть этих проектов?

А.П.: Мировоззренческий проект — это проект, связанный с идеей государственного строительства. Сегодня необходимо осмыслять идею открытого постнационального государства, осознавая, что Россия становится обществом многих культур, а, следовательно, и пространством конкуренции культурных целей. При этом важно понимать, что одним из важнейших гуманитарных ресурсов развития страны является русский язык, поскольку это язык проектирования, язык представлений о будущем. В ближайшие десятилетия биполярный державный мир перестанет существовать, появится многополярный мир. Поэтому для того, чтобы остаться определенным полюсом в таком многополярном мире, нашей стране необходимо опираться, в первую очередь, на достижения тех гуманитарных школ, которые исторически работали на русском языке, в русской культуре. Такими школами XX в. являются школы М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Л.С. Выготского, Г.П. Щедровицкого, М.К. Мамарда-

швили и др. Кроме того, у нас накоплен уникальный опыт организации жизни в территориях, соорганизации местных сообществ, вообще, опыт национальной соорганизации в экстремальных ситуациях.

Поколенческий проект. Выдвигаемая гипотеза связана с тем, что мы, с одной стороны, переживаем, а с другой стороны, сами провоцируем появление так называемого «нового левого поколения», для которого разговоры о крайнем либерализме и индивидуализме становятся несущественными, а правая идеология перестает быть актуальной. «Новые левые» — это течение, более близкое к французскому экзистенциализму, нежели к коммунистам. По-видимому, нам на новом уровне придется осмыслять проблемы коллективизма, коллективных способов организации деятельности, взаимодействия коллектива и отдельного человека. Одним из ключевых педагогических понятий, по-видимому, станет понятие команды и продуктивного командного действия.

Антропологический проект. Сегодня наше сообщество начинает тяготеть к идее не только «человеческих способностей», которые, так или иначе, связаны с деятельностной онтологией, а к идее человеческих возможностей и человеческих горизонтов, к идее строительства человеком возможных миров. Таким образом, это является логичным продолжением мыследеятельностного антропологического проекта, в котором, с одной стороны, человек позиционируется в деятельности, а с другой стороны, ставит задачу освобождения от деятельности и ее развития.

И, наконец, организационный проект. На сегодняшний день метафорической формой такого организационного проекта могут служить диаспоры, которые отвечают за членов своего сообщества, помогают им ставить и решать многие жизненно важные вопросы. В подобном, только образовательном сообществе функции могут быть делегированы друг другу. Например, в одном месте детей учат одному, в другом — другому. Педагоги и управленцы должны ставить и решать вопрос о единых, признаваемых всем сообществом конвертируемых сертификатах для того, чтобы избежать дублирования друг друга. А управленческой целью может стать переход от диаспоральных способов организации к государственным.

– А что должно измениться в жизни человека после этого? Появиться какие-то новые знания, навыки?

И.П.: Я вообще считаю, что повышение квалификации — вещь эксклюзивная и чрезвычайно дорогостоящая. Человек, принявший решение повысить свою квалификацию, просто обязан системно вложиться в этот процесс, кстати, в том числе, частично и финансово. Потому что деньги — это одновременно и эквивалент ответственности, и гарант того, что потраченные усилия и время не пройдут даром. А мы, я так думаю, живем в таком государстве, у которого нет лишних денег, которые можно было бы пустить «на

ветер». Человек, повысивший квалификации, просто обязан стать на порядок эффективнее.

Продолжая отвечать на Ваш вопрос, скажу, что, на мой взгляд, любая система повышения квалификации имеет смысл только в том случае, если она не просто улучшает жизнь конкретного педагога, но кардинально меняет ее. Дает шанс. Потому что если в системе повышения квалификации я снова и снова вижу людей, которые на протяжении двадцати лет старательно посещают все курсы, но у них так ничего и не изменилось — ни в профессионализме, ни в жизни, то я искренне начинаю не понимать. Прежде всего, про эту систему повышения квалификации.

– Смогут ли педагоги после этого возвратиться и работать в традиционной школе?

А.П.: Вы же понимаете, что этот вопрос в некотором смысле «родом из СССР». Во-первых, я не знаю, куда они пойдут. Когда я так говорю, я признаю их способность и право на самоопределение, куда пойти и что делать. Во-вторых, я думаю, что они могут вернуться на свои места и начать менять ситуацию. Я Вам скажу следующую вещь: то, что у нас сегодня уже демократия и открытое общество — это для западных экспертов. Мы-то с вами понимаем, что конкретно на рабочем месте, в классно-урочной системе, в школе, университете пока не действуют те механизмы демократизации, о которых все время говорят. Так, например аналитическое издание «Власть» отмечает, что 83 % детей не хотят идти в школу, потому что они боятся учителей, а 80 % выпускников вспоминают школьные годы «с ненавистью», и лишь 5 % «с любовью!» («Власть». 2001. № 34, с. 50—51). Ментальность меняется не так быстро. Поэтому, я думаю, что выпускники этой СПК прежде всего на своем теле должны будут выращивать новую педагогическую и социальную культуру.

– Но учителя у нас в большинстве своем тоже «родом из СССР»…

А.П.: Действительно, это во многом поколение людей, которое прожило большую часть своей жизни в условиях тоталитарного государства, и часто повлиять на их профессиональные убеждения бывает просто невозможно. С другой стороны, многие педагоги сделали героические прорывы, когда начали обсуждать смену базового процесса в образовательном учреждении. Мне кажется, нам часто мешают стереотипы педагогического сознания. Традиционно педагог отвечал за обучение ребенка в классной комнате и все. И сегодня эта идеология мешает людям думать о чем-то большем. Жизнь изменилась, теперь возможно и необходимо думать о большем, и на профессионала, как ни странно, накладывается дополнительная ответственность — за последствия того, что он делает. По-

тому что ребенку предстоит жить в другой стране и в другой мире — не в том, в котором сформировались мы сами, и даже не в том, в котором мы сегодня живем, а в совершенно другой системе социальных координат. Хотим мы того, или не нет.

И.П.: Год назад в рамках томского Мегапроекта «Развитие образования в России» был разработан и проведен очень интересный конкурс проектов повышения квалификации, в котором наряду с другими наш проект получил своеобразный карт-бланш. Все мы — и организаторы, и участники конкурса понимали: прежде всего нужны проекты, которые помогут изменить то, что можно назвать «образовательной ментальностью» педагогов, в том числе, и молодых, к сожалению. Именно поэтому и появились такие направления, как «Первый шаг», «Проектирование в образовании». В нашем проекте такие модули мы называем «Миры культурных переходов».

– Я знаю, что вы были не только участниками конкурса, но и членами томской региональной стратегической команды Мегапроекта.

И.П.: Год назад я даже целую статью про это написала под названием «“Слабое звено”: к методологии исследования действием». Она начиналась примерно такими словами: «Номинация конкурса проектов повышения квалификации, в котором мы стали победителями, могла бы звучать так: «Исследование действием как способ повышения квалификации». Мы победили задолго до окончания этого конкурса и официального подведения итогов. Победили на том основании, что почти за год до объявления первого набора слушателей в программы повышения квалификации, нам удалось (выпала удача!) на своем собственном «теле» реализовать совершенно уникальный, полный образовательный цикл повышения квалификации, начиная от процедуры собственной дисквалификации и заканчивая выходом в другой, более высокий контур — не только профессиональный, но и финансовый, и жизненный. Причем именно в той логике, которую мы с таким трудом вынашивали в своих образовательных проектах». Я думаю, что мы с полным правом можем считаться одновременно и первыми финалистами этого Конкурса, и первыми людьми, эффективно собственную квалификацию повысившими.

Вообще, историю нашего участия в Мегапроекте в качестве членов РСК я рассматриваю как идеальную модель повышения квалификации. И я нисколько не лукавлю, когда говорю, что это была удача. Я прежде всего исследователь, гуманитарный технолог, и у меня должен быть не житейский, а профессиональный, рефлексивный взгляд на все происходящее за рамками того, что называют «частной жизнью». А тут удивительным образом совпали все необходимые

условия для ситуации открытого образования! С одной стороны, действительно сложилась Ситуация. То есть такая конфигурация пространства, в котором любое твое действие является в определенной степени риском, потому что нигде не написано, как нужно двигаться, в котором ничего не гарантировано, кроме собственных возможностей и которым ты захвачен экзистенциально, по-настоящему. Во-вторых, была Образовательная Задача. Нам нужно было разработать новую систему повышения квалификации, построенную на совершенно иных содержательных, организационно-управленческих, нормативно-финансовых, даже институциональных принципах. А в-третьих, был Тьютор. Правда, эту роль мы сыграли для себя сами.

– А Вы опубликовали эту статью?

И.П.: А зачем? Ведь я написала ее с исключительно образовательной целью, прежде всего, для самой себя. Мы исходим из того, что любую жизненную ситуацию на каком-то этапе просто необходимо переводить в образовательную, в собственный антропологический ресурс. Потому что опыт должен все-таки извлекаться. А чаще всего происходит так, что опыт не извлекается, и все продолжается по-прежнему.

У Мераба Мамардашвили в «Лекциях по античной философии» есть очень интересное рассуждение об этом. Он пишет, что идею Бытия греки вводили как раз для того, чтобы обозначить этим понятием момент извлечения смысла — остановку движения, вырывание себя из заданного круга, смену стратегии, принятие решения. Я думаю, что образование сегодня одна из немногих сфер, сохранивших в себе даже не потенцию, а память того, что когда-то она была практикой. А практика — вещь предельно бытийная, это вхождение в Бытие и бытийствование одновременно.

В своих образовательных проектах мы стараемся в качестве требования удержать эту идею практичности. Мы исходим их того, что содержание образования существует не натурально, а рефлексивно, в личном усилии, и поэтому любой образовательный цикл должен завершаться той или иной формой рефлексией. В ШГО в конце каждого образовательного модуля старшеклассники обязательно пишут собственный текст — эссе. Эта статья и стала для меня таким эссе. Написав ее, я как бы перевела в свой «культурный архив» целый фрагмент жизни.

– А что, на ваш взгляд, сегодня должно принципиально измениться в системе управления образованием?

А.П.: Это хороший вопрос. Знаете, я Вам так скажу: для того чтобы выстраивать в этой, как пел Борис Гребенщиков, «неритмичной стране», систему открытого образования, нам пришлось самим стать и организаторами, и менеджерами, и продюсерами. А вообще-то мы кандидаты философских наук. Я, например, хочу философией

субъективизма и дальше заниматься, но занимаюсь я.… Приходится решать финансовые вопросы, общаться с политиками, с предпринимателями, контактировать с органами власти. Конечно, можно сказать, что это наша проблема и вопрос нашей ответственной позиции — если хочешь построить образовательный проект, ты не можешь отвечать лишь за философское и педагогическое содержание.

Но вот смотрите. У нашего коллектива примерно четыре-пять поездок каждый месяц в разные регионы. Мы делаем систему открытого гуманитарного образования для юношей, и, заметьте, реальная востребованность на такие технологии очень высокая — в школах, детских домах, во Дворцах пионеров и т.д. Приезжаешь в какую-нибудь территорию, работаешь с педагогами, с детьми, с директорами образовательных учреждений, и все хорошо, пока не приходишь в местное управление образования и не говоришь: «Вот, сетевой проект. Из подведомственной Вам территории столько-то старшеклассников уже второй год, на деньги собственных родителей ездит и получает дополнительное гуманитарное образование. Денег не просим, поскольку Вы скажете, что их у Вас нет, но просим проэкспертровать программу и построить с нами партнерские отношения хотя бы на уровне простого официального признания». В ответ — что бы Вы думали? Правильно. «Как так! А почему мы не знаем! Мы же областное (краевое) управление образования! Какая Сеть? Ничего не знаем. В наших годовых планах вас нет». Правда, после этого им трудно живется. Поскольку невозможно одновременно и знать, что мы есть, и «не знать» об этом.

И.П.: Я бы сказала об этом так: главной проблемой является катастрофический дефицит гуманитарной культуры управления. Гуманитарное управление — это умение эффективно распорядиться ресурсом, который больше, чем твой собственный. Умение организовать дело так, чтобы оно (дело) полностью не зависело от уровня и скорости твоего собственного понимания. Говорят, что талант мастера заключается в том, что он может научить тому, чего умеет сам. А талант Учитель — в том, что может научить даже тому, чего сам не умеет. Потому что в отличие от мастера, для Учителя человек — это бесконечная возможность. Так и с человеческими коллективами. Наверное, это и есть талант управленца — вобрать мощный ресурс. А для этого у него должны быть и соответствующие средства — не только нормы, но и рамки. Сегодня реальную управляющую позицию сможет сохранить только тот, кто способен вовремя осуществлять опережающую смену рамок и выстраивать зоны ближайшего развития в своей сфере. А люди, если удается создать такую «зону», начинают очень быстро двигаться. Теперь, благодаря нашей работе в Красноярской программе развития системы дополнительного образования края, мы знаем об этом не понаслышке.

– Скажите, чем отличается ваша позиция, позиция вашего поколения по отношению к той сфере, в которой вы работаете?

А.П.: На мой взгляд, сегодняшняя ситуация разворачивается для нашего поколения очень интересно. Мы понимаем, что конфликт непродуктивен, да и мы в нем не выиграем. Мы не должны позиционироваться как альтернатива системе государственного управления на местах, потому что противостоять, собственно, не кому и не чему. Но у нас наконец-то появился шанс принять участие в реализации государственных задач. Заметьте, несмотря не то, что основной ресурс наша команда находит сама, мы считаем, что решаем государственную задачу, связанную с развитием человеческого потенциала в стране. У нас есть возможность строить сетевые проекты в рамках этой новой идеологии, мы находим партнеров среди родителей, предпринимателей, политиков, некоторых руководителей региональных образовательных систем. Так и делается переструктуризация российского общества. Она происходит прямо на наших глазах. Честно говоря, наше поколение давно этого ждали. Конечно, многое в стране сегодня нуждается в существенной реформе. Но, понимаете, если наше поколение действительно хочет что-то сделать, мы не можем только негативно (как это часто бывает) обсуждать существующую армию, систему образования, структуру современной российской жизни, что угодно. Ведь другой страны у нас нет. Поэтому мы просто обязаны быть конструктивными.

И.П.: Мы действительно верим в возможность создания открытого образовательного пространства в нашей стране и считаем, что именно за счет больших сетевых проектов (таких, например, как Мегапроект «Развитие образования в России») есть шанс привлечь в различные сферы ресурс прежде всего тех людей, которые научились жить самостоятельно, без опеки, ушли из-под непосредственного подчинения государственной системе управления на рынок и сегодня там достаточно успешны. Это люди с другой, уже не советской психологией, люди, которые почувствовали свободу и умеют зарабатывать деньги. Но с этими людьми невозможно поступать так, как привыкли поступать с людьми советские чиновники, которые думают что у человека в принципе нет выбора. У нас очень много друзей в разных регионах, активно и эффективно работающих в сферах PR, СМИ, искусства, бизнеса, политики и т.д. И все они говорят, что нашему поколению практически на каждом шагу сегодня приходится сталкиваться с ментальностью постсоветсткого чиновника. А образование — это прямо какой-то «заповедник» всего этого! Я уже заходя в кабинет какого-нибудь начальника управления образования, готовлюсь услышать одну и ту же фразу: «Вы

пока работайте, это интересно, а мы потом посмотрим, какие у вас будут результаты, и решим, нужно нам это или нет». И хотя на словах сегодня мы все чаще слышим от чиновников про пресловутый «диалог», фактически нашему поколения пока говорят так: «Мы, конечно, с вами одна команда, но кто вы такие?».

– Но это же ненормально!

А.П.: Нормально, ненормально — другой Страны у нас нет! Я считаю, что идеология открытого образования и технологии педагогики самоопределения — это прототип нового поколения образовательных практик, и Россия имеет все шансы стать инициатором их разворачивания. Это в своем роде российское «ноу-хау», которое, заметьте, основано на разработках именно российских философских и гуманитарных школ. Поэтому этот проект «культурен» по отношению ко всему XX в., но он не советский и не западный.

Я уже сказал, что наступает очень интересное время для молодого поколения, когда можно совершенно спокойно и ответственно думать о России, причем не в каких-то гигантских, фантастических комсомольских масштабах, а в рамках собственных конкретных проектов. Сейчас, с приходом нового Президента, появляются различные конкурсы, тендеры, программы, которые позволяют нашему поколению начинать серьезно двигаться в рамках решения государственных задач, а не состариться, дожидаясь своего часа, как это бывало раньше. Значит, что-то происходит в стране. Значит, настало время делать государственные проекты. Что из этого получится — посмотрим. Во всяком случае, мы к этому готовы.

* * *

P.S. Я приношу свою благодарность Елене Рожковой и Ирине Проскуровской за помощь в обработке материалов и подготовке представленных в этом разделе текстов.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА БЛОК — студентка факультета журналистики Алтайского государственного университета, сотрудник некоммерческого партнерства «Политика развития» (Агентство гуманитарных технологий «DEPO»), менеджер проектов в сфере культурной политики и PR (Барнаул).

АНДРЕЙ ГЛАВАНАКОВ — продюсер гуманитарных проектов, соавтор и руководитель издательских проектов «Здоровье Томичей», «Меню города Томска», «Новый век Томска — Кто Есть Кто», главный редактор журнала «Следующий Шаг» (Томск).

ОЛЕГ ГЕНИСАРЕТСКИЙ — доктор искусствоведения, профессор, заместитель директора Института человека Российской Академии наук, член Академии гуманитарных наук, член Экспертного совета по инновациям в сфере образования Комитета по образованию правительства г. Москвы, председателем Экспертной комиссии по пространственному развитию Приволжского федерального округа (Центр Стратегических исследований ПФО) (Москва).

ИГОРЬ ДАВЛЕТШИН — старший научный сотрудник Кемеровского областного музея изобразительных искусств, координатор Центра «Сибирская NOVA KULTURA», постоянный эксперт некоммерческого партнерства «Политика развития» («DEPO»), лауреат международных арт-видео фестивалей «Экзотика», автор и руководитель ряда арт-проектов (Кемерово).

АНДРЕЙ ЗОТКИН — кандидат философских наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета, член Томской региональной стратегической команды Мегапроекта «Развитие образования в России», эксперт в области программ профессионального развития и повышения квалификации (Томск).

ВЯЧЕСЛАВ ЛОЗИНГ — кандидат педагогических наук, директор Центра образования, автор ряда региональных образовательных проектов — «Школа лидеров», Школа бизнеса и управления, Школа стратегического менеджмента, эксперт-консультант в сфере образования и проектно-программного управления (Кемерово).

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ — кандидат филологических наук, доцент Института языковых коммуникаций Томского политехнического университета, эксперт-консультант в сфере региональных СМИ (Томск).

АЛЕКСАНДР ПОПОВ — кандидат философских наук, заведующий лабораторией открытого образования и практической антропологии Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО, руководитель Федеральной экспериментальной площадки Министерства обра-

зования России «Сибирская Сеть Открытого гуманитарного образования», эксперт-консультант в сфере управления, социальной и образовательной политики (Томск).

ИРИНА ПРОСКУРОВСКАЯ — кандидат философских наук, заведующая кафедрой гуманитарных технологий в системах образования и подготовки кадров Томского государственного педагогического университета, эксперт некоммерческого партнерства «Политика развития» («DEPO») (Томск).

НАТАЛИЯ РЫБАЛКИНА — менеджер образовательных проектов Московского психолого-социального института, автор более пятнадцати концептуальных статей по тьюторству, а также практических разработок новых индивидуально-ориентированных образовательных технологий (Москва).

СЕРГЕЙ СМИРНОВ — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Новосибирской Государственной Академии экономики и управления, является разработчиком ряда российских и международных проектов: «Инновационные методы управления городским развитием» (совместно с голландским Институтом социальных исследований, Гаага), «Сибирские Философские школы», «Центр корпоративного предпринимательства — Новосибирск» (ЦКП-Н) (Новосибирск).

АРКАДИЙ ЦУКЕР — заведующий лабораторией игровых технологий ИПК г. Новокузнецка, главный редактор альманаха «Сибирь. Философия. Образование», автор проекта «Комплексный ценностно-ориентированный подход в системе подготовки педагогов к инновационной деятельности», консультант в сфере в управления и бизнеса (Новокузнецк).

This is the fourth issue in the series devoted to the theme "Philosophy and the Pedagogic of Self-Determination". This book comprises the materials of the Siberian Anthropological Forum of Generations "Children of December", which took place in December 2001. It also includes a series of articles by Alexander Popov, the author of the idea of the Forum, the founder and leader of the Siberian School of Humanitarian Education.

The participants of the dialogue represent various ages, professions and regions, united by a common goal to give a humanitarian format to the discussion of the anthropological problems in our country. The theme of generations became a "self –determination card" for all participants of the project. It was the theme around which the versions concerning the situation with Humanitarian Russia and its interpretations were centered.

The book is a scientific edition and can be considered as an original teaching aid designed for the professional development in education. It is targeted at researchers and project designers in the Open Education, pedagogues, tutors, and other specialists in practical anthropology.

Научное издание

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ПРАКТИКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Технический редактор: *О.Ю. Пономарева*
Корректор: *А.Н. Иванский*
Оригинал-макет *издательства «Дельтаплан»*

Лицензия ЛР 020557 от 28.05.92 г.
Подписано в печать 22.04.2002.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Гарнитура «Петербург». Усл. печ. л. 12,81. Уч.-изд. л. 11,3.
Заказ № 163. Тираж 500 экз.

Издательство Томского государственного
педагогического университета
634041, г. Томск, пр. Комсомольский, 75, оф. 254а
Тел. (3822) 52-24-77, факс (3822) 52-17-93
E-mail: publish@tspu.edu.ru

Отпечатано ООО «Дельтаплан».
Лицензия ИД № 01282 от 22.03.2000.

426551 204780
634034, ул. Пирогова, 10